

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1502

ВЕСТНИК
*Новосибирского государственного
педагогического университета*

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

2(24) 2015

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В. Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и исторические науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

физико-математические и социально-

экономические науки

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология, филологические науки

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш. А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.
Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по
русс. лит. (Милан, Италия)

Мукатаева Ж. М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н.с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л. И., д-р мед. наук, проф., академик РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В. З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М. М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е. В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю. И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э. В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-
Петербург)

Жафяров А. Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З. Р., д-р культурол., проф. (Нижевартовск)

Иванова Л. Н., д-р мед. наук, проф., академик РАН
(Новосибирск)

Казин Э. М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В. Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н. А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И. В., д-р филос. наук, проф., академик РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О. М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С. Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В. И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г. И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М. А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л. А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю. Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т. И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В. П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А. В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В. И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н. П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К. А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

тел. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 07.04.15

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate

The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications

The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL

«NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Historical Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Physics, Mathematics, Social and Economics Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical

Sciences, Professor

RyapISOV N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the

NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Culturology, Philology Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Tripolskay T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute,
(Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica
del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences,
Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech
Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of
Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University,
(Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof.,
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester
(Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher
in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences
(Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of
Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk
University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University
(Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerasev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS
(Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor
(St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor,
the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS,
Institute of Cytology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of
IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ.
of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstceva O.M., Dr. of Psychological Sciences,
Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor
(Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the
Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics
(Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
(Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical
Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician
of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc.,
Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

tel. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

XV Филологические чтения «Проблемы интерпретационной лингвистики: прагматика и словарь» в Новосибирском государственном педагогическом университете	7
Текст словаря как отражение картины мира говорящих.	
Прагматическая информация в словаре: типы и способы лексикографической интерпретации <i>Боноло А.</i> (Милан, Италия). Различение семиотических, прагматических и культурных компонентов лексического значения в двуязычной лексикографии русского и итальянского языков	14
<i>Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.</i> (Новосибирск, Россия). Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями	28
<i>Ефремов В. А.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Словари субстандарта в лингвоэкспертной практике	41
<i>Калузио М.</i> (Милан, Италия). Как звучит на итальянском языке русское слово <i>лагерь</i>	50
<i>Плотникова А. М.</i> (Екатеринбург, Россия). Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова	58
<i>Мусси В.</i> (Милан, Италия). Лексикографирование переносного значения в русско-итальянских и итальянско-русских двуязычных словарях (на материале энтомологической лексики)	66
<i>Перфильева Н. П.</i> (Новосибирск, Россия). Лакуны в лексикографическом описании слов тематической группы «пунктуация»	76
<i>Таргонская Е. П.</i> (Новосибирск, Россия). Названия жилищ в Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков): структура словарной статьи	85
<i>Зульхаят Аманулла</i> (Урумчи, Китай). Формирование профессиональных качеств устного переводчика: русский и китайский языки	93
<i>Храмцова Л. Н.</i> (Новосибирск, Россия). Семантико-прагматический потенциал леммы <i>позитивный</i> в современном русском языке	103
Семантические и прагматические аспекты высказывания и текста	
<i>Дымарский М. Я.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Прагматика как векторная семантика	118
<i>Мишанкина Н. А.</i> (Томск, Россия). Прагматика научного дискурса	126
<i>Кустова Г. И.</i> (Москва, Россия). Агентивный инфинитив в контексте функциональных имен ..	134
<i>Чернобров А. А.</i> (Новосибирск, Россия). Прагматические аспекты перевода апеллятивной и ономастической лексики	144
<i>Меркантини С.</i> (Москва, Россия – Милан, Италия). Количественное значение аппроксиматора <i>quasi</i> и его синонимов	154
<i>Крылов Ю. В.</i> (Новосибирск, Россия). Нарушение норм языка в рекламном дискурсе (прием и антиприем)	161
<i>Маркасова О. А.</i> (Новосибирск, Россия). Понятие «грамотность» в наивном языковом сознании: поиск критериев и средств достижения	172
<i>Козлов А. Е.</i> (Новосибирск, Россия). Проспективный смысл слова <i>катастрофа</i> в романе Ф. М. Достоевского «подросток»	183
<i>Баранчева Е. И.</i> (Новосибирск, Россия). Прагматический потенциал переводного текста	193
<i>Столярова И. В.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Речевая манипуляция «воспитателя» (на материале современного художественного дискурса)	203
<i>Гутарова А. В.</i> (Владивосток, Россия). К вопросу о соотносительности именных компонентов аналитических глагольно-именных конструкций с производящими глаголами немецкого языка	212

CONTENTS**PHILOLOGY SCIENCES**

15th Philological readings "Problems of Interpretational Linguistics: Pragmatics and the Dictionary" in the Novosibirsk State Pedagogical University	7
<i>The dictionary text as a reflection of the speakers' world view. Pragmatic information in the dictionary: Types and methods of lexicographic interpretation</i>	
<i>Bonola A.</i> (Milan, Italy). The distinction between semiotic, pragmatic, and cultural components of lexical meaning in bilingual lexico-graphy Russian and Italian languages	14
<i>Bulygina E. Y., Tripolskaya T. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Ideological semantics as the object of lexicographically different-temporal dictionaries	28
<i>Efremov V. A.</i> (Saint Petersburg, Russian Federation). Dictionaries of substandard language in lingvo-expert's practice	41
<i>Calusio M.</i> (Milan, Italy). Russian camps and italian dictionaries	50
<i>Plotnikova A. M.</i> (Yekaterinburg, Russian Federation). Vocativity as dictionary and pragmatic characteristic of a word	58
<i>Mussi V.</i> (Milan, Italy). Lexicographic presentation of figurative sense in Russian to Italian and Italian to Russian dictionaries (as exemplified in entomological lexis)	66
<i>Perfilyeva N. P.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Hollowness in the lexicographical descriptions of the words of the thematic group "punctuation"	76
<i>Targonskaya E. P.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Words meaning, dwelling place, in the old Slavonic dictionary (based on the manuscripts of the 10th–11th centuries): structure of a dictionary entry	85
<i>Zulhayat Amanullah</i> (Urumqi, China). The formation of professional qualities of an interpreter: Russian and Chinese languages	93
<i>Khramtsova L. N.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). The semantic and pragmatic potential of lexeme positive in modern Russian language	103
<i>Semantic and Pragmatic Aspects of the Proposition and Text</i>	
<i>Dymarskiy M. Ya.</i> (Saint Petersburg, Russian Federation). Pragmatics as vector semantics	118
<i>Mishankina N. A.</i> (Tomsk, Russian Federation). Pragmatics of scientific discourse	126
<i>Kustova G. I.</i> (Moscow, Russian Federation). Agentive infinitive in the context of functional nouns ..	134
<i>Chernobrov A. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Pragmatic difficulties in translation of common and proper names	144
<i>Mercantini S.</i> (Milan, Italy). Quantitative component in the approximative quasi and its synonyms ...	154
<i>Krylov Yu. V.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Violation of language norms in advertising discourse (language devices and anti-devices)	161
<i>Markasova O. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). The notion of "literacy" in the naive language conscience: in search of criteria and the means of achieving	172
<i>Kozlov A. E.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). "The raw youth" of F. Dostoevsky: prospective semantics of the concept "Catastrophe"	183
<i>Barancheeva E. I.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Pragmatic potential of the translated text	193
<i>Stoliarova I. V.</i> (Saint Petersburg, Russian Federation). Speech manipulation of the "educator" (based on modern art discourse)	203
<i>Gutarova A. V.</i> (Vladivostok, Russian Federation). To the question of the nominal components of the analytical verbal-nominal constructions with their root verbs	212

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY SCIENCES

XV ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ПРАГМАТИКА И СЛОВАРЬ» В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В Институте филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета 16–18 октября 2014 г. состоялись XV Филологические чтения «**Проблемы интерпретационной лингвистики: прагматика и словарь**». Международная научная конференция проводилась в рамках Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг. В XV Филологических чтениях приняли участие лингвисты Санкт-Петербурга (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена и Институт лингвистических исследований РАН), Москвы (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Московский педагогический государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Московский городской педагогический университет), Новосибирска (Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный технический университет, Сибирский государственный университет путей сообщения, гимназия № 1), Томска (Томский государственный научно-исследовательский университет, Томский государственный педагогический университет), Екатеринбурга (Уральский федеральный государственный университет), Италии (Миланской Католической университет – *Università Cattolica del Sacro Cuore*) и Китая (Синьцзянский университет, Урумчи).

В рамках конференции было заслушано 62 доклада. В конференции традиционно при-

нимали участие в качестве слушателей студенты, магистранты-филологи новосибирских вузов, а также школьные учителя Новосибирска.

Ежегодная научная конференция в НГПУ посвящается исследованию какой-либо актуальной проблемы, содержательно связанной с комплексной исследовательской темой кафедры современного русского языка «Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящих». Последнее десятилетие научной работы кафедры отражено в тематике Филологических чтений: «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мета- и реинтерпретация», «Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим», «Лакуарность в языке, картине мира, словаре и тексте», «Континуальность и дискретность в языке и речи», «Комментарий и интерпретация текста», «Полевые исследования в современной лингвистике: проблемы и перспективы», «Дискурс лжи и ложь как дискурс», «Активные процессы в языке: языковая личность – словарь – текст».

В этом году конференция, посвященная изучению семантических и прагматических аспектов слова, высказывания и текста (в том числе и текста словаря), проходила в следующем формате: в первые два дня состоялись пленарные и секционные заседания, в последний конференционный день работали круглые столы и проходил мастер-класс.

Круглые столы «Текст словаря как источник разноплановой информации о языке» (ведущий – доктор филологических наук, профессор РГПУ В. А. Ефремов) и «Инновации в вузовском преподавании: функциональная грамматика на разных ступенях обучения в русской и иноязычной аудитории» (ведущие – доктор филологических наук, профессор НГПУ И. П. Матханова и доктор филологических наук, профессор СПбГУ М. Д. Воейкова) были ориентированы на широкую аудиторию филологов: вузовских преподавателей, учителей школ и гимназий, студентов и аспирантов.

Мастер-класс «Проблемы преподавания русского языка как иностранного» (открытое занятие) провели для китайских студентов два преподавателя русского языка как иностранного: доцент института иностранных языков Синьцзянского университета (Урумчи, Китай), руководитель Центра русского языка (Чтение и комментарий текста) Цзуляйти Аманула и доцент НГПУ Ю. М. Бокарева (Речевой этикет в межкультурной коммуникации).

Мастер-класс посетили учителя-словесники и преподаватели русского языка как иностранного из разных школ и вузов Новосибирска и Новосибирской области.

Актуальность научной проблематики, связанной с исследованием семантико-прагматического потенциала высказывания и текста, а также с изучением прагматического макрокомпонента в лексическом значении слова и его лексикографического описания, обусловлена включенностью в более широкий современный научный контекст – исследование интерпретационного потенциала языковой системы и творческой активности человека. Кроме того, актуальным представляется обсуждение вопросов, связанных с полипарадигматизмом лингвистической науки, с

осмыслением места и значимости прагматических исследований в современной научной парадигме.

На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

- Семантико-прагматическая исследовательская парадигма в соотношении с другими научными направлениями: основные результаты и перспективы.
- Исследовательский инструментарий семантико-прагматического изучения языка.
- Прагматическая информация в словаре: типы и способы лексикографической интерпретации.
- Зоны «особого внимания» лексикографов: изучение и семантизация прагматического компонента в содержании слова; иллюстративный материал в тексте словаря; структура словарной статьи и др.
- Основные тенденции современной лексикографии: расширение корпуса лексикографических объектов; расширение базы источников; отражение динамических процессов в русской лексике и различных свойств языковых единиц (портретирование слова); расширение типологии словарей и др.
- Текст словаря как отражение картины мира говорящих.
- Российская и западноевропейская лексикографические традиции: притяжение и отталкивание.
- Формирование и использование в исследовательской практике современных баз данных: корпусов текстов и лексикографических источников разных типов.

Предложенная тематика оказалась одинаково интересной для лингвистов разных научных направлений и школ, изучающих интерпретационный потенциал языковых единиц разных уровней, семантико-прагматические характеристики высказывания и текста и методики их исследования, а также проблемы

лексикографической интерпретации языковых фактов в словарях разных типов.

Отправной точкой научных дискуссий стал словарь как источник сведений о языке, картине мира говорящих и лексиконе языковой личности, как особый тип текста, как определяющий фактор в выборе объекта описания в перспективе лингвистических исследований.

Особый интерес всех участников вызвало обсуждение исследовательских возможностей современных лексикографических источников и способов лексикографирования прагматически маркированных лексических единиц. Этим вопросам было посвящено первое пленарное заседание конференции и круглый стол «Текст словаря как источник разноплановой информации о языке». Докладчики затронули широкий круг проблем: от истории создания словарей до проблемы адресации словаря, от выявления достаточно новых объектов лексикографирования (идеологических, национально-культурных, гендерных и др. смыслов) до проблем субъективности лексикографической практики:

- Валентина Даниловна Черняк (Санкт-Петербург). Фактор адресата в названиях словарей.

- Валерий Анатольевич Ефремов (Санкт-Петербург). О субъективности лексикографической практики.

- Анна Бонола (Милан, Италия). Различение семиотических, прагматических и культурных компонентов лексического значения в двуязычной лексикографии русского и итальянского языков.

- Татьяна Александровна Трипольская, Елена Юрьевна Бульгина (Новосибирск). Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями.

- Евгения Наумовна Басовская (Москва). Об агностицизме, сандалях и суягной овце (из истории создания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова).

- Анна Михайловна Плотникова (Екатеринбург). Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова.

- Наталья Петровна Перфильева (Новосибирск). Лакуны в лексикографическом описании слов тематической группы «пунктуация».

На втором пленарном заседании обсуждались актуальные теоретические проблемы, связанные с семантико-прагматической исследовательской парадигмой в соотношении с другими научными направлениями. В докладах рассматривались основные результаты и перспективы данного исследовательского направления:

- Михаил Яковлевич Дымарский (Санкт-Петербург). Прагматика как векторная семантика.

- Мария Дмитриевна Воейкова (Санкт-Петербург). Прагматические функции диминутивов в речи детей и взрослых.

- Галина Ивановна Кустова (Москва). Агентивный инфинитив в контексте функциональных имен.

- Наталья Александровна Мишанкина (Томск). Прагматика научного дискурса.

- Зоя Ивановна Резанова (Томск). Корпусное и экспериментальное исследование гендерной семантики: к проблеме возможностей и ограничений методов.

- Ирина Петровна Матханова (Новосибирск). Аспектуальность в ряду категорий, отражающих идею времени: особенности ориентации, восприятия и интерпретации.

- Дмитрий Анатольевич Катунин (Томск). «Русская весна» и изменения языкового законодательства.

Прагматика как векторная семантика, прагматика научного дискурса, экспериментальные методики изучения прагматического компонента в семантике слова – эти исследования определили круг обсуждаемых проблем, весьма существенных для коммуникативно-прагматического направления в целом.

В ходе пленарных заседаний были заданы основные содержательные векторы всей конференции, которые получили дальнейшее развитие в докладах участников секционных заседаний.

«Лексикографическая» тематика была интересна докладчикам двух секций: проблемы текста словаря как отражения картины мира говорящих обсуждались в докладах Т. А. Демешкиной (Томск) «Словарная статья как источник изучения авторизационных смыслов», Е. В. Скворецкой (Новосибирск) «Лексикографические аспекты хронотопической лексики в русском языке», О. А. Ружи (Новосибирск) «Когнитивный потенциал лексики с семантическим компонентом "специалист"», Л. Н. Храмцовой и О. А. Новоселовой (Новосибирск) «Иллюстративный материал региональных словарей как источник информации об особенностях картины мира диалектоносителя», А. Барановой (Новосибирск) «Вариативность родовой характеристики несклоняемых существительных и её отражение в словарях», Н. В. Носенко (Новосибирск) «Любопытство vs любознательность в русской и англоязычных языковых картинах мира».

Вопросы соотношения семантических и прагматических компонентов в значении слова и способов их лексикографирования рассматривались в работах Л. Н. Храмцовой (Новосибирск) «Семантико-прагматический потенциал лексемы *позитивный*», Ю. Н. Адовой (Новосибирск) «Лексикографическое опи-

сание ядерных существительных тематической группы слов с семантикой "угол зрения"», Е. А. Суховой (Новосибирск) «Прагматическая информация в словарях для начальной школы», Е. Б. Бачуриной (Новосибирск) «Прагматический потенциал словарей устойчивых выражений», Л. Г. Гынгазовой (Томск) «Система помет в «Полном словаре языковой личности диалектоносителя»», И. И. Саженина (Новосибирск) «Способы решения прикладных лингвистических задач с помощью автоматизированных поисковых систем (при работе с прагматически маркированной лексикой)».

Впервые на Филологических чтениях обсуждались актуальные проблемы сопоставительной лингвистики, двуязычной лексикографии и теории перевода. Анализ двуязычных словарей и лексикографических аспектов перевода представлен в докладах М. Калузио (Милан) «Лексикография и перевод: как звучит на итальянском языке русское слово "лагерь"», В. Мусси (Милан – Новосибирск) «Лексикографирование переносного значения в русско-итальянских и итальянско-русских двуязычных словарях (на материале энтомологической лексики)», Е. Г. Басалаевой (Новосибирск) «Специфика отражения лексики обонятельного восприятия в словарях русского и старославянского языков», А. А. Черноброва (Новосибирск) «Прагматические аспекты перевода ономастической и апеллятивной лексики», И. Гарбуйо (Милан – Новосибирск) «Флористическая метафора в русском и итальянском языках: лексикографический и коммуникативный аспекты», С. Меркантини (Милан – Москва) «Лексикографический портрет аппроксиматора *quasi* и его синонимов», Ли Янь (Урумчи, Китай) «Лексические проблемы перевода с китайского на русский язык для китайских студентов», Е. П. Таргонской (Новосибирск) «Слова, называющие жилище, в

«Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)»: структура словарной статьи», С. А. Поповой (Новосибирск) «"Насмешка" в языковой картине мира: словарь и дискурс (на материале русского и английского языков)», Е. Ю. Тригубович (Новосибирск) «Русский, испанский, английский *сад* в фокусе лексикографии».

Семантические и прагматические аспекты высказывания и текста, проблемы, связанные с семантико-прагматической исследовательской парадигмой в соотнесении с другими научными направлениями, заявленные на втором пленарном заседании, стали предметом обсуждения в секционных докладах А. В. Курьянович (Томск) «Функциональные аспекты исследования семантики и прагматики языковых единиц в судебной лингвистической экспертизе», И. В. Тубаловой (Томск) «Содержательные трансформации институциональных речевых форм в личностно-ориентированных дискурсах (на материале Национального корпуса русского языка)», М. В. Шпильман (Новосибирск) «Об эффекте "прирастания" речевой маски», О. А. Маркасовой (Новосибирск) «Апелляция к словарю в современном ненаучном дискурсе: поиск авторитетного источника информации», Ю. В. Крылова (Новосибирск) «Нарушение языковых норм в рекламном дискурсе: прием и антиприем коммуникации», Н. Г. Петровой (Новосибирск) «Коммуникативные универсалии в поэтических текстах К. Бальмонта и И. Северянина: различия и точки пересечения», А. Е. Козлова (Новосибирск) «Перспективный смысл слова "катастрофа" в романе Ф. М. Достоевского "Подросток"», Н. А. Муратовой (Новосибирск) «"И в энциклопедическом словаре упоминается этот сад": прагматика и эстетика в последней комедии А. П. Чехова», Т. Н. Пермяковой (Новосибирск)

«Прагматическая информация в содержательной структуре слова (на примере служебных слов)», Е. Мартыновой (Новосибирск) «Семантика и функции метапоказателя *в плохом смысле слова*», А. Г. Василенко (Новосибирск) «Прагматические особенности графически выделенного слова в художественном тексте (на материале прозы Ю. Трифонова)», М. А. Лаппо (Новосибирск) «Отражение эмоционально-оценочной амбивалентности языкового знака в толковом словаре (на материале существительных со значением лица)», О. В. Бычиной (Новосибирск) «Семантико-прагматический комментарий использования жанров негативной реакции (отказ, возражение, протест и проч.) в художественном тексте».

Все доклады, несмотря на широкий диапазон поставленных проблем и разнообразие рассматриваемого языкового материала, объединяет стремление авторов очертить круг интересов современной прагматики и выявить моменты пересечения и взаимодействия с когнитивной лингвистикой, лексикографией, теорией перевода, лингвокультурологией и др.

Ежегодные Филологические чтения в Новосибирском государственном педагогическом университете собирают ученых разных городов и стран, разных научных школ и направлений, которые заинтересованы в обсуждении предложенных проблем.

В результате ежегодных обсуждений на конференции актуальных проблем современной лингвистики сложились исследовательские коллективы с общими научно-образовательными проектами: Институт филологии, массовой информации и психологии (ИФМИП) НГПУ и РГПУ им. А. И. Герцена, ИФМИП НГПУ и Миланский Католический университет, ИФМИП НГПУ и Томский государственный университет, ИФМИП НГПУ и Университет Хельсинки, ИФМИП НГПУ и

Монгольский государственный университет
образования, ИФМИП НГПУ и Сынцзянский

государственный университет и педагогиче-
ский университет (Урумчи).

Участники Международной конференции «Проблемы интерпретационной лингвистики: прагматика и словарь» выражают благодарность главному редактору журнала «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» доктору философских наук, профессору *Е. А. Пушкарёвой*.

Т. А. Трипольская, председатель оргкомитета XV Филологических чтений «Проблемы интерпретационной лингвистики: прагматика и словарь» в Новосибирском государственном педагогическом университете

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Текст словаря как отражение картины мира говорящих.
Прагматическая информация в словаре:
типы и способы лексикографической интерпретации

PHILOLOGY SCIENCES

The dictionary text as a reflection of the speakers' world view.
Pragmatic information in the dictionary:
types and methods of lexicographic interpretation

© Анна Бонола

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.01)

УДК 81.374.822

РАЗЛИЧИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ, ПРАГМАТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Анна Бонола (Милан, Италия)

В статье контрастно анализируется как в словарных статьях двуязычных словарей различаются семиотические, прагматические и культурные признаки в так называемых эквивалентных лексемах. Рассматриваются следующие русско-итальянские и итальянско-русские словари: (1) В. Н. Майзел, Н. А. Скорцова (1972); (2) Г. Ф. Зорко, В. Н. Майзел, Н. А. Скорцова (1995); (3) В. Ковалев (1995); (4) Ю. Добровольская (2001).

Словари (1) и (2) являются самыми неточными для семантического разграничения, а их иллюстративный материал, часто необдуманый и случайный, не дополняет информацию толкования даже имплицитно. Словарь (3) наиболее подробно описывает проанализированные нами дифференциации, а его словарный запас богаче, к тому же часто даются термины и специальные значения слов узкого употребления. Словарь (4) передаёт только существенные семантические признаки лексемы, уточняя их хорошо выбранными иллюстрациями и показывая, следовательно, высокий уровень контрастного лингвистического анализа и владения итальянским языком.

Ключевые слова: контрастный анализ лексики, русская лексика, итальянская лексика, семиотическая дифференциация, прагматика, культура, русско-итальянская лексикография.

Цель статьи – проанализировать, как в словарных статьях двуязычных словарей русского и итальянского языков отмечаются 1) семиотические, 2) прагматические и 3) культурные различия между так называемыми эквивалентными лексемами русского и итальянского языков.

Материалом исследования стали следующие русско-итальянские и итальянско-русские словари: В. Н. Майзел, Н. А. Скорцова [1] (далее – М-С); Г. Ф. Зорко, В. Н. Майзел,

Н. А. Скорцова [2] (далее –З-М-С); В. Ковалев [3] (далее – К); Ю. Добровольская [4] (далее – Д).

Значение знака, как известно, определяется дифференциально, особенно после введения Ф. де Соссюром понятия «значимости» [5], то есть в связи с отношениями, в которые данный знак вступает. Следовательно, смыслоразличительность становится краеугольным камнем системного характера для многих языковых уровней, в том числе и для лексического.

Бонола Анна – доктор наук, профессор славистики факультета иностранных языков и литературы, Миланский католический университет.

E-mail: anna.bonola@unicatt.it

Поскольку в настоящем исследовании рассматриваются различия семиотического, прагматического и культурного типа, начнем с определения содержания этих терминов (для этого ссылаемся на изложение G. Gobber [6]).

1. Семиотические различия, в отличие от прагматических и культурных, устанавливаются на уровне языкового кода (то есть лексической системы данного языка) и, будучи системными явлениями, характеризуются обязательностью. Следовательно, **семиотическую релевантность** (semiotic relevance [7]) можно определить как системное семантическое различие в знаковой системе данного языка. На этом уровне существует множество аниморфизмов между разными языками, в том числе, между русским и итальянским. Один из самых распространенных касается обязательных уточняющих разграничений внутри одного и того же понятия, то есть разных способов лексической категоризации реальности. Так, как отмечает Р. Якобсон, «languages differ essentially in what they must convey and not in what they may convey» [8, с. 233].

Аниморфизмы семиотического типа между разными языками можно преодолеть инференцией на основе элементов коммуникативной ситуации. Например, в итальянском языке, в отличие от русского, глагол движения **идти** обязательно различает направление от говорящего (**andare**) или к говорящему (**venire**). Однако это семиотическое различие легко восстанавливается по контексту; итальянец легко переведёт фразу (1) *Иди ко мне* как (1a) *Vieni da me* (с помощью глагола *venire*), а высказывание (2) *Иди домой* как (2a) *Vai a casa* (глагол *andare*).

Однако контекст не всегда позволяет восстановить семиотическую дифференци-

цию исходного сообщения, особенно если перейти от менее аналитической к более аналитической лексической категоризации или если контекст не является достаточным (положим, при непрямом письменном общении или при отсутствии визуального контакта в телефонном разговоре). Например, при отсутствии жеста говорящего или дальнейшего вербального контекста, русское высказывание (3) *У меня болит рука* по-итальянски можно понять и как (3a) *Mi fa male il braccio* [У меня болит от плеча до кисти], и как (3б) *Mi fa male la mano* [У меня болит кисть].

Вариативность обусловлена тем, что слово **рука** в русском языке имеет значение: «Одна из двух верхних конечностей человека, от плеча до конца пальцев» [9]. В итальянском же языке такое общее выражение, как **arto superiore**, хотя и существует как анатомический термин, всё-таки в ежедневном общении употребляется нечасто.

Перейдем к анализу трактовки семиотической дифференциации эквивалентных лексем итальянского и русского языков в двуязычных словарях.

В качестве примера рассмотрим ряд **ломать**, **разбивать**, **рвать** и эквивалентный итальянский ряд **rompere/spezzare**, **rompere/infrangere**, **strappare**. Проблема состоит в том, что в итальянском языке есть не только лексема для общего понятия (**rompere**), но и специфические лексеммы (**spezzare**, **fratturarsi**, **strappare**, **infrangere**). Эти слова уточняют разные виды ломания в зависимости от сломанного материала. В русском же языке лексеммы для общего понятия нет: самое широкое значение имеет глагол **ломать**, который

не является гиперонимом всех указанных лексем итальянского ряда¹: русскоговорящий употребляет преимущественно три лексемы, различающиеся а) по типу сломанного материала, то есть твёрдого (*ломать, разбивать*) или мягкого (*рвать*); б) по типу ломания – на две или больше частей (*ломать, рвать*) либо, скорее всего, на много частей (*разбивать*), судя по толкованиям и примерам из русских словарей, например Д. Н. Ушакова:

- **Ломать.** «Сгибаемая, перегибаемая (какой-нибудь твердый предмет), силою разделять на куски, на части». *Ветер ломает деревья. Ломать сучья. Ломать стальной клинок;*
- **Рвать.** «Разделять на части резким движением». *Рвать платье. Машина рвет нитку. Ветер рвет паруса. Рвать письма в клочки.*
- **Разбить.** (несов. также **бить** в 6 знач.) «Ударами разломать, раздробить, расколоть на куски». *Разбить стекло вдребезги. Разбить камень. Разбить тарелку. Разбить окно* [9].

Различия между специализированными глаголами по указанным признакам сходны в обоих языках, но отсутствие формы с общей семантикой ломания в русском языке заставляет итальянского говорящего каждый раз подбирать специфические глаголы *ломать, разбивать, рвать*, которые во многих случаях не являются взаимозаменяемыми².

Проанализируем, как толкуются эти случаи семиотических несовпадений в русско-итальянских словарях. При анализе будем учитывать только прямые значения глаголов *ломать, разбивать, рвать* и отдельные формы, не образующие словосочетаний.

В таблице 1 выписаны словарные статьи из русско-итальянских словарей, в которых общий итальянский глагол *rompere* является эквивалентом специализированных русских глаголов *ломать, разбивать*. Во всех словарях, кроме К, *rompere* дается в первую очередь, перед специализированными итальянскими глаголами (*spezzare, frantumare, demolire, (in)frangere*). Однако список итальянских специализированных глаголов, различающих «типы ломания» и «сломанные материалы», повторяется почти без изменений в словарных статьях и глагола *ломать*, и глагола *разбить*. Следовательно, различия между русскими специализированными глаголами читатель должен извлечь из примеров сам. В частности, отсутствует информация о том, что *infrangere* употребляется только для стеклянных предметов и в этом случае никак нельзя употребить итальянский глагол *spezzare*.

Что касается глагола *рвать*, то меньшая степень его синонимии с *ломать* и *разбивать* выражается в том, что общий итальянский эквивалент находится в словарных статьях этого глагола не на первом месте, а на втором [3–4] или на третьем [1] (табл. 1).

¹ То же самое можно сказать о многих других рядах, которые в итальянском языке выражаются обычно лексемой с общей семантикой, а в русском – только лексемами со специализированной семантикой, например: *mettere* (ставить, положить, сажать, вешать), *stare* (стоять, лежать, сидеть, висеть) и т. п.

² Словари Д. Н. Ушакова, МАС, БАС отмечают частичную синонимию между *ломать* и *разбить*, в

то время как *рвать* никогда не заменяет первые два глагола. О тенденции уточнять форму ломания часто свидетельствует узус современного русского языка, например: *Рвать, ломать, разбивать все, что попадает ему в руки. Игрушки, книжки, посуда – ничто не устоит перед ребенком-разрушителем. Как понимать такое поведение?* (<http://www.baby.ru/blogs/post/36506>)

Таблица 1

Русско-итальянские словари

Глагол	М-С	Д	К
<i>ломать</i>	1. rompere , spezzare; frangere (разбивать); demolire (дом, стену); frantumare (разбивать на куски)	1. rompere , spezzare, frantumare, demolire, abbattere	1. spezzare, rompere ; 2. (разбивать) frantumare rompere
<i>разбить</i>	1. (разломать) rompere ; infrangere, frantumare, spezzare (на куски) fracassare (разнести), sconquassare (разрушить)...	1. rompere , spezzare, frantumare, fracassare; infrangere; sconquassare	1. frantumare, rompere , spezzare;
<i>рвать</i>	1. (выдёргивать) strappare; togliere con violenza, affappare 2. (собирать цветы, фрукты) cogliere; 3. (разрывать) lacerare, stracciare, rompere	1. strappare; 2. lacerare, rompere , stracciare, 3. cogliere	1. (разделять на части) strappare, spezzare, stracciare; 2. (делать рваным, дырявым) stracciare, bucare, rompere ;

Недостаточность информации о различиях внутри ряда *ломать*, *разбивать*, *рвать*

ещё заметнее, если принять во внимание толкование глагола *rompere* в итальянско-русских словарях (табл. 2).

Таблица 2

Итальянско-русские словари

Р	З-С-М	К	Д
О	1. ломать, разламывать, разбивать, раскалывать demolire, frantumare <i>сломать ребро, разбить голову</i>	1. ломать, разламывать, (spezzare)	1. разбить (spezzare)
Е	2. рвать, прорывать, разрывать	2. разбивать, разбить (mandare in frantumi), разносить	2. сломать, разломать (fratturare)
Р		3. ломать fratturare (med.)	3. порвать разорвать (strappare)
Е		4. раскалывать (spaccare)	

Как видно из таблицы 2, словарь 3-С-М даёт несколько эквивалентов итальянского *rompere* (в том числе и *разламывать*, *раскалывать*), объединяя *ломать* и *разбивать* и отличая их от глагола *рвать*, что соответствует различительному признаку твердости предмета. Однако иллюстрации никак не помогают читателю вывести эту информацию (1. *сломать ребро*, *разбить голову*; 2. *разорвать цепи*, *разбить оковы*, *порвать дружеские отношения*). В частности, на основе иллюстраций глаголов *ломать* и *разбить* читатель мог бы прийти к выводу, что *rompere* – медицинский термин. Кроме того, специализированные русские глаголы не сопровождаются итальянским переводом, который в данном случае довольно точно соответствует русскому и был бы полезен пользователю словаря. Благодаря итальянским переводам, приведённым в скобках, итальянско-русская часть словаря К точнее разграничивает *ломать* (1) и *разбивать* (2), но не принимает во внимание *рвать*; правда, выделяет медицинское значение (3) глагола *rompere* (соответствующий термин *fratturare* дается в скобках) и добавляет *раскалывать*, глагол довольно узкого употребления, с переводом *spaccare* (4).

Словарь Д объединяет все три глагола под первым значением (1), но тщательно конкретизирует их переводом в скобках (*spezzare*, *fratturare*, *strappare*) и иллюстрациями, которые ассоциируют глаголы с разными типами сломанных предметов, например: *разбить окно*, *тарелку (бить посуду)*; *сломать руку*; *разбить яйцо*; *расколоть орех*, *порвать платье* [4].

Подчеркнем, что в этом словаре иллюстрация глагола *ломать* передаёт только медицинское значение (*сломать руку*), что может ввести читателя в заблуждение.

На основе этого анализа мы выделяем основные характеристики рассмотренных нами словарей, которые подтверждаются и в дальнейшем. Словарь 3-С-М даёт самое неточное семантическое разграничение, и его иллюстративный материал, часто необдуманно, не дополняет информацию толкования даже имплицитно. Более точны словари К и Д, но если первый обращает слишком много внимания на терминологию и лексику узкого употребления, то словарь Д передаёт в толковании только существенные семантические признаки лексем, подтверждая их хорошо отобранными иллюстрациями.

Эти тенденции подтверждаются и в других случаях семиотического русско-итальянского анизоморфизма. Так, например, итальянский глагол *amoriare* объединяет значения русских глаголов *умереть* и *погибать*. В итальянско-русской части словаря 3-М-С эквивалентом итальянского глагола *morire* является только *умирать*, в то время как в словарях К и Д добавлен и *погибать*. При этом, словарь К разграничивает *умирать* и *погибать* описательно: «1. умирать – *morte naturale*»; «2. погибать – *di morte violenta*». Словарь Д же уточняет семантику формы *умирать* описательно (*morte naturale*), а формы *погибать* – лексически, добавляя в скобках более точную, но стилистически маркированную форму *decidere* (официальный и медицинский термин).

Что касается семиотической дифференциации, то встречаются и противоположные случаи, когда в русском языке лексема обозначает общее понятие, а в итальянском – нет. Например, в итальянском языке разграничивают «обычное» строение (*edificio*) и строение как помещения определённой организации или учреждения (*sede*), а в русском – употребляется в этих случаях одно и то же слово *здание* (табл. 3).

Таблица 3

Русско-итальянские словари

З Д А Н И Е	З-М-С	Д	К
	1. edificio, stabile, fabbricato, casa (дом), costruzione (постройка)	1. edificio, fabbricato, stabile;	1. edificio, stabile;
		2. sede	2. sede

Как видно из таблицы 3, словарь С-М-З предлагает самое неточное толкование, поскольку не принимает во внимание эту семиотическую разницу, а словари К и Д различают два значения и, следовательно, дают два перевода: *edificio* и *sede*.

Наконец, обратим внимание на менее очевидный случай семиотической дифференциации, на внутри лингвистические анизоморфизмы между прямым, широким и переносным значениями.

Прямое значение является самым типичным употреблением слова [10]. Оно ближе всех к денотации реальности, в том числе и в случае, когда значение лексемы включает метонимический или метафорический перенос. Например, прямое значение ментального глагола *понимать* этимологически является метафоризацией глагола *взять*.

Широкое значение (*sensu lato*) хотя и близко к прямому, но расширяет его.

Переносное значение является интерпретацией другого опыта посредством категорий, свойственных прямому значению слова.

В качестве примера рассмотрим цепочку:

а) *есть* (прямое значение);

б) *наедаться чего-то* в смысле "поесть чего-нибудь в большом количестве" или *чем* в смысле «насытиться» (широкое значение) [9];

в) *наедаться* в смысле «изобиловать чем-то», например: *Любовь уходит постепенно, наевшись досыта обид* (переносное значение) [11].

Производное и широкие значения семантически прозрачны, поскольку их смысл понимается на основе прямого употребления слова. Такая прозрачность не всегда сохраняется в непрямом значении. Естественно, любую лексему можно употребить в переносном значении, но нас интересуют те случаи, когда широкое и переносное значения образуют постоянное новое значение и, следовательно, принадлежат к семиотическим явлениям. Здесь также наблюдаем много анизоморфизмов.

Рассмотрим лексическую пару *мясо* – *плоть*. Слово *мясо* обозначает «1. Обиходное название мышц» [9] или «мышечной ткани» [12] или «2. части убитых животных, покупаемые для приготовления пищи» [9]), «Туша или часть туши животных, употребляемая в пищу» [12]. А *плотью* называется «1. тело живых существ; 2. тело как источник чувственности, сексуального влечения; 3. материальная, органическая жизнь человека в противопоставлении духовной» [13]. Следовательно, в русской лексике различаются не столько *мясо₁* как пища и *мясо₂* как мышца (так же как в английской паре *meat/flesh* и во французской *viande/chair*), а *мясо₃* как материал (*мясо* в значении «мышечная ткань») и *мясо₄* как его

функция. А *плоть* – это функциональное понимание мышечной ткани как тела или даже как материального начала в противопоставлении духовному. Такой метонимический перенос в русском языке семиотически релевантен, поскольку выражается разными лексемами. А в итальянском языке, наоборот, не маркируется: и мясо, и плоть обозначаются одним словом *carne*. В этом случае словарная статья слова *carne* итальянско-русских словарей отмечает возможность разных переводов на русский язык: словарь З-С-М даёт в качестве первого эквивалента *тело, плоть*, а в качестве второго – *мясо*, сохраняя границу метонимического сдвига между словами *мясо* и *плоть*. Однако, к сожалению, среди иллюстраций к словам *тело* и *плоть* есть и выражение *живое мясо*. Кроме того, многозначность лексемы

мясо не фиксируется в словарной статье, и все примеры иллюстрируют только значение этого слова как пищи, а не как тела. Словарь Д, наоборот, как первый перевод даёт *мясо, тело*, как второй – *плоть* (с пометой *переносное значение*), а как третий – *мясо* с уточнением *cibo* («пища») в скобках. Словарь К же под первым значением даёт целый синонимический ряд (*мясо, тело, плоть*), затрудняя, таким образом, понимание разницы между синонимами. Далее описания слов *мясо* и *плоть* отличаются объяснительным перефразированием по-русски и по-итальянски, которые приводятся в скобках. Как видим, словарная статья словаря З-С-М, как и в предыдущих случаях, оказывается менее ясной, чем в словарях Д и К (табл. 4).

Таблица 4

Итальянско-русские словари

			МЯСО	ТЕЛО	ПЛОТЬ
С	З-С-М	1.		X	X
		2.	X		
	Д	1.	X	X	
2.				X (перен.)	
R		3.	X (cibo)		
	К	1.	X (на теле)	X	X (insieme dei tessuti molli)
N		2.	X (cibo)		
	E	3			X (sensi, sensualità)

Возможность для слова приобрести широкое или переносное значения может выражаться также специальными словообразовательными морфемами (иногда с изменением места ударения).

Рассмотрим пару *языкдвѣй* – *языковдѣй*. В ней первое прилагательное связано с прямым значением слова *язык* («орган человече-

ского тела»), а второе – с переносным значением слова *язык* как «связанной с ним функции» (метонимический перенос значения). То же происходит систематически в таких парах прилагательных, как *проблемный/проблематичный* (*проблематический*), *философский/философичный* (*философический*), *системный/систематичный* (*систематический*) и т. д. Слово *проблемный* обозначает

просто «относящийся к проблеме» (чисто относительное значение); а **проблематичный** – «то, что является проблемой», иначе говоря, имеет все характеристики проблемы (качественное, переносное значение).

В итальянском языке в этом случае также наблюдается некий анизоморфизм с русским. Так, **проблемный** (прямое относительное значение) выражается в большинстве случаев не суффиксальным прилагательным, а предлогом с существительным (*del problema*). Исключение составляет прилагательное **системный**, которое переводится итальянским

термином **sistemico**. Переносное качественное значение («иметь характеристики проблемы») выражается производной суффиксальной формой **problematico**. В отношении этого семиотического различия анализируемые нами русско-итальянские словари или не толкуют первый элемент пары (относительное прилагательное) – в словарях С-М и Д нет словарной статьи слова **системный**, или в толковании приводят как относительную, так и качественную итальянские формы, не делая между ними различия (табл. 5)

Таблица 5

Итальянско-русские словари

	З-С-М	Д	К
системный	-----	-----	sistemico (основанный на системе), del sistema
проблемный	che pone un problema	-----	che pone un problema, problematico, di ricerca
философский	filosofico, di filosofia = философический	filosofico, di filosofia	filosofico di filosofia

Как видно из таблицы 5, словарь К снова предлагает точные терминологические переводы (например, **sistemico** для **системный** и **di ricerca** для **проблемный**), но при этом не различает относительные и переносно-качественные формы.

2. **Прагматические** элементы коммуникации несистемны, поэтому их описание не входит в основные задачи лексикографа. Тем не менее, некоторые прагматические признаки могут сочетаться с лексемами на постоянной основе. В этих случаях двуязычные словари часто не дают читателю достаточно прагмати-

ческой информации. Таким образом, его знание лексики иностранного языка остается абстрактным и не превращается в реальную компетенцию.

Одно из системных прагматических различий между русским и итальянским языками – это несовпадение семантического и прагматического значений уменьшительных форм. Например, слово **внучка** необязательно выражает семантический оттенок уменьшительности или модально-прагматический оттенок ласкательности, в то время как итальянский перевод **nipotina**, входя в оппозицию с формой **nipote**, непременно приобретает такие оттенки.

Тем не менее словарь М-С переводит слово **внучка** как *nipotina* без дополнительной информации, в то время как словари К и Д решают этот вопрос более корректно, приводя и *nipote*, и *nipotina*.

Показательным примером трактовки прагматического компонента в словарях являются словарные статьи так называемых дискурсивных, или прагматических, слов, которые выражают разные аспекты коммуникативной ситуации (отношения между участниками, пресуппозиции и т. д.).

Рассмотрим пару **разве** – **неужели**. Эти вопросительные частицы, как известно, выражают совершенно разные прагматические функции вопросов. **Разве** часто маркирует риторический вопрос, который является фактически скрытой ассерцией, например: **Разве можно так обращаться к матери?** Эта фраза выполняет функцию упрека. Кроме интонации, маркером риторического вопроса в итальянском языке является или наречие *forse* (как само по себе, так и в конструкции *forse che*)³, или эпистемическое будущее с наречием *poi* (*sarà poi*). А частица **неужели** сигнализирует о другом типе вопроса, выражающем удивленную констатацию положения дел [14–16], например: **Неужели так говорили обо мне?**

Прагматическое различие между словами **разве** и **неужели** в анализируемых нами словарях оказывается совершенно размытым.

Само отнесение этих частиц, особенно **неужели**, исключительно к классу вопросительных вызывает сомнение. В этом отношении грамматическая помета в словаре К *particella*, без определения, более корректна, чем помета *вопросительная частица*.

Что касается итальянских эквивалентов **разве** и **неужели**, то во всех словарях для обеих форм приводится *possibile?*, но это мало помогает итальянскому читателю: данный итальянский аналог может выражать различные вопросы о возможности чего-л. (и как удивление, и как риторический вопрос). Для **неужели** самым естественным является перевод итальянским словом *davvero*⁴, и его мы найдем во всех словарях, кроме, что любопытно, словарной статьи **неужели** в словаре Д. Из иллюстраций словарей М-С и Д опытный читатель может сам вывести некоторую прагматическую информацию: все сколько-нибудь распространенные примеры выражают на самом деле удивление и невозможность говорящего убедиться в том, что утверждается, а в кратких примерах, без контекста, можно использовать и **разве**, и **неужели**, то есть они не дают прагматической информации. Таким образом, словарь Д выделяется высоким уровнем владения его автором итальянским языком. Об этом свидетельствуют и перевод *come fai a?*, и помета о том, что часто **разве** не переводится на итальянский язык (табл. 6).

Таблица 6

³ Nelle interrogazioni retoriche, secondo che sia o no accompagnato da *non*, serve a togliere il dubbio, dando forza all'espressione affermativa o negativa: *non è f. lui il padrone?*; *è f. questo il modo di entrare?*; seguito da *che*: *forse che (o forseché) non son qua io per aiutarti?* [18] (<http://www.treccani.it/vocabolario/forse>).

⁴ «*Davvero!*». Interrogando, esprime dubbio o meraviglia per ciò che uno racconta: *davvero?* (cioè: «è proprio così come dici?») [18]. (<http://www.treccani.it/vocabolario/davvero/>)

	М-С	Д	К
Н Е У Ж Е Л И	<i>частица вопр. è (mai) possibile? davvero? sul serio? niente di meno? неужели это правда? è possibile che sia così? Sarà poi vero?; неужели! Non può essere, non è possibile, ma no!</i>	<i>particella interrogativa. (неучто?) н. вы меня забыли? Possibile che non si ricordi di me? н. это правда? Sarà vero? н. ты не мог позвонить? come fai a dire che non potevi telefonarmi! неужели! impossibile!</i>	<i>particella: davvero? possibile? неужели ты меня не узнал! possibile che non mi abbia riconosciuto? неужели это правда? Possibile che sia vero?</i>
Р А З В Е	<i>частица 1. (неужели): davvero, veramente, è possibile. Разве можно этому поверить? è possibile crederci?; Я был там вчера. Разве? ci sono stato ieri. davvero? possibile?</i>	<i>particella 1. davvero? (avv.) veramente (avv.), possibile (avv.) (о non si traduce); р. это его жена? è veramente sua moglie?; р. они уже приехали? sono già arrivati?; р. они не знают... possibile che non sappiano.; он уже окончил лицей?; ha già terminato il liceo?</i>	<i>particella (так ли? правда ли?) davvero, possibile, forse; р. они уже приехали? davvero sono già arrivati? Р. я неправ? ho forse torto?</i>

3. Наконец, проанализируем различия культурного типа, которые являются следом исторической и культурной памяти лексики. Эти процессы иногда выделяются при анализе мотивации слов, показывающей историко-культурные корни слова. Мотивации лексем освещаются в словарях только посредством историко-этимологических помет, которые чаще всего отсутствуют в двуязычных словарях.

Рассмотрим частотный пример – слово **авоська**. В его мотивации видна частица **авось**. Она напоминает нам о трудности покупки продуктов в 1930-е гг., когда это слово и появилось. Лексема толкуется во всех рассматриваемых нами словарях, но без какого-либо

объяснения его культурно-исторической коннотации⁵.

Чуть больше культурной информации находим в толкованиях этнонимов. Например, слова **неаполитанец** или **неаполитанский (napoletano)** во многих текстах имеет не относительное, а качественное значение и его содержание совпадает с коннотациями неаполитанского типа: ‘оживлённый’, ‘хитрый’, ‘симпатичный’, ‘шумный’, ‘обманчивый’, ‘преступный’ и др. Фраза *E' sempre un po' napoletano quando si tratta di soldi* [он всегда как бы неаполитанец, когда речь идёт о деньгах] практически непонятна без информации о

⁵ Под **коннотацией** понимается знак, который выражает ещё одно или некоторые дополнительные значения [17]. Подчеркнем, что коннотация отличается от оценочного компонента слова, которое

обычно рассматривается в рамках модального значения, хотя оценка может сопровождать определённую коннотацию.

коннотациях слова. Однако такой информации, к сожалению, в наших двуязычных словарях нет.

Коннотации, связанные с названиями животных (особенно если они не совпадают в разных языках), на наш взгляд, привлекают больше внимания лексикографов. Это, возможно, связано с глубиной порождающих их традиций, исходящих из классической литературы или фольклора. Так, например, слово *курица (pollo)* ассоциируется в русском языке, в том числе и с бездарностью (*куриные мозги*), в то время как итальянский эквивалент *pollo* – с простотой (простак). В русско-итальянских частях проанализированных словарей коннотации слова *курица* не выделяются, но везде в качестве иллюстративного материала приводится выражение *мокрая курица*. При этом в качестве эквивалентного фразеологизма словари М-С и К предлагают итальянское выражение *pulcino bagnato* («слабый, беззащитный, неуклюжий человек с жалким, вызывающим сочувствие видом»), позитивная коннотация которого совсем не соответствует презрительной и негативной коннотации русского оригинала⁶. Только автор словаря Д, демонстрируя

хорошее владение итальянским языком, отмеченное нами выше, точно передаёт русский коннотативный оттенок, переводя выражение *мокрая курица* как *inetto, buono a nulla* («бездарный, неумелый человек»). В итальянско-русских словарях коннотативное значение слова *pollo* передаётся только в двух словарях: в словаре Д – как «простофиля, простак» и в К – как «простак».

Подведем итоги. В отношении проанализированных критериев словари М-С и З-С-М являются наименее точными, и их иллюстративный материал часто не даёт дополнительной имплицитной информации. Словари К и Д более точны: Д передаёт в толковании только существенные семиотические дифференциальные признаки лексемы, дополняя их при этом хорошо подобранными иллюстрациями; в то время как К наиболее подробно описывает проанализированные нами дифференциации и его словарный запас богаче (часто даются термины и специальные значения слов узкого употребления). Подчеркнем, что читатель, ищущий наиболее уместные эквиваленты труднопереводимых слов, скорее всего, найдёт их в словаре Д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майзел В. Н., Скорцова Н. А. Русско-итальянский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1032 с.
2. Зорко Г. Ф., Майзел В. Н., Скорцова Н. А. Новый итальянско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1995. – 499 с.
3. Kovalev V. Kovalev I. Dizionario russo-italiano, italiano-russo. – Bologna: Zanichelli, 1995. 2000, 2007.
4. Добровольская Ю. Большой русско-итальянский – итальянско-русский словарь = Grande dizionario russo-italiano, italiano-russo. – Милан: Hoepli, 2001.
5. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1968. – 515 p.

⁶ Прост. Презр. 1. О жалким, беспомощном человеке. БМС 1998, 324; БТС, 482, 551, ДП, 948; Максимов, 214. 2. О безвольном, бесхарактерном человеке. БМС 1998, 324; Д.П. 479, 948 [19].

6. **Gobber G.** *Lingue e categorizzazione: alcune osservazioni // Opportunità e sfide nel rapporto tra lingue e culture / A. Gałkowski. – Łódź-Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2013. – Available at: <http://hdl.handle.net/10807/53742> (accessed 21.09.2014).*
7. **Shaumyan S.** *Signs, mind and reality. A theory of language as the folk model of the world. – Amsterdam: Benjamins, 2006. – 315 p.*
8. **Jakobson R.** *On linguistic aspects of translation // R. A. Brower. On translation. – Harvard: Harvard University Press, 1959. – P. 232–239.*
9. **Ушаков Д. Н.** *Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.*
10. **Gobber G., Morani M.** *Linguistica generale. – Milano: McGraw & Hill, 2010. – 304 p.*
11. **Колобова Г.** *Любовь уходит постепенно // «То пятое время года...»: сб. произведений поэтов и прозаиков литературного объединения ЦДУ РАН / под ред. Л. И. Колодяжной, Е. П. Ткачевской. – М.: Линор, 2012. – С. 63.*
12. **Словарь русского языка:** в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.
13. **Дмитриев Д. В.** *Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель – АСТ, 2003.*
14. **Rathmayr R.** *Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. – München: Otto Sagner, 1985. – 354 p.*
15. **Дискурсивные слова.** Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: Метатекст, 1998. – С. 293–306.
16. **Bonola A.** *Le particelle come manifestazioni del connettivo nella lingua russa (con esempi da Il giocatore – Igrok – di F. M. Dostoevskij) // Sýndesmoi. Connettivi nella realtà del testo / A cura di G. Gobber, S. Cigada. – Milano: Vita e Pensiero, 2006. – P. 199–220.*
17. **Hjelmslev L.** *The Basic Structure of Language // L. Hjelmslev. Essais linguistiques II. – Copenhagen: Nordisk Sprogog Kulturforlag, 1973. – P. 119–153.*
18. **Vocabolario della lingua italiana** Treccani: 4 vol. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1986–1991. – Available at: <http://www.treccani.it/vocabolario> (accessed 2.12.2014).
19. **Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** *Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма медиа групп, 2007. – 784 с.*

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.01)

Anna Bonola, Doctor of Philology, Professor of Slavistics, Catholic
University of the Sacred Heart, Milan, Italy.
E-mail: anna.bonola@unicatt.it

THE DISTINCTION BETWEEN SEMIOTIC, PRAGMATIC, AND CULTURAL COMPONENTS OF LEXICAL MEANING IN BILINGUAL LEXICO-GRAPHY RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES

Abstract

The article provides a contrastive analysis of the way Russian-Italian and Italian-Russian dictionaries represent semiotic, pragmatic, and cultural differences between equivalent lexemes. We'll consider the following dictionaries: (1) V. N. Majzel, N. A. Skvortsova. Italian-Russian Dictionary (1972); (2) G. F. Zorko, V. N. Majzel, N. A. Skvortsova. New Italian-Russian Dictionary (1995); (3) V. Kovalev. Kovalev's Russian-Italian— Italian-Russian Dictionary (1995); (4) Ju. Dobrovolskaja. Great Russian-Italian— Italian-Russian Dictionary (2001).

Dictionaries (1) and (2) are the most imprecise as far as semantic differentiation is concerned. Their illustrative material, often poorly thought out, does not add any further information to the definition, even implicitly. Dictionary (3) is the most accurate when describing the differences we analyzed and its vocabulary is richer (often special terms or uncommon meanings of words are given). Dictionary (4) provides us with the essential semantic features of a given word, illustrating them through well-chosen examples and showing, in this way, a high-level contrastive analysis and a perfect knowledge of the Italian language.

Keywords

lexical contrastive analysis, Russian lexis, Italian lexis, semiotic differences, pragmatics, culture, Russian-Italian lexicography

REFERENCES

1. Majzel V.N., Skvortsova N.A. *Italian-Russian Dictionary*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1972. 1032 p. (In Russian)
2. Zorko G.F., Majzel V.N., Skvortsova N.A. *New Italian-Russian Dictionary*. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1995. 499 p. (In Russian)
3. Kovalev V. *Kovalev's Russian-Italian – Italian-Russian Dictionary*. Bologna, Zanichelli Publ., 1995, 2000, 2007. (In Italian)
4. Dobrovolskaja Ju. *Great Russian-Italian – Italian-Russian Dictionary*. Milano, Hoepli Publ., 2001. (In Russian, In Italian)
5. Saussure F. de. *Course of General Linguistics*. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1967–1968, 515 p.
6. Gobber G. Languages and Conceptualisation: some Remarks. *Possibilities and Challenges in the Relationship between Languages and Cultures*. A. Gałkowski. Łódź-Łask, Oficyna Wydawnicza Leksem Publ., 2013. Available at: <http://hdl.handle.net/10807/53742> (accessed 21.09.2014).
7. Shaumyan S. *Signs, mind, and reality. A Theory of Language as the Folk Model of the World*. Amsterdam, Benjamins Publ., 2006, 315 p.

8. Jakobson R. On linguistic Aspects of Translation. R. A. Brower. *On Translation*. Harvard, Harvard University Press Publ., 1959, pp. 232–239.
9. Ushakov D. N. *Dictionary of Russian Language*. 4 vol. Moscow, Gosudarstvennoe izdatil'stvo inostrannyx i natsional'nyx slovarej Publ., 1935–1940. (In Russian)
10. Gobber G., Morani M. *General Linguistics*. Milano, McGraw & Hill Publ., 2010, 304 p.
11. Kolobova G. Ljubov' uchodit postepenno... “*To pjatoe vremja goda...*”. A Collected Works of Poets and Writers of the Literary Association TsDURAN. L. I. Kolodyazhnaja, E. P. Tkachevskaya (eds.). Moscow, Linor Publ., 2012, p. 63. (In Russian)
12. *Dictionary of Russian Language*. 4 vol., (ed.) A. P. Evgen'eva. Moscow, Gos. izdatil'stvo inostrannyx i natsional'nyx slovarej Publ., 1957–1961. (In Russian)
13. Dmitriev D. V. *Dictionary of Russian Language*. Moscow, Astel' – AST Publ., 2003. (In Russian)
14. Rathmayr R. *Russian Particles as Pragmatic Words*. München, Otto Sagner Publ, 1985, 354 p.
15. *Discourse Markers. An attempt of Contextual Semantic Description*. (eds.) K. Kiseleva, D. Paillard. Moscow, Metatekst Publ., 1998, pp. 293–306. (In Russian)
16. Bonola A. Particles as a Manifestation of Connectivein Russian Language (with some examples from F.M. Dostoevskiy). *Sýndesmoi. Connectives in Text's reality*. (eds.)G. Gobber, S. Cigada, Milano, Vita e Pensiero Publ., 2006, pp. 199–220.
17. Hjelmslev L. The Basic Structure of Language. L. Hjelmslev. *Essais linguistiques II*. Copenhagen, Nordisk Sprogog Kulturforlag Publ., 1973, pp. 119–153.
18. *Dictionary of Italian Language Treccani*. 4 vol. Roma, Istituto della Enciclopedia italiana Publ., 1986–1991. Available at: <http://www.treccani.it/vocabolario> (accessed 2.12.2014). (In Italian)
19. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Great Dictionary of Russia proverbs*. Moscow, Olma Media Group Publ., 2007, 784 p. (In Russian)

© Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02)

УДК 811.161.1.37 + 81.374

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫМИ СЛОВАРЯМИ

Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина (Новосибирск, Россия)

Словарь не только отражает своё время, но и формирует, иногда жёстко навязывая, систему «идеологических фантомов». Деидеологизация словарей оказалась сложным и противоречивым процессом, который начался в конце 1980-х гг. В статье исследуются вопросы лексикографической интерпретации идеологического микрокомпонента, входящего в прагматическую зону семантики слова. В аксиологическом поле социума есть «вечные» понятия, которые отражаются в лексиконе носителей языка как идеологемы (по данным ассоциативных и дискурсивных исследований). Подобное содержание обычно эксплицировано в словарной статье, оно призвано отражать и формировать идеологическую картину мира социума, т. е. оказывать идеологическое давление на адресата словаря. Однако есть случаи, когда прагматическое содержание слова намеренно скрыто: к таким лексикографическим феноменам относится лексема цензура, обозначающая то, «чего у нас в обозримом прошлом не было и нет». Разные типы прагматического содержания требуют и разной лексикографической «упаковки»: что-то должно быть прописано, что-то скрыто. В результате проведенного дефиниционного и дискурсивного анализа выявлены способы вуалирования очевидного идеологического содержания, связанного с «осуществлением надзора за инакомыслием»: это система комментирующих помет (устарелое, заграничное, историческое, политическое) и специально подобранный хронологически маркированный иллюстративный материал.

Ключевые слова: лексикография, семантика, прагматическое значение, словарь.

Настоящее исследование ориентировано на изучение идеологических фрагментов русской картины мира, зафиксированных в разновременных лексикографических источниках. Словарь не только отражает своё время, но и

формирует, порой, жёстко навязывая, систему «идеологических фантомов». Деидеологизация словарей оказалась сложным, многоступенчатым и порой противоречивым процессом, который начался в 1980-е гг.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Современная семасиология и лексикография сосредоточены на явлениях, скрытых в глубинах семантики, подвижных и трудноразличимых. В последнее время все больший интерес исследователей привлекает прагматический компонент значения – наиболее тонкая материя слова – как возможный объект семасиологического и лексикографического описания.

Под прагматическим компонентом, вслед за Ю. Д. Апресяном, Г. Н. Склярёвской и В. Н. Телией, мы понимаем сумму коннотаций (социальных, культурных, этических, исторических, эмотивных, экспрессивных), которые в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, речевой ситуации, статусах собеседников, оценке предмета речи и т. д. [1–3]. Нередко именно этот компонент и определяет индивидуальность слова в ряду других.

Как всякая новая и стремительно развивающаяся область знания, интересующая нас сфера лингвистики не имеет пока сложившейся терминологической системы и даже четко очерченного объекта изучения. «Разнобой в терминологии и во взгляде на проблему прагматического значения связаны с тем, что данный аспект значения слова стал объектом пристального внимания исследователей недавно» [4, с. 88]. В полной мере это относится к понятиям «прагматическое значение» и «коннотация».

В современной лингвистике существуют широкий и узкий подходы к пониманию коннотации (Ю. Д. Апресян, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия и др.), однако мы придерживаемся широкого подхода, который представлен в работах В. Н. Телии: коннотация – это «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное <...> содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим,

культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому, <...> с социальными отношениями участников речи и т. п.» [5, с. 236]. В таком понимании коннотация вполне соотносима с пониманием прагматического макрокомпонента значения.

Прагматические семы представляют собой разнородный массив: идеологический, национально-культурный, гендерный, возрастной, статусный и др. микрокомпоненты; однако содержащаяся в них информация об определенных параметрах речевой ситуации (пол, возраст, социальный статус участников коммуникации и др. и о национально-культурных стереотипах) позволяет объединять подобные семы в прагматический макрокомпонент.

В структуру прагматического макрокомпонента могут входить следующие составляющие: идеологическая и оценочная (*диссидент*, *космополит*, *эмигрант* и др.); гендерная и национально-культурная (*тряпка* – «о безвольном, слабохарактерном мужчине»); возрастная, гендерная и оценочная (*сопляк* – «простореч. 2. Малыш, молокосос (*пренебр.*)»; 3. Ничтожество, бессильный, бесхарактерный, никуда не годный человек (*презр.*)»); *карга* – «злая старуха, ведьма») [6]. Они-то в конечном итоге и образуют прагматическое содержание, прагматический слой лексемы.

Как отмечает Э. С. Азнаурова, «<...> в сознании языкового коллектива такие слова связываются с определенными, узуально закрепленными стереотипами, а саму эту лексику можно квалифицировать как прагматически маркированную» [7, с. 43].

Проблему отражения прагматических компонентов значения в толковом словаре поставила Г. Н. Склярёвская, выявив разные спо-

собы семантизации многопланового прагматического содержания (в противовес позиции о том, что эти нюансы семантики не могут быть лексикографически релевантными и представленными в словаре) [2]. Ср. со словами Р. Лангаккера: «Мне кажется, что словари в какой-то мере вводят в заблуждение, пытаясь в пару строк уложить словесное определение, предположительно выражающее значение лексической единицы. Однако никто и никогда не выражается такого рода определениями. Словарные дефиниции составляются в известном стиле и не указывают с какой-либо ясностью, что мы всякий раз специфическим образом апеллируем к некоторому корпусу знания... Существует потребность в когнитивной лексикографии, основывающейся на категориях когнитивной грамматики» [8, с. 343]. Таким образом, существует три вопроса в практической и теоретической лексикографии: что именно отражать, каким способом и в какой части словарной статьи.

Известна идея Ю. Д. Апресяна о зонном устройстве словарной статьи, предполагающая интерпретацию разнородного содержания слова в разных «частях» словарной статьи. Напомним, что подобное предложение осуществлено не только в словаре синонимов Ю. Д. Апресяна, но и гораздо раньше стихийное деление словарной статьи на зоны представлено в толковом словаре Д. Н. Ушакова (далее – ТСУ). В этом словаре прагматическая информация представлена неравномерно в разных зонах словарной статьи, и (можно выделить ряд комбинаций распределения, например, идеологического компонента по её разным структурным элементам: 1) нейтральное толкование + нейтральные пометы; 2) нейтральное толкование + идеологически маркированный контекст; 3) прагматический компонент в толковании + идеологически маркированный кон-

текст; 4) прагматический компонент в толковании + специальные пометы + идеологически маркированный контекст. Ср.: *молитва* – 1. Действие по глаг. *молиться*. 2. Канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении **к их богу**; *монастырь* – земельно-церковная организация, представляющая собой общину монахов или монахинь. ***Монастыри являются орудием политического гнета и эксплуатации масс*** [6].

Авторы всех классических словарей, не ставя специальной лексикографической задачи (не разрабатывая способов семантизации прагматического содержания), так или иначе, порой непоследовательно, фиксировали эту информацию с помощью помет, словарного комментария и иллюстративного материала.

Если говорить о возможной семантизации идеологического содержания, то оно может быть либо эксплицитно, легко прочитываемо, либо имплицитно, то есть недосказано лексикографом в силу разных причин: 1) незнания структуры и содержания прагматического компонента в значении слова, 2) намеренного сокрытия/искажения в соответствии с идеологическими установками власти.

В идеологическом поле социума есть «вечные» понятия, которые отражаются в лексиконе носителей языка как идеологемы (по данным ассоциативных и дискурсивных исследований). Подобное содержание обычно эксплицитно представлено в словарной статье. Оно призвано отражать и формировать идеологическую картину мира социума, то есть оказывать идеологическое давление на адресата словаря. Однако в ряде случаев прагматическое содержание слова не просто «недотолковано», а намеренно скрыто. К таким лексикографическим феноменам относится лексема *цензура*, обозначающая то, «чего у нас в обозримом

прошлом не было и нет». Разные типы прагматического содержания требуют и разной лексикографической «упаковки»: что-то должно быть прописано, что-то скрыто. Поэтому нас в первую очередь интересуют способы игнорирования и вуалирования очевидного идеологического содержания, связанного с «осуществлением надзора за инакомыслием». Читатель словаря не может не обращать внимание на отсутствие информации об идеологическом содержании лексемы («бытие не дается нам просто так, учит М. Хайдеггер, его можно обнаружить только в разрывах и умолчаниях. С объективной информацией то же самое: она не в том, о чём СМИ говорят, а в том, о чём они умалчивают или недоговаривают» [9]).

Напомним, что в древнем Риме слово *цензура* обозначала «должность цензора и исполнение обязанностей цензора; в компетенцию цензора входило производство ценза и распределение граждан по трибам и центуриям (Машкин, Ист. древн. Рима, 9)» [10].

Это слово в русском языке, как и в других европейских языках, претерпело значительные семантико-прагматические изменения.

Лексикографическая традиция, начиная с ТСУ, интерпретирует лексему как обозначающую явление, строго ограниченное временными рамками и зависящее от государственного устройства. Ср.: *цензура* – «(латин. *censura*). 1. В древнем Риме – должность цензора (**истор.**). 2. Просмотр произведений (предназначенных к печати, к постановке в театре и т. д.), осуществляемый специальным государственным органом (**устар., загр.**). *Подвергнуть цензуре. Предварительная цензура. Военная цензура.* 3. Государственный орган, ведущий надзор за печатью (**устар., загр.**). *Дозволено цензурой. Разрешено цензурой.* 4.

Взыскание, налагаемое на депутатов в парламентах за нарушение внутреннего распорядка (**загр. полит.**) [6].

Денотативная семантика представлена в толковании, приближенном к энциклопедическому; идеологическая же составляющая в первом советском словаре интерпретируется с помощью специальных помет: **заграничное, устарелое**. Это и есть проявление стихийной зоновости в семантизации слова. Цель создателей словаря – показать, что обозначаемое явление распространено в дореволюционной России и в других (капиталистических) странах, а в советской свободной стране оно отсутствует.

Авторы ТСУ во вступительной статье отмечают, что «помета *устарелое* означает: вышедшее или выходящее из употребления, но ещё широко известное, между прочим, по классическим литературным произведениям 19 века» [6, Т. 1]. Названная помета в ТСУ расширяет свои функциональные возможности применительно к идеологической лексике, становясь маркёром идеологического содержания: «чуждый политическому строю», «уходящий и противостоящий новому миру».

Как и в других случаях, авторы словаря эксплицитно представляют идеологические составляющие лексического значения. (Ср. также со словами: *либерализм, национализм* и др.). Таким образом, с помощью помет передается информация о том, что подобное негативное явление свойственно другим странам, другим политическим режимам, а в советской стране этого нет.

По «Словарю современного русского литературного языка» (далее – БАС), слово *цензура* тоже обозначает понятие, не входящее в политический контекст советской эпохи: «2. В дореволюционной России и других странах – осуществляемый органами власти контроль политической благонадежности выходящих в

свет произведений (а также личной переписки заключенных, корреспонденции, идущей с фронта, и т. п.). *Недавно, тяжкою цензурой притеснен, Последних жалких прав без милости лишен. Со всею братией гонимый совокупно, Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно.* Пушкин. Втор. посл. цензору; *Реакция обезличивала театр цензурами всех форм и видов, мещанство принижало его пошлостью своих вкусов.* Южин-Сумбат. М. Н. Ермолова; <...> Проходить, пропускать и т. п. через (какую-нибудь или чью-нибудь) цензуру. *Через некоторое время мне разрешили переписку с женой. Но письма проходили через двойную цензуру – жандармов и тюремной администрации.* П. Карав. В докт. годы, 3. || Разг. О проверке, контроле (чьих-нибудь сочинений, чтения и т. п.), о строгом надзоре за чем-нибудь. *Материнской цензурой княгини целиком не допускался ни один автор, ни даже Державин и Жуковский.* Леск. Дух госп. Жанлис, 6. *Прежде чем печатать [повесть], хотел бы прислать вам ее для цензуры, ибо ваше мнение для меня золото.* Чех. Письмо А. С. Суворину, 31 марта 1892 г. [10].

Кроме специального комментария «**В дореволюционной России и других странах**», отнесенность к ушедшей политической эпохе поддерживается в семантике слова **цензура** иллюстративным материалом. Словарь придерживается правила цитатной триады, включая разновременные контексты от «эпохи Пушкина до наших дней» (словарь создавался с 1950 г. по 1965 г.). Однако в словарной статье анализируемого слова содержатся только контексты из произведений XIX в. В целом же информация об идеологической семантике «в советском обществе цензуры нет» представлена эксплицитно (см. комментарий: СССР не относится к «**другим**» странам) и имплицитно (датировка иллюстративного материала).

Найденный и опробованный способ представления идеологемы используется и авторами «Словаря русского языка» (далее – МАС): **цензура** – «1. В древнем Риме: должность цензора (в 1 знач.); 2. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации, а также учреждение, осуществляющее такой надзор. *Наконец водевилей был готов, переписан и отдан в цензуру.* Н. Некрасов, Почтеннейший. *Меня особенно смешило тогда, что на внутренней стороне обложек у всех светских революционных изданий было напечатано: «Одобрено цензурой».* Морозов, Повести моей жизни; 3. Просмотр произведений, предназначенных к печати, к постановке в театре и т. п. или просмотр какой-л. корреспонденции, осуществляемый этим учреждением. [*Снегирь*], *научившись ставить знаки препинания, начал издавать, без предварительной цензуры, газету "Вестник лесов".* Салтыков-Щедрин, Орел-меценат. *Через некоторое время мне разрешили переписку с женой. Но письма проходили через двойную цензуру — жандармов и тюремной администрации.* Караваев, В дооктябрьские годы. [Лат. *censura*]» [11].

Как видим, хотя иллюстративный материал здесь иной, чем в БАС, но принцип подбора остаётся прежним: контексты из литературы XIX в. описывают цензуру дореволюционной России («надзор за печатью и средствами массовой информации», как явствует из толкования, осуществлялся в XIX в., цензура дает разрешение на постановку водевиля Н. Некрасова, а письма автора «Дореволюционных дней» проходят через двойную цензуру жандармов и тюремной администрации, и события «Повести моей жизни» относятся к 1902–1912 гг.).

Отнесенность явления цензуры всеми советскими словарями к дореволюционной

России (т. е. толкование слова как устаревшего) вполне справедливо: конечно, и цензура была, и В. И. Даль толкует слово как абсолютно нейтральное (ср.: *Цензорство*, или цензорская должность. *Ценз(с)орь* [м., лат. *sensor*], кому доверено от правительства цензуровать [нем. *zensieren*] сочиненья, одобрять или запрещать печатанье и продажу ихъ. *Цензу'ра, ценсу'ра* ж., лат. [*censura*], учрежденье, для просмотра, одобренья и запрещенья къ печати рукописей [книгъ и газетъ] [12]), но отношение общества к явлению цензуры в XIX в. едва ли было нейтральным. Ср., например, толкование слова *цензура* в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Ф. Павленкова (1907): «1) Надзор за печатью. *Наиболее тяжелое условие для печати* есть предварительная ц.; сверх того, ц. может еще разделяться на духовную и светскую. По закону 1865 г. от предварительной цензуры освобождаются в обеих столицах все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов и все переводы объемом не менее 20 печ. листов. “Бесцензурные” издания представляются в цензурный комитет за неделю до выхода их в свет. Ответственность определяется началом *карательной ц-ы*, т. е. *конфискацией книги в случае усмотренного в ней злоупотребления* и представлением ее на рассмотрение комитета министров. Независимо от этого может быть возбуждено *судебн. преследование* <...>» [13].

С этим словарным описанием вполне согласуется мысль В. Набокова о том, что «живописцы, писатели и композиторы прошлого века были совершенно уверены, что живут в стране, где господствует деспотизм и рабство, но они обладали огромным преимуществом, которое можно до конца оценить лишь сегодня, преимуществом перед своими внуками, живущими в современной России: их не заставляли говорить, что деспотизма и рабства

нет <...> Учрежденная им [Николаем I] цензура оставалась в силе до 60-х годов, ослабла после великих реформ, вновь ужесточилась в конце прошлого века, ненадолго была упразднена в начале нынешнего и затем удивительным и ужаснейшим образом воскресла при Советах» [14, с. 28–29].

Вернемся к классическим словарям. Сегодня мы читаем текст словаря следующим образом: переключение внимания адресата на тексты XIX в. преследует цель сообщить об отсутствии цензуры в «свободной советской стране». Однако стоит подумать и вот о каком прочтении приведенных словарных статей: авторы БАС (а также и МАС) располагали карточками текстов, в которых едва ли можно было найти (даже если бы лексикографы решились рискнуть!) подходящий цитатный материал – в СССР, по Конституции, цензуры не было. Поэтому в советском официальном (да и художественном!) дискурсе можно было найти лишь примеры, в которых обсуждался гнет «не нашей» цензуры. Несомненно, писать о жесточайшей советской цензуре не позволяла эта самая цензура.

Филологические словари в полной мере соответствуют идеологическим представлениям, отраженным в энциклопедических словарях. В последних – дано обоснование существования цензуры во все времена и ее отсутствия в СССР. Иными словами, информация, завуалированная в толковых словарях, эксплицирована в энциклопедических. См.: *Цензура* «(лат. *censura*) – в **классово-антагонистич.** обществе система гос. контроля над содержанием печатных произведений, кинофильмов, радио- и телепередач, сценических выступлений с целью недопущения распространения учений, мыслей, сведений, противоречащих интересам **эксплуататорских классов.** <...>. Репрессивные меры против не-

угодных эксплуататорской верхушке или одной из ее фракций произведений, устных выступлений и их авторов использовались гос. властью еще в древности. <...>. С наступлением эпохи феодализма выполнение функций Ц. сосредоточивается в руках церкви – идеол. опоры феод. строя. <...>. Наряду с духовной Ц. с 16 в. в ряде стран распространяется Ц. государственная, действовавшая нередко в полном контакте с церковниками и расправлявшаяся с авторами “опасных” произведений с не меньшей жестокостью (сожжение на костре “крамольных” книг и их авторов и пр.). <...>. В условиях гос.-монополистич. капитализма, когда средства издания и распространения произведений печати сосредоточиваются в руках нескольких монополистич. групп, гос-во часто передает свои функции монополистич. объединениям, осуществляющим “самоцензуру” в рамках формально провозглашенной “свободы печати”. Поэтому борьба за подлинную свободу печати, против засилия монополий в издательском деле, в поддержку демократич. печати остается задачей демократич. и социалистич. сил во всех бурж. гос-вах. В странах с авторитарными или фаш. режимами, где преследование неудобных этим режимам произведений принимает нередко дикие, средневековые формы, подобные тем, к-рые практиковались в фаш. Германии (напр., сожжение книг), требование установления свободы печати занимает одно из важных мест в борьбе демократич. сил против этих режимов. <...>. Социалистич. революции кладут конец бурж. Ц. **Конституции социалистич. гос-в гарантируют трудящимся свободу печати, к-рая обеспечивается предоставлением типографий, запасов бумаги и др. материальных условий в распоряжение трудящихся и их представителей.**

Охрана гос. и воен. тайны в печати осуществляется в социалистич. странах специальными органами» [15].

Осмысление жесточайшей системы советской цензуры началось в начале 1990-х гг.: появилось большое количество специальных монографий, посвященных формам, видам, методам цензурирования в СССР. Дискурс 1990–2000-х гг. демонстрирует попытки осмысления феномена цензуры, «которой не было».

В постперестроечных словарях, когда появилась возможность переосмыслить лексикографическую интерпретацию идеологической семантики, сделана успешная попытка деидеологизации семантики единиц отдельных лексических групп, например, религиозной лексики в ТСОШ [16]. Казалось, что вот-вот появятся словари, в которых будут даны вполне адекватные толкования и политической лексики.

Однако, возможно, был слишком короткий срок для осмысления и коррекции идеологически значимых понятий социумом, а далее – лексикографией, поэтому десоветизация коснулась самых очевидных проявлений идеологической канвы словарей. Наиболее простой способ деидеологизации словаря – устранение идеологических помет и отказ от одиозного цитатного материала. Ср. в ТСУ: *Религия* – «взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа. <...>. *Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе религии Ленин. Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеству.* Ленин» [6]. Этот контекст как очень важный компонент в экспликации прагмати-

ческого содержания, к сожалению, современные словари не заменили, а просто отказались от иллюстративного материала, например: *Религия* – «1. Одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения. 2. Одно из направлений такого общественного сознания. Мировые религии (буддизм, ислам, христианство)» [16].

Если это вполне обосновано для однотомного словаря (ТСОШ), то для многотомных – совершенно не мотивировано. Предположение о том, что точность подбора иллюстративного материала в современных словарях должна быть значительно выше (изученность прагматической семантики и возможности использования языковых корпусов), не подтвердилось исследованиями достаточно большого языкового материала.

Анализ иллюстративного материала как составляющего компонента словарной статьи прагматически маркированного слова в современных словарях свидетельствует о том, что цитата выполняет в большинстве случаев только оправдательную функцию, а функцию собственно иллюстративную – лишь частично или не выполняет вовсе. Применительно к лексикографическому описанию прагматического значения роль иллюстративного материала в словарной статье, с нашей точки зрения, становится доминирующей.

Отметим также как способы деидеологизации: А) отказ от несоответствующих помет, Б) и/или устранение особых элементов самого толкования, например:

А) *Проповедовать* – «1. Произносить проповедь (устар.). 2. Распространять какое-н. учение, идею, взгляды (книжн.)» [17]. Ср.: *Проповедовать* – «1. Произносить проповедь, проповеди во время богослужения. 2. перен.

Распространять какое-н. учение, идею, взгляды (книжн.)» [16];

Б) *Бог* – «По религиозно-мистическим представлениям: мифическое верховное существо, якобы управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ» [17]. Ср.: *Бог* – «1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ» [16].

Между этими двумя разновременными интерпретациями отметим и так называемую промежуточную лексикографическую попытку частичной деидеологизации религиозной лексики в словаре С. И. Ожегова, изданном в 1975 г.: «*Бог*. 1. По религиозно-мистическим представлениям: верховное существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ» [18].

Как видим, достаточно последовательно деидеологизация религиозной лексики осуществлена в ТСОШ. Однако имплицитное идеологическое содержание, например, лексемы *цензура* не переосмыслено: она по-прежнему рассматривается как устаревшая, а современный политический контекст остаётся «за кадром», например: *цензура* – «система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. Военная ц. (в годы войны также за частной перепиской). Дозволено цензурой (разрешено цензором к печати, к постановке; устар.). II прил. *цензурный*, -ая, -ое.» [18]. Ср.: *цензура -ы*, ж. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. Военная ц. (в годы войны также за частной перепиской). Дозволено цензурой (разрешено цензором к печати, к постановке; устар.). II прил. *цензурный*, -ая, -ое [16].

Деидеологизация словарного содержания касалась в первую очередь устранения эксплицитных элементов толкования. Меньше

повезло имплицитному идеологическому содержанию лексемы, как в случае со словом *цензура*. Выявленные в ходе дискурсного анализа смысловые особенности этого слова остались вне поля зрения лексикографов. Невостребованным оказался и материал языковых корпусов.

Рассмотрим постперестроечные словари. Так, в Популярном словаре русского языка: *цензура* – «1. В Древнем Риме: органы, ведавшие оценкой имущества граждан, следившие за поступлением налогов и за общественной нравственностью. 2. Система государственного надзора за печатью и другими средствами массовой информации. *Ввести цензуру. Когда б писать ты начал сдуру, тогда б наверно ты пролез сквозь нашу тесную цензуру...* (Пушкин). Родственные слова: *цензор, цензурный, бесцензурный, подцензурный*. Этимология: От немецкого *Zensur* ‘цензура’ (*censura* ‘взыскательная критика’, ‘строгое суждение’). В русском языке – с конца XVIII в. Энциклопедический комментарий: В Западной Европе цензура возникла в XV в., в России – в начале XVIII в. По формам контроля цензура подразделялась на предварительную и карательную. С 1804 г. цензура регулировалась цензурными уставами и временными правилами. Она делилась на общую (внутреннюю и иностранную) и ведомственную (духовную, военную, театральную) и др.» [19]. Как видим, описание явления (словарь претендует на энциклопедическую составляющую) и толкование слова никак не привязаны к реалиям XX–XXI вв.

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой словарная статья исчерпывается краткими толкованиями: *цензура* – «I.1. Система государственного надзора за печатью и средствами массовой информации. 2. Лица, осуществляющие такой надзор. II. 1. Исполнение обязанностей цензора [цензор III] в Древнем

Риме. 2. Лица, исполняющие такие обязанности» [20].

Существенно не меняется лексикографическая интерпретация слова и в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова: *цензура* – «1) Система государственного надзора за произведениями искусства, средствами массовой информации или личной корреспонденцией; учреждение, осуществляющее такой надзор. *Военная цензура. Цензура запретила выход сборника. Строгая цензура. Подвергнуть цензуре. Снятие цензуры.* <...>» [21]. Словосочетания-иллюстрации в словаре С. А. Кузнецова актуализируют запретительную, карательную функцию цензуры, делая явление вневременным и в силу этого практически не имеющим идеологической семантики. Можно ли сказать, что идеологический компонент снят? Тогда возникает другой вопрос: стало ли толкование слова более адекватным?

Современные словари Т. Ф. Ефремовой и С. А. Кузнецова, по сути, проблему снятия/переориентации идеологических смыслов не решали: эти словари в толковании лексического значения как гетерогенной структуры сделали шаг назад, по сравнению с классическими лексикографическими источниками, отказавшись практически от основных инструментов, используемых в семантизации слова – иллюстративного материала и системы помет.

Контекстный материал из национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) подтверждает наличие идеологического значения лексемы *цензура* в разных формах ее существования (литература, кино, театр, СМИ, нравственное воспитание и просвещение и пр.): политическая цензура (*пятая колонна и национал-предатели* – негласный запрет концертов А. Макаревича); идеологическая цен-

зура (например, оскорбление чувств верующих); ведомственная и военная цензура (неразглашение имен погибших десантников Министерством обороны) и др. [22].

По данным НКРЯ, слово и стоящее за ним понятие как будто живут в разных параллельных мирах; все время обсуждается вопрос: нужна/не нужна цензура, есть ли она или её нет. Недолгое время, связанное с ослаблением цензуры, повлекло такие настроения граждан: по данным исследовательского холдинга «РОМИР Мониторинг», более двух третей россиян (71 %) и свыше 40 % журналистского сообщества одобрили бы введение цензуры.

В этот контекст не только вписываются размышления о злоупотреблении свободой слова (а) и декларации о том, что цензуры в стране нет, как и написано в Конституции (б), но и утверждения, что цензура ужесточается с каждым годом (в). Приведем примеры:

а) *Как уже было сказано, свобода слова и отмена цензуры – огромное завоевание, но его нужно охранять от тех, кто злоупотребляет этой свободой* (В. И. Гинзбург. Астрология и лженаука // Наука и жизнь. 2008);

б) *На вопрос Саркози о цензуре, российский президент ответил, что цензуры у нас нет* (А.

Желнов., В. Родионов. О конфликте с министром // Русский репортер. 2008. № 3 (33));

в) *Нормальному человеку давно ясно: в России с 1993 года активно действует очень свирепая цензура, жёстко фильтрующая (зажимающая и глушащая) все критические и просто объективные материалы оппозиции* (В. Плотников. СМИ без цензуры – диктатура халтуры // Сов. Россия. 2003. 19.08.).

Очевидно, что современное идеологическое содержание лексемы включает порой противоречащие оценочные компоненты, отражающие реальную жизнь слова.

Подведем итоги. В результате семантико-прагматического и лексикографического анализа выявлен особый способ семантизации идеологического содержания, суть которого состоит в том, чтобы имплицитно представить идеологическое содержание через хронологически маркированный иллюстративный материал (или вовсе пренебречь прагматическим содержанием слова, устранив из словарной статьи цитатный материал). А лексема *цензура* и стоящая за ней идеологема по-прежнему ждут своего лексикографа, но адекватная семантизация этой лексемы случится, видимо, не скоро.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИЯ АН СССР, 1987. – С. 3–22.
2. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
3. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
4. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 450 с.
5. **Телия В. Н.** Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 236.
6. **Толковый** словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
7. **Азнаурова Э. С.** Прагматика художественного слова. – Ташкент: Фан, 1988. – 121 с.

8. **Langakker R.** An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. In Acta Linguistica Hungarica // Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues. – 2005. – Vol. 52 (4). – Pp. 341–366.
9. **Архангельский А.** Кому мать война [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1380510-echo/> (дата обращения: 10.10.2014).
10. **Словарь** современного русского литературного языка: в 17 тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. (БАС).
11. **Словарь** русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984. (МАС).
12. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Репр. воспр. изд. 1903–1909. – М.: Терра; Кн. Клуб, 1998.
13. **Словарь** иностранных слов, вошедших в состав русского языка Ф. Павленкова 1907 г. [Электронный ресурс]. – New-York: Изд. Книжного магазина М. Майзеля, 1921 – 359 с. – URL: <http://www.knigafund.ru/books/27199/read#page1>. (дата обращения: 10.10.2014).
14. **Набоков В. В.** Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука – Классика, 2010. – 446 с.
15. **Советская** историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1982.
16. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: АЗЪ, 1994. (ТСОШ).
17. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / гл. ред. С. П. Обнорский. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. (СО).
18. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. – 6-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. (СО 1964).
19. **Гуськова А. П., Сотин Б. В.** Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический [Электронный ресурс]. – Русский язык-Медиа, 2003. – URL: http://www.catalogy.ru/books/1560938_populyarnyy-slovar-russkogo-yazyka-tolkovo-entsiklopedicheskiy.htm. (дата обращения: 10.10.2014).
20. **Ефремова Т. Ф.** Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – 2006. – URL: [http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+\(Ru-Ru\)](http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+(Ru-Ru)) (дата обращения: 10.10.2014).
21. **Большой** толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998. – 1536 с.
22. **Национальный** корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2014 г.).

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02)

Tripolskaya Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology Sciences,
Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk
State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Bulygina Elena Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Profes-
sor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State
Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

IDEOLOGICAL SEMANTICS AS THE OBJECT OF LEXICOGRAPHICALLY DIFFERENT-TEMPORAL DICTIONARIES

Abstract

Dictionary reflects not only their time, but also forms, sometimes rigidly imposing, a system of “ideological phantoms”. Deideologization dictionaries proved difficult and controversial process that began in the late 1980s.

The article examines issues of ideological interpretation lexicographical minor component included in the area of pragmatic semantics of the word.

In valuable field of society has “eternal” concepts, which are reflected in the vocabulary of native speakers as ideological (according to associative and discursive research). Such content is usually explicated in the dictionary entry, it is meant to reflect and shape the ideological view of the world society, that is exert ideological pressure on the recipient's dictionary. However, there are cases where the pragmatic content of the word it was deliberately hidden to such phenomena is lexicographic token censorship, indicating that “what we have in the recent past there has been no”. Different types of content require a pragmatic and different lexicographical “packaging” that something should be spelled out, something hidden. As a result of definitional and discourse analysis identified ways of veiling the obvious ideological content related to “oversee the implementation of dissent”: a system commenting litter (outdated, overseas, historical, political) and specially selected chronologically labeled illustrations.

Keywords

lexicography, semantics, pragmatic meaning, dictionary

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Pragmatics and problems intentionality*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russian)
2. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic literals? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
3. Telia V. N. *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russian)
4. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, 450 p. (In Russian)
5. Telia V. N. Connotation. *Linguistic encyclopedic dictionary*. (Ed.) V. N. Yartseva. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, 236 p. (In Russian)

6. *Dictionary of Russian*. (Ed.) D. N. Ushakov, 4 vol., Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1935–1940. (In Russian)
7. Aznaurova E. S. *Pragmatics of art word*. Tashkent, Fan Publ., 1988, 121 p. (In Russian)
8. Langacker R. An Interview with Ronald Langacker, by Jozsef Andor. In *Acta Linguistica Hungarica. Cognitive Grammar: The State of the Art and Related Issues*. 2005, Vol. 52 (4), pp. 341–366.
9. Archangelskiy A. *This mother war*. Available at: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1380510-echo/> (accessed: 10.10.2014). (In Russian)
10. *Dictionary of modern Russian literary language*. Vol. 17. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1948–1965. (In Russian)
11. *Dictionary of Russian language*. Vol. 4 (Ed.) A. P. Evgenyeva. Moscow, Russian Language Publ., 1981–1984. (In Russian)
12. Dal V. I. *Explanatory Dictionary of Russian Language*. 4 vol. 1903–1909. Moscow, Terra Publ., Book Club Publ., 1998. (In Russian)
13. *Dictionary of Foreign Words that are included in the Russian language F. Pavlenkova 1907*. New-York, Acad. Bookstore. M. Meisel Publ., 1921, 359 p. Available at: <http://www.knigafund.ru/books/27199/read#page1> (accessed: 10.10.2014) (In Russian)
14. Nabokov V. *Lectures on Russian literature*. St. Petersburg, Abc – Classic Publ., 2010, 446 p. (In Russian)
15. *Soviet Encyclopedia of History*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1982. (In Russian)
16. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Az Publ., 1994. (In Russian)
17. Ozhegov S. I. *Russian dictionary*. (Ed.) S.P. Obnorsky. Moscow, State. ed. foreign. and nat. dictionaries Publ., 1949. (In Russian)
18. Ozhegov S. I. *Russian dictionary*. Moscow, Sov. encyclopedia Publ., 1964. (In Russian)
19. Gus'kova A. P., Sotin B. V. *Popular Dictionary of the Russian language. Glossary and encyclopedic*. Russian language Media Publ., 2003. Available at: http://www.cataloxy.ru/books/1560938_populyarnyy-slovar-russkogo-yazyka-tolkovo-entsiklopedicheskiy.htm (accessed: 10.10.2014) (In Russian)
20. Efremova T. F. *Large modern Dictionary of Russian language*. Available at: [http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+\(Ru-Ru\)](http://www.lingvoonline.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary=Explanatory+(Ru-Ru)) (accessed: 10.10.2014). (In Russian).
21. *Great Dictionary of the Russian Language*. (ed.) S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norit Publ., 1998, 1536 p. (In Russian).
22. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 10.10.2014). (In Russian).

© В. А. Ефремов

DOI: 10.15293/2226-3365.1502.03

УДК 811.161.1:34 + 811.111:34

СЛОВАРИ СУБСТАНДАРТА В ЛИНГВОЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ**В. А. Ефремов (Санкт-Петербург, Россия)*

В статье анализируется использование словарей субстандартной лексики при лингвистической экспертизе и приводятся аргументы, доказывающие невозможность ограничиваться в экспертной деятельности исключительно толковыми словарями нормативного русского языка. Цель работы – раскрыть потенциал субстандартной лексикографии в деятельности эксперта в зависимости от типа вербального преступления. В статье анализируется возможность привлечения словарей сниженной лексики в трех типах правонарушений: дела о защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление представителей власти и преступления, связанные со сбытом или производством наркотиков. Первые два – это наиболее распространенные типы вербальных преступлений. По ним назначают лингвистические экспертизы, проведение которых до сих пор вызывает споры среди профессиональных юристов и лингвистов: что считать оскорблением, любое ли бранное слово автоматически становится оскорбительным, какова роль контекста при классификации того или иного высказывания как юридического случая оскорбления? В работе предлагается методическое решение данных вопросов, опирающееся на авторитет признанных научным сообществом лексикографических источников. Одновременно, в связи с преступлениями, связанными с конкретными узкими стратами жаргона (в частности – жаргона наркоманов), в статье доказывается необходимость пользоваться не только бумажными, но и электронными лексикографическими источниками, в том числе и субстандартной лексики.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, словари субстандартной лексики, вербальные преступления.

Актуальность обращения к теме субстандартной лексикографии в аспекте лингвистической экспертизы связана как минимум с двумя причинами: во-первых, с необходимостью верификации языкового и речевого опыта эксперта с помощью толковых словарей

и, во-вторых, с широким спектром речевых правонарушений (вербальные преступления), использование в доказательной базе которых материалов жаргонной лексикографии может быть не только востребовано, но и в высшей степени оправдано.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Ефремов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: valef@mail.ru

Важность и значимость рассматриваемого вопроса связана, с одной стороны, с тем, что далеко не всегда лингвист-эксперт хорошо ориентируется в качественной субстандартной лексикографии (современный словарный «бум» привел к невероятному количеству разного рода и – главное – качества словарей, ориентироваться в которых подчас весьма и весьма сложно), а с другой стороны, с демонстрацией возможности использования подобного типа лексикографии в разных делах (от оскорбления и порочения чести и достоинства до распространения наркотиков).

Кроме того, следует признать, что академические фундаментальные толковые словари русского литературного языка не всегда могут помочь при проведении лингвистической экспертизы по ряду причин:

1) хронологические рамки описываемой в них лексики ограничиваются в лучшем случае самым концом XX в. (а, как известно, субстандарт – самая подвижная часть лексической системы языка [1, с. 102–108]);

2) толковые словари литературного языка в силу своей нормативности не могут и не должны содержать большую часть жаргонных и просторечных единиц;

3) даже зафиксированные в «классических» словарях элементы субстандарта сопровождаются не всегда адекватной совокупностью стилистических помет. «В практике составления словарей, – пишет Е. С. Елистратов, – учитываются прежде всего особенности литературного языка, всему остальному отводится лишь ряд довольно абстрактных помет типа *прост.*, *разг.*, *груб.* и т. п.» [2, с. 3]. Кроме того, по обоснованному мнению Н. Д. Голева, «лексикографические пометы, связанные с оценкой слов на шкале инвективности весьма субъективны и непоследовательны, не говоря уже о том, что инвективная лексика “не-

охотно” включается в филологические словари нормативного типа» [3, с. 36].

Итак, **цель** данной статьи – раскрыть потенциал словарей субстандартной лексики в деятельности лингвиста-эксперта при их использовании в лингвистических экспертизах (исследованиях) по делам разных категорий.

Не вдаваясь в подробности истории субстандартной лексикографии, напомним мысль В. А. Козырева и В. Д. Черняк, что именно «в постсоветскую эпоху в связи с общей раскрепощенностью русской речи и массовым проникновением субстандартной лексики в разные сферы функционирования русского языка, в том числе в средства массовой информации, обострился общественный интерес к этому пласту национального языка, что, в свою очередь, стимулировало развитие словарей субстандартной лексики» [4, с. 266]. Среди наиболее авторитетных и наиболее полных современных словарей русского субстандарта, которые можно активно использовать при проведении лингвистических экспертиз по делам разных категорий, выделим три основных: 1) *Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского аргот. М.: Рипол Классик, 2003; 2) *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000; 3) *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Очевидно, что разные категории дел предполагают использование разных словарей субстандартной лексики и в разных аспектах лексикографического анализа.

1. Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации

Словари субстандартной лексики в экспертизах по делам такого рода помогают ответить на следующие базовые вопросы, сформулированные К. И. Бриневым: «А. Оскорбительна ли фраза X?

Б. Является ли высказывание оскорбляющим честь и достоинство лица, к которому оно обращено?

В. Представляют ли собой (являются ли) высказывания оскорблением?» [5, с. 236].

Так, в деле об оскорблении адвоката истца со стороны ответчика, бросившего фразу «*Да какой ты, на хрен, адвокат! Что вылутился, с-с-с-сука!*», обнаруживаются не только порочение деловой репутации, но и элементы дискредитации потерпевшего. Использование в общественном месте и в официальной обстановке (судебное заседание) в функции обращения номинации *сука* по отношению к человеку является актом оскорбления, так как содержит ярко выраженную грубую отрицательную оценку, см. словарь В. В. Химики: **сука** – «2. *Грубо*. О человеке, вызывающем своим поведением гнев, неприязнь (обычно о женщине)» [6, с. 526], о чем напрямую свидетельствует стилистическая помета.

Одновременно использование разговорной конструкции *Да какой ты, на хрен, (X)!* также следует классифицировать как порочение деловой репутации: в данной фразеологизованной конструкции ставится под сомнение профессиональная компетенция потерпевшего (адвоката). Кроме того, конструкция носит сугубо оскорбительный характер из-за содержащего в ней субститута матерного слова, о чем напрямую информирует словарь субстандартной лексики (**хрен** – «2. *Неодобр. (бран.)* Эвфем. к х*** (2 зн.)» [6, с. 683]) и что нельзя извлечь из академического толкового словаря (**хрен** – «4. *Грубо*. Бранное обозначение мужчины» [7, с. 1454]). Следовательно, словарь субстандарта позволяет более аргументированно доказать сам факт оскорбления, в полной мере выявляя пресловутую «неприличную форму» высказывания.

Употребление в ходе судебного заседания лексемы *сука* и конструкции *Да какой ты, на хрен, (адвокат)!* свидетельствуют об избранной говорящим стратегии дискредитации. Цель этой стратегии (в формулировке О. С. Иссерс) – «подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо» [8, с. 160]. Эти слова, несомненно, можно классифицировать как оскорбление – «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме», по определению А. Н. Баранова [9, с. 538].

Унижения чести и достоинства нарушитель добивается также использованием в качестве оскорбления слова, обычно употребляемого в адрес женщины, – тем самым он унижает не только человеческое, но и мужское достоинство потерпевшего адвоката, как показали наши исследования [10]. Кроме того, как известно, оскорбление относят к категории умышленных правонарушений [11, с. 96], и лингвистический анализ в данной ситуации может эксплицировать наличие соответствующих интенций. Создание негативного впечатления о личности потерпевшего, а также публичное унижение его чести и достоинства было со стороны правонарушителя намеренным: об этом свидетельствуют эмфатическое выделение начального звука [с] в лексеме *сука*, а также такое паралингвистическое средство, как ухмылка.

2. Дела по обвинению в оскорблении представителя власти, судьи и т. п.

В качестве примера рассмотрим экспертизу, инициированную судьей в рамках иска об оскорблении работника патрульно-постовой службы пешеходом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения и использовавшим во время своего задержания обscene слова и выражения (предметом экспертизы стали только две конструкции: *иди в*

*n***** и *иди на х***). В работах по лингвистической экспертизе текста доказанным считается тот факт, что оскорбление – это особый тип речевого акта, структура которого включает в себя как минимум три компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-либо отрицательная характеристика (она может соответствовать или не соответствовать реальности). Во-вторых, эта отрицательная характеристика, как справедливо отмечает А. Н. Баранов, выражается в неприличной форме [9, с. 540–541]. Кроме того, как уже было сказано выше, предполагается ещё один признак – умышленный характер деяния.

Речевой акт оскорбления предполагает, что говорящий приписывает адресату отрицательную характеристику и сознательно делает это в неприличной форме. В связи с этим лингвисты считают необходимым «различать инвективную и неинвективную лексику, т. е. такую, которая предполагает намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо, и такую, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает» [11, с. 29]. Как правило, не вызывает сомнения отнесение к инвективной лексике обценных (нецензурных, матерных) слов. Однако в некоторых видах дискурса (в армейской речи, в речи строителей, работников низкоквалифицированных специальностей и т. п.) табуированность обценной лексики снижается или исчезает полностью, т. к. в таких случаях обценная лексика играет роль исключительно маркера принадлежности к определенному социуму и является элементом повседневной речи [9, с. 539]. Кроме того, известная часть обесцененной лексики в неофициальном общении или в производственной ситуации в речи человека низкой культуры часто выступает в функции междометных ситуативных

обозначений предмета разговора или адресата речи (при этом такие слова имеют аморфную – размытую – семантику, обусловленную исключительно данной ситуацией общения), или собственно междометий, выражающих эмоции говорящего, или слов, заполняющих речевые паузы. В этих коммуникативных функциях употребление обценной лексики, как правило, не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего. Имея дело с такими словами и выражениями, важно строго учитывать контекст, в которых данное слово употребляется, оценку и эмоциональную окраску, которую вкладывает в высказывание говорящий, а также его интенции.

Речевое поведение человека в состоянии алкогольного опьянения в анализируемой ситуации задержания представителями власти почти неминуемо будет сопровождаться обценной лексикой. И поэтому использование указанных конструкций в такой коммуникативной ситуации нельзя автоматически рассматривать как речевой акт оскорбления, во-первых, потому, что здесь нет приписывания адресату (полицейскому) никаких отрицательных оценок (нет классической для оскорбления синтаксической формулы *X есть Y*, в которой *X* – оскорбляемый, а *Y* – оскорбительное слово); а во-вторых, с точки зрения лингвистической прагматики здесь нет интенции оскорбить (если бы она была, задержанный выбрал бы формулы типа *Ты (есть) Y*, *Да сам ты – Y* и т. п., то есть назвал бы оскорбляемого тем или иным словом). Следовательно, в случае задержания полицейскими человека в состоянии алкогольного опьянения семантическое и прагматическое наполнение вышеназванных конструкций имеет лишь значение ‘отстань(те) от меня, оставь(те) меня в покое’ и ‘я не хочу с вами общаться’. Иными словами, данные реплики следует классифицировать не

как оскорбление, а как просьбу человека оставить его в покое (*иди в п*****) и как выражение нежелания продолжить диалог (*иди на х***).

Отсутствие акта оскорбления при употреблении данных реплик подтверждается и словарями современной русской разговорной лексики, которые фиксируют следующие значения коллоквиализмов:

1) «**Иди в п******. *Бран. неценз.* Пожелание или требование отстать, отвязаться, прервать всякие сношения с кем- или чем-л. (говорится тому, кто надоел или от кого хотят избавиться или о том, с кем хотят порвать)» [6, с. 438];

2) «**Иди на х****. *Неценз. 1. Бран.* Предложение кому-л. покинуть какое-л. место. *2. Бран.* Решительный отказ в чем-л., указание на неуместность просьб, требований, претензий, осуществляемые в оскорбительной форме пожелания удалиться. *3. Груб. Фам.* Бесцеремонное выражение нежелательности общения с кем-л., отказ от чего-л. *4. Дружеский совет* отказать, не возражать, не препятствовать чем-л.» [6, с. 691].

Как видно из словарных статей, описываемые единицы, несмотря на подчеркиваемый стилистическими пометами их нецензурный и бранный характер, не содержат в себе коммуникативных тактик и стратегий собственно оскорбления, а лишь служат в сниженном регистре русской речи для: а) отказа от чего-л., б) для предложения покинуть то или иное место или как в рассматриваемом случае, в) для пожелания отстать от говорящего и для выражения нежелания продолжать диалог.

Таким образом, анализируемые высказывания, являясь негативными по содержанию, эмоционально-экспрессивными и нормативно-сниженными по форме, не являются неприличными в данной коммуникативной ситуации (задержание), не характеризуют адресата

(полицейский), не несут интенции оскорбить кого-л., а, следовательно, не носят оскорбительного характера.

3. Дела, связанные со сбытом или производством наркотиков

На лингвистическую экспертизу в рамках одного из дел о распространения наркотиков были представлены несколько аудиофайлов (записи телефонных переговоров наркодилера, наркоторговцев и покупателей), с помощью анализа которых требовалось ответить на поставленный судом вопрос: «Имеются ли в представленных на экспертизу диалогах указанных лиц слова и выражения семантической группы “наркотики”?» Сами обвиняемые утверждали, что в данных разговорах речь идет о купле/продаже бензина, а не о наркотических веществах.

Ни один из существующих толковых словарей русского литературного языка по понятным причинам не содержал ни одну из спорных единиц. Однако обращение к словарям субстандартной лексики [12–14], особенно к существующему только в электронном виде «Наркоманскому словарю Баяна Ширяева» [15], позволило атрибутировать использованные в телефонных разговорах следующие единицы как принадлежащие именно к речи наркоманов: *вмазаться* («употребить наркотики»), *машинка* («шприц»), *кропаль* («доза, порция»), *порох* («наркотическое средство в виде порошка»), *на кумарах* («испытывать абстинентный синдром, наркотическое похмелье»), *поставиться* («совершить инъекцию с целью введения в организм наркотика»), *на кумарищах*, *поставиться*; *кайф* и его синонимическая замена *говно* («наркотик»); *диск* («наркотик в таблетированной форме»); *баян* («шприц»); *доза* («обычное количество наркотика»); *на ломах* («в состоянии наркотического голодания»); *порох*, *ставиться* («принимать наркотики»), *инсулинка*

(«двухмиллилитровый медицинский шприц»), *точка* («десятая часть миллилитра раствора наркотика»); *замутить* («приготовить наркотик для внутривенного введения»).

Отдельно отметим, что в силу генетически первичной конспирологической функции жаргона наркоманов, а также подвижности и стремительности обновления этого пласта субстандарта даже объемные по охвату языкового материала словари М. А. Грачева [12], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [13] не всегда успевают отразить весь спектр жаргонизмов. Все это неминуемо предопределяет необходимость обращения к интернет-словарям жаргона наркоманов.

Итак, словари ненормативной лексики – это важный инструмент в руках лингвиста-эксперта (специалиста), позволяющий решить поставленные перед ним задачи наиболее аргументированно и полно: ссыла на словари

традиционно считается одним из наиболее убедительных аргументов в конфликтной коммуникативной ситуации, отражением которой являются дела, связанные с речевыми правонарушениями.

К наиболее распространенным делам, в проведении экспертиз, по которым есть необходимость прибегать к словарям субстандартной лексики, относятся следующие:

1) по спорным речевым произведениям в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации;

2) по спорным речевым произведениям в связи с обвинениями в оскорблении, неуважении к суду, оскорблении представителя власти и др.;

3) уголовные дела, связанные с производством и распространением наркотиков, а также с разжиганием межнациональной, межрелигиозной и др. розни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Русский язык и культура речи:** учебник для вузов / под ред. В. Д. Черняк. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 2009. – 495 с.
2. **Елистратов В. С.** Словарь московского арга: материалы 1980–1994 гг. – М.: Русские словари, 1994. – 699 с.
3. **Голев Н. Д.** Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема [Электронный ресурс] // Юрислингвистика–2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm> (дата обращения: 20.12.2014).
4. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Русская лексикография: учебн. пособие. – М.: Дрофа, 2004. – 286 с.
5. **Бринев К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
6. **Химик В. В.** Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
7. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.
8. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: URSS – ЛКИ, 2008. – 284 с.
9. **Баранов А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

10. **Ефремов В. А.** Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’»: дисс. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 406 с.
11. **Понятия** чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004. – 328 с.
12. **Грачев М. А.** Словарь тысячелетнего русского арго. – М.: Рипол Классик, 2003. – 1120 с.
13. **Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.
14. **Никитина Т. Г.** Молодежный сленг: Толковый словарь. – 2-е изд. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 1102 с.
15. **Наркоманский** словарь Баяна Ширяева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blogs.privet.ru/user/brockhurst/4715287> (дата обращения: 20.12.2014).

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03)

Efremov Valerii Anatolievich, Doctor of Philology Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: valef@mail.ru

DICTIONARIES OF SUBSTANDARD LANGUAGE IN LINGVO EXPERT PRACTICE

Abstract

The article examines the use of slang dictionaries in the process of forensic linguistic examination. At the same time it demonstrates the impossibility of using dictionaries of the standard Russian language only for examination tasks. The paper target is to demonstrate the specific usage of slang lexicography in the expert's activities depending on the type of verbal offense. The article examines the possibility of using dictionaries of non-standard language in the frames of three types of offenses: protection of honour, dignity and business reputation, an insult to the authorities, police, judges, etc and crimes connected with the sale or manufacture of drugs. The first two cases are the most common type of verbal offenses for which the linguistic expertise is usually prescribed. But there are still some unsolved problems among legal professionals and linguists, i.e.: what can we consider as verbal insult? Does any swear word automatically become abusive? What is the role of context in the classification of a word as a juristic case of insult? This paper proposes a methodological solution to these questions, based on the authority of lexicographical sources generally recognized into the scientific community. At the same time in connection with crimes related to special jargon (for example, drug addicts' slang), the article proves the necessity to use not only paper dictionaries, but also the electronic lexicographical sources.

Keywords

Forensic linguistic examination, slang dictionaries, verbal offense.

REFERENCES

1. *The Russian language and Speech culture.* (Ed.) V. D. Chernyak. Moscow, High school Publ., 2009, 495 p. (In Russian)
2. Elistratov V. S. *Moscow slang dictionary.* Moscow, Russian Dictionaries Publ., 1994, 699 p. (In Russian)
3. Golev N. D. Juridization of the natural language as a linguistic problem. *Forensic linguistics–2. The Russian language in its natural and legal existence.* Barnaul, 2000, pp. 8–40. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/golev-00.htm> (accessed 20.12.2014). (In Russian)
4. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. *Russian lexicography.* Moscow, Drofa Publ., 2004, 286 p. (In Russian)
5. Brinev K. I. *Theoretical linguistics and forensic linguistic examination.* Barnaul, Altay State Pedagogical Academy Publ., 2009, 252 p. (In Russian)
6. Khimik V. V. *The large dictionary of the Russian expressive colloquialisms.* Saint Petersburg, Norint Publ., 2004, 768 p. (In Russian)
7. *Big Dictionary of the Russian Language.* Ed. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001, 1536 p. (In Russian)

8. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of the Russian language*. Moscow, URSS – LKI Publ., 2008, 284 p. (In Russian)
9. Baranov A. N. *Forensic linguistic examination of text: theory and practice*. Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2007, 592 p. (In Russian)
10. Efremov V. A. *Dynamics of the Russian language picture of the world: verbalization of the conceptual space "man-woman"*. Saint Petersburg, 2010, 406 p. (In Russian)
11. *The concepts of honour, dignity and business reputation: Controversial media texts and problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists*. Ed. A. K. Simonov and M. V. Gorbanevsky. Moscow, Medea Publ., 2004, 328 p. (In Russian)
12. Grachev M. A. *Millennial Russian slang dictionary*. Moscow, Ripol Classic Publ., 2003, 1120 p. (In Russian)
13. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Big Dictionary of the Russian Slang*. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000, 717 p. (In Russian)
14. Nikitina T. G. *Youth Slang: Dictionary*. Moscow, AST-Astrel Publ., 2009, 1102 p. (In Russian)
15. *Drug Slang Dictionary by Bayan Shiryayev*. Available at: <http://blogs.privet.ru/user/brockhurst/4715287> (accessed 20.12.2014) (In Russian)

© Мауриция Калузио

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.04)

УДК 81.374+81.25

КАК ЗВУЧИТ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ РУССКОЕ СЛОВО *ЛАГЕРЬ*

Мауриция Калузио (Милан, Италия)

*Лексика русских лагерных художественных произведений в итальянском переводе пока еще мало изучена. Никто еще не исследовал вопрос о том, как интерпретируется итальянскими словарями переведенная лексика этого огромного явления русской литературы XX в., которому принадлежат такие крупные авторы, как В. Шаламов, Е. Гинзбург, Ю. Домбровский, Н. Мандельштам, В. Гроссман. В статье анализируются слова *гулаг* (ГУЛАГ, ГУЛаг) и *лагерь*, описывается их употребление в литературе, а также особенности их интерпретации в словарных статьях итальянских словарей. Словари не всегда выделяют именно те значения названных слов, которые *гулаг* и *лагерь* приобрели как в итальянских переводах русской лагерной литературы и воспоминаний, так и в итальянской научной литературе о советских лагерях. В итальянской лексикографии слово *гулаг* приобрело значение «отдельный лагерь принудительных работ», а слово *лагерь* относится исключительно к немецкому контексту. Автор объясняет этот факт политико-культурной обстановкой в послевоенной Италии.*

Ключевые слова: *гулаг, лагерь, русская лагерная литература, перевод, итальянские словари.*

Судьба русской лагерной литературы в Италии до сих пор мало изучена, а еще менее изучена лексика в итальянских переводах лагерных художественных произведений. Как заметил польский историк Андрей Камински (Andrzej Kamiński) в своей работе, посвященной концентрационным лагерям: «И перевод и транслитерация русских понятий и прозвищ являются не второстепенной проблемой в научной оценке свидетельств о советских концентрационных лагерях» [1, с. 24].

В последние годы, особенно после появления итальянского перевода «Справочника по ГУЛагу» Жака Росси (Jacques Rossi) [2], в итальянской научной литературе начали писать о переводе русских лагерных реалий на итальянский язык [3] и о лагерной лексике в итальянской печати до Второй мировой войны [4]. Однако актуальному вопросу о том, как лексика Гулага отражена в итальянских словарях, пока, на наш взгляд, не уделяется внимание.

Мауриция Калузио – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник и доцент русской литературы факультета иностранных языков и литературы, Миланский католический университет, Милан, Италия
E-mail: maurizia.calusio@unicatt.it

Обратимся к самой номинации «**ГУЛАГ**». Как замечает в своем очерке С. Маццукелли (Mazzucchelli), «первые случаи использования этой аббревиатуры, <...> восходят к 30-м годам. <...> она встречается уже в 1937 г.» [4, с. 307]. После Второй мировой войны акроним «**ГУЛАГ**» активно употребляется в первых исследованиях о советских лагерях, вышедших в итальянском переводе с русского или с других языков. Этот акроним встречается, например, и в «первой подробной истории лагерей»¹ “Il lavoro forzato nella Russia sovietica”, авторами которой являлись русские эмигранты Д. Даллин и Б. Николаевский [6], и в книге А. К. Герлинга (A. K. Herling) “L’impero schiavista dei soviet” [7]. «**ГУЛАГ**» упоминается также в мемуарах о русских лагерях, например, в воспоминаниях немки Элинор Липпер, вышедших под названием «Undici anni nelle prigioni e nei campi di concentramento sovietici» в итальянском переводе в 1952 г. [8]. Акроним встречается и в первых лагерных художественных произведениях, изданных на итальянском языке, например, в книге поляка Густава Херлинга (Gustaw Herling-Grudziński) «Un mondo a parte» (Польша), вышедшей в Италии впервые в 1958 г. [9]. Слово *Гулаг* хотя и один раз, но употребляется в повести «Один день Ивана Денисовича» [10], опубликованной первой из всей **русской** лагерной литературы в Италии. Книга А. Солженицына вышла в 1963 г. одновременно в двух переводах [11–12], а слово *Гулаг* сохраняет только один из двух переводчиков [12]. А. Солженицын, в отличие от всех выше названных авторов, в своей повести употребляет слово **ГУЛАГ** не в качестве аббревиатуры, а вообще для обозначения лагерного мира [10, с. 24]. См.: *Сидит*

он второй срок, сын ГУЛАГа. В Италии тогда мало кто обратил на это внимание, а этот же лексико-семантический вариант слова – по данным словарей Treccani [13], GRADIT [14], Palazzi Folena [15] – вошел в итальянский язык только в 1974 г., когда на итальянском языке был издан «Архипелаг ГУЛаг» А. Солженицына [16].

С того времени для итальянских читателей *Gulag* является не только акронимом, но и обозначает «эту удивительную страну ГУЛаг, географией разодранную в архипелаг, но психологией скованную в континент, – почти невидимую, почти неосязаемую страну, которую и населял народ зэков» [17].

После появления «Архипелага ГУЛаг» в итальянской публицистике лексема *gulag* (со строчной буквой) приобрела еще одно значение – «отдельный лагерь принудительных работ». Только это, **третье**, значение, наряду с истолкованием аббревиатуры *ГУЛаг*, фиксируют все авторитетные итальянские исторические и толковые словари – см. GDLI 2004 [18], Treccani [13], GRADIT [14], Garzanti [19], Palazzi Folena [15], Zingarelli [20], Devoto-Oli [21] (по которому *Gulag* обозначает и «советский концентрационный лагерь»).

Заметим: слово *gulag* никогда не употребляется в этом значении в итальянских переводах русской лагерной литературы или исторических исследований о репрессиях в СССР. В них акроним обозначает собственно «Главное управление лагерей» или «советский/сталинский репрессивный аппарат, лагерный мир».

Итак, возникает вопрос: как в итальянском языке утвердилось слово *gulag* в значении «отдельный лагерь принудительных ра-

¹ Это определение принадлежит к Е. Каплан [5, с. 285].

бот», несмотря на то, что оно ни в переведенных художественных текстах, ни в научной литературе о советских лагерях – нигде не встречается? Чтобы ответить на вопрос, сделаем небольшое отступление.

В Италии, к нашему счастью, никогда не было настоящей системы лагерей, хотя в XX в. и было создано несколько лагерей (пересыльных и концентрационных, а также лагерей принудительных работ). Они действовали с 1940-го по 1945 г. под прямым контролем итальянского фашистского правительства или немецких нацистов. Как отмечается в ряде итальянских словарей [14–15; 20], слово *Lager* вошло в итальянский язык из немецкого именно в эти годы (особенно в 1942 г.). Эти исторические события не оставили заметного следа в итальянской литературе, но и в ней представлена лагерная проза: итальянские мемуары, записки и литературные произведения о **немецких** лагерях, в которые попали и наши соотечественники. Самым известным автором этого литературного жанра, безусловно, является Примо Леви (Primo Levi). Его знаменитая книга «Se questo è un uomo» вышла в Турине в 1947 г. (а к русскому читателю попала в переводе на полвека позже [22]), однако большой успех публики и критики получила только через 11 лет после своего появления, т. е. в 1958 г. В это время ее переиздало издательство «Эйнауди». С тех пор Примо Леви стал классиком итальянской литературы.

В том же 1958 г. вышло «Un mondo a parte» Густава Херлинга, упомянутое выше первое художественное произведение о советских лагерях. Эта замечательная книга тоже долгое время оставалась незамеченной, несмотря на высокую оценку Иньяцио Силоне (Ignazio Silone), одного из самых известных итальянских авторов послевоенного периода: «Жизнь политических книг эфемерна, но если писатель дойдет до глубины человеческих

страданий, если он увидит эти страдания жалостными глазами и изобразит их с помощью художественных средств, то его книга, несомненно, не будет предана забвению и войдет в духовное достояние человечества» [9, с. 358].

Политическая обстановка в Италии, острые идеологические споры и заметное влияние, оказанное на культуру итальянской коммунистической партией (ее видные представители работали тогда в редакциях самых влиятельных издательств, газет и журналов), – все это не позволило Г. Херлингу стать таким же популярным, каким он был в Англии в начале 1950-х гг., перед первым изданием этой книги (с предисловием Бертрانا Рассела, нобелевского лауреата по литературе 1950 г.).

Итак, хотя именно с Г. Херлинга начинается традиция итальянской переводной литературы о Гулаге, однако не ему, а А. Солженицыну суждено было открыть итальянским читателям это – увы! – огромное явление русской литературы XX в., которое так и не поддается точному определению и к которому принадлежат такие крупные авторы, как В. Шаламов, Е. Гинзбург, Ю. Домбровский, Н. Мандельштам, В. Гроссман и др. Знаменитая повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была опубликована в Италии в 1963 г. – через пять лет после «Un mondo a parte» и «Se questo è un uomo». И благодаря этой повести А. Солженицына итальянцы впервые осознали, что советские лагеря существуют. В Италии это открытие было намного более мучительным, чем во Франции или других странах Европы: сразу возникла дискуссия о различии между немецкими (нацистскими) и советскими лагерями. Кстати, в произведениях П. Леви мы находим то и дело немецкое слово *Lager*, наряду с его итальянским эквивалентом *campo di concentramento* («концентрационный лагерь»)/*campo di sterminio* («истре-

бительный лагерь)), или, проще говоря, *campo* («лагерь»). А что касается русского слова *лагерь*, которое, как известно, вошло в русский язык из немецкого в Петровскую эпоху и которое играет очень важную роль в повести А. Солженицына (около 110 употреблений, в том числе и производных), то в 1963 г. оба переводчика всегда выбирали для него *campo* [11–12]².

Только начиная с 1967 г., когда впервые вышел на итальянском языке «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург под названием *Viaggio nella vertigine*, итальянские переводчики (не все, разумеется) стали переводить русское слово *лагерь* не только как *campo*, но и как *lager* (иногда по-немецки – *Lager*, т. е. с прописной буквы, но всегда без транслитерации *ь*). Именно слово *lager* мы встречаем и в «Архипелаге ГУЛаг» А. Солженицына, и в произведениях В. Гроссмана, Н. Мандельштам, В. Шаламова и т. д., переведенных на итальянский язык.

Однако в словарных статьях лексемы *lager* в самых авторитетных итальянских словарях нет отсылок к *советскому лагерю*. Вот как определяют значение слова *lager* словари³:

1) GRADIT – “campo di concentramento o di sterminio, spec. con riferimento a quelli della Germania nazista” («концентрационный или истребительный лагерь», чаще всего обозначает «лагерь нацистской Германии») [14];

2) GDLI – “accampamento, accantonamento. In partic.: campo di concentramento, e di sterminio nazista, durante la seconda guerra mondiale” («лагерь, стан» – чаще всего о

«нацистском концентрационном и истребительном лагере во время Второй мировой войны»); в качестве иллюстративного материала приводится цитата из книги П. Леви “*Se questo è un uomo*” [18];

3) Treccani – “campo d'internamento o di concentramento. In partic., campo di concentramento e di sterminio nel quale i nazisti, durante la seconda guerra mondiale, rinchiodavano soprattutto i detenuti per motivi politici o razziali, avviandoli poi quasi sempre alle camere a gas” («лагерь для интернированных или концентрационный»; чаще всего – «концентрационный и истребительный лагерь, где нацисты во время Второй мировой войны держали под арестом – в большинстве случаев по политическим или расовым причинам – заключенных, которых потом они почти всегда убивали в газовых камерах») [13];

4) Garzanti – “Nella Germania nazista, campo di concentramento per prigionieri di guerra o per condannati politici; campo di lavoro coatto, campo di sterminio” («в нацистской Германии концентрационный лагерь для военнопленных или для политических преступников; лагерь принудительных работ, истребительный лагерь»); в качестве иллюстративного материала приводится цитата из книги П. Леви “*Se questo è un uomo*” [19];

5) Palazzi Folena – “campo di concentramento o di sterminio; *in part.* campo di concentramento usato dai nazisti durante la seconda guerra mondiale” («концентрационный или истребительный лагерь; чаще всего – концентрационный лагерь, который

² Кстати, в своих воспоминаниях о советских лагерях, опубликованных в 1948 г. под названием *La vita si ferma. Prigionieri italiani nei lager russi* [23], бывший итальянский военнопленный в СССР Габриеле Герардини (Gabriele Gherardini) прибежал к слову *lager*. Это слово встречается также и в

названной выше книге *L'impero schiavista dei soviet* (1953), где автор пишет: *Lager è parola russa per campo*. [7, с. 42]

³ Мы ограничимся здесь первым значением, указанным в словарях, не обращаясь к анализу переносных.

использовали нацисты во время Второй мировой войны») [15];

6) Zingarelli – “campo di concentramento, per lavoro coatto/campo di sterminio, nella Germania nazista” («концентрационный лагерь, лагерь принудительных работ/истребительный лагерь, в нацистской Германии») [20];

7) Devoto-Oli – “parola tristemente famosa a proposito dei campi d’internamento e di concentramento (divenuti poi campi di sterminio) nella Germania nazista (in questo caso come abbreviazione di *Internierungslager* e *Konzentrationslager*)” («печально известное слово, которое относится к лагерям для интернированных и концентрационным лагерям – ставшим впоследствии истребительными лагерями – в нацистской Германии; в этом случае употр. как аббрев. *Internierungslager* и *Konzentrationslager*») [21].

Вернемся к вопросу, который был поставлен выше: в итальянской публицистике **gulag** обозначает «отдельный лагерь принудительных работ», потому что, несмотря на все усилия литературных переводчиков, невозможно примириться с тем, что немецкое слово **Lager** и русское слово **лагерь** обозначают сходные явления. Недаром сам Primo Levi писал в 1976 г.: «Наряду с

очевидными сходствами, между советскими и нацистскими лагерями можно, пожалуй, обнаруживать основные различия. <...> вполне возможно, даже нетрудно себе представить социализм без лагерей – его осуществляли во многих местах мира. А нацизм без лагерей немыслим» [22].

Наше предположение подтверждается и совсем недавней работой переводчика Серджио Рапетти (Sergio Rapetti), который уже 40 лет переводит на итальянский произведения русской лагерной литературы и всегда переводил *лагерь* как *lager*. В переводе трех рассказов А. Солженицына, которые вышли год назад под названием «L’uomo nuovo» («Новый человек») [24], Рапетти прибегает к точной транслитерации слова *лагерь* и пишет в примечании: «*lager*’: так называется по-русски *лагерь для политических заключенных или уголовников*; в транскрипции оно является почти идентичным самому немецкому слову (от которого же этимологически происходит)» [24, с. 102].

Lager, lager’, gulag – благодаря систематизации лингвистических данных, становится очевидным еще один важный факт, что через 51 год после первой публикации «Одного дня Ивана Денисовича» вопрос о лагерях нас по-прежнему волнует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kamiński A. Konzentrationslager 1896 bis heute. Geschichte, Funktion, Typologie. – München; Zurich: Piper, 1990. – 290 p.
2. Росси Ж. Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. – London: Overseas Publications Interchange Ltd. 1987. – 546 p. // Rossi J. Manuale del Gulag. Dizionario storico / trad. it. di F. Gori ed E. Guercetti. – Napoli: L’ancora del mediterraneo, 2006. – Pp. 352.
3. Guercetti E. Tradurre il GULag // Il traduttore visibile. Tradurre ovvero l’infinito gioco delle possibilità / a cura di Teresina Zemella. – Parma: MUP, 2009. – Pp. 37–51.

4. **Маццуккелли С.** Советские лагеря в итальянской прессе 20-х–40-х годов // *Atti del Convegno internazionale Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940) – Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940): Università di Pisa, 18–19 settembre 2013.* – Salerno: Europa Orientalis, 2015. – С. 307–321.
5. **Kaplan H.** Aspetti e problemi della bibliografia del Gulag // *Gulag. Storia e memoria / a cura di E. Dundovich, F. Gori, E. Guercetti.* – Milano: Feltrinelli, 2004. – Pp. 279–305.
6. **Dallin D., Nicolaevski B.** Il lavoro forzato nella Russia sovietica. – Roma: Jandi Sapi, 1949. – 408 p.
7. **Herling A. K.** L'impero schiavista dei soviet. – Milano: Garzanti, 1953. – 194 p.
8. **Lipper E.** Undici anni nelle prigioni e nei campi di concentramento sovietici. – Firenze: La Nuova Italia, 1952. – 296 p.
9. **Herling G.** [Herling-Grudziński] Un mondo a parte. – Bari: Laterza, 1958. – 358 p.
10. **Солженицын А.** Один день Ивана Денисовича // *Новый мир.* – 1962. – № 11. – С. 8–74.
11. **Solgenitsn A.** Una giornata di Ivan Denisovic / trad. it. di Giorgio Kraiski. – Milano: Garzanti, 1963. – 204 p.
12. **Solženicyn A.** Una giornata di Ivan Denisovič / trad. it. di Raffaello Ubaldi. – Torino: Einaudi, 1963. – 174 p.
13. **Vocabolario** della lingua italiana Treccani: 4 vol. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1986–1991. – Vol. 2. – 1190 p.
14. **De Mauro T.** Il grande dizionario italiano dell'uso: 6 vol. – Torino: UTET 1999, (GRADIT). – Vol. 3. – 1169 p.
15. **Palazzi F., Folena G.** Dizionario della lingua italiana. – Torino: Loescher Editore, 1992. – P. 2044.
16. **Solženicyn A.** Arcipelago Gulag: 3 vol. / trad. it. di Maria Olsufieva, ed. a cura di Sergio Rapetti. – Milano: Mondadori, 1974–1978. – Vol I. – P. 607; Vol II. – P. 688; Vol. III. – P. 641.
17. **Солженицын А. И.** Архипелаг ГУЛаг. – Париж: YMCA-PRESS, 1973. – Т. 1. Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag.txt> (дата обращения: 20.11.14)
18. **Supplemento 2004** / diretto da E. Sanguineti // *Grande dizionario della lingua italiana / a cura di S. Battaglia e G. Barberi Squarotti:* 21 vol. – Torino: UTET, 2004. – Vol. 2. – P. 1105 (GDLI)
19. **Grande** dizionario della lingua italiana moderna: 5 vol. – Milano: Garzanti, 1998–2000. – Vol. II. 12. – pp. 1034–2051.
20. **Lo Zingarelli** 2013. Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli. – Bologna: Zanichelli, 2013. – 2720 p.
21. **Devoto G., Oli G. C.** Nuovo vocabolario illustrato della lingua italiana: 2 vol. – Milano: Selezione dal Reader's Digest, 1987. – Vol. I. – 1716 p.
22. **Levi P.** Se questo è un uomo. – Torino: Einaudi, 1958. – 206 p. // *Леви П. Человек ли это? – М.: Текст, 2001. – 202 с.*
23. **Gerardini G.** La vita si ferma. Prigionieri italiani nei “lager” russi. – Milano: Baldini & Castoldi, 1948. – 352 p.
24. **Solženicyn A.** L'uomo nuovo. Tre racconti. – Milano: Jaca Book, 2013. – 128 p.

Maurizia Calusio, PhD, Senior Researcher, Università Cattolica del
Sacro Cuore, Milano, Italia.
E-mail: maurizia.calusio@unicatt.it

RUSSIAN CAMPS AND ITALIAN DICTIONARIES

Maurizia Calusio (Milano, Italia)

Abstract

*The lexicon of Russian concentration camp literature translated into Italian hasn't been studied yet, nor have its entries in Italian dictionaries been considered. The article analyses the entries of the words **gulag** and **lager** in the major Italian dictionaries. It is pointed out that their definitions in such dictionaries do not correspond to the meaning that **gulag** and **lager** have been taking on either in Russian concentration camp literature and memoirs or in scientific writings on this topic. It is observed, on the one hand, that in Italian lexicography the word **gulag** has taken on the meaning of "one soviet forced labor camp", which is unusual in Russian and in concentration camp literature translated into Italian. On the other hand, it can be noticed that **lager** exclusively refers to the German concentration camp system. This can be explained as a consequence of the ideological-political conditionings which were typical to postwar Italian history.*

Keywords

Gulag, lager, Russian concentration camp literature, translation, italian-language dictionaries

REFERENCES

1. Kamiński A. *Concentration Camps from 1896 to the Present Day. History, Function, Typology.* München; Zurich, Piper Publ., 1990. 290 p. (in German).
2. Rossi J. *The Gulag Handbook: an Encyclopedia Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms related to the Forced Labor Camps.* London, Overseas Publications Interchange Ltd. Publ., 1987, 546 p. (in Russian).
3. Guercetti E. Translating the GULAG. *The visibile Translator. Translating or the infinite Game of Possibility.* Teresina Zemella ed. Parma, MUP Publ., 2009, pp. 37–51 (In Italian).
4. Mazzucchelli S. Soviet Camps in Italian Periodical Press in 1920–1940 // *Proceedings of the International Conference "Russian Emigration in Italy: Periodical Press, Publishing Houses and Archives (1900–1940)":* Università di Pisa, 18–19 settembre 2013. Salerno, Europa Orientalis Publ., 2015, pp. 307–321 (In Russian).
5. Kaplan H. The Bibliography of the Gulag today. *Reflections on the Gulag. With a Documentary Appendix on the Italian Victims of Repression in the USSR.* E. Dundovich, F. Gori, E. Guercetti ed. Milano, Feltrinelli Publ., 2003, pp. 225–246 (In Italian).
6. Dallin D., Nicolaevski B. *Forced Labor in Soviet Russia.* New Haven, Yale University Press Publ., 1947, 331 p.
7. Herling A. K. *The Soviet Slave Empire.* New York, Wilfred Furik Inc. Publ., 1951, 230 p.
8. Lipper E. *Eleven Years in Soviet Prison Camps.* Firenze, La Nuova Italia Publ, 1952, 296 p. (In Italian).
9. Herling G. [Herling-Grudziński] *A World apart.* London, Heinemann Publ., 1951, 262 p.

10. Solzhenicyn A. A Day in the Life of Ivan Denisovich. *Novyj mir*, 1962, no. 11, pp. 8–74 (In Russian).
11. Solgenitsn A. *A Day in the Life of Ivan Denisovich*. Transl. by Giorgio Kraiski. Milano, Garzanti Publ., 1963, 204 p. (In Italian).
12. Solženicyn A. *A Day in the Life of Ivan Denisovich*. Transl. by Raffaello Ubaldi. Torino, Einaudi Publ., 1963, 174 p. (In Italian).
13. *Dictionary of Italian Language Treccani: 4 vol.* Roma, Istituto della Enciclopedia italiana Publ., 1986–1991 (In Italian).
14. De Mauro T. *Great Dictionary of Italian Usage: 6 vol.* Torino, UTET Publ., 1999 (GRADIT), vol. 3, 1169 p. (In Italian).
15. Palazzi F., Folena G. *Dictionary of Italian Language*. Torino, Loescher Editore Publ., 1992, 2044 p. (In Italian).
16. Solženicyn A. *The Gulag Archipelago: 3 vol.* Transl. by Maria Olsùfieva, ed. Sergio Rapetti. Milano, Mondadori Publ., 1974–1978, vol I, p. 607, vol II, p. 688, vol. III, p. 641 (In Italian).
17. Solzhenicyn A. *The Gulag Archipelago*. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1973, vol. 1. Available at: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag.txt> (accessed 20.11.14) (In Russian).
18. Supplement 2004. Ed. E. Sanguineti. *Great Dictionary of Italian Language*. Ed. S. Battaglia, G. Barberi Squarotti: 21 vol. Torino, UTET Publ., 2004, vol. 2, p. 1105 (GDLI) (In Italian)
19. *Great Dictionary of Italian Modern Language: 5 vol.* Milano, Garzanti Publ., 1998–2000 (In Italian).
20. *Lo Zingarelli 2013. Dictionary of Italian Language by Nicola Zingarelli*. Bologna, Zanichelli Publ., 2013, vol. II. I2, pp. 1034–2051. (In Italian).
21. Devoto G., Oli G. C. *New Illustrated Dictionary of Italian Language: 2 vol.* Milano, Selezione dal Reader's Digest Publ., 1987, vol. I, 1716 p. (In Italian).
22. Levi P. *If This Is a Man*. Torino, Einaudi Publ., 1958, 206 p. (In Italian).
23. Gerardini G. *Life stops. Italian Prisoners in Russian "camps"*. Milano, Baldini & Castoldi Publ., 1948, 352 p. (In Italian).
24. Solženicyn A. *The new Man: three Stories*. Milano, Jaca Book Publ., 2013, 128 p. (In Italian).

© А. М. Плотникова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.05)

УДК 811.161.1 + 374

ВОКАТИВНОСТЬ КАК СЛОВАРНАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА*

А. М. Плотникова (Екатеринбург, Россия)

В статье рассматриваются семантические и прагматические характеристики, которые необходимо учитывать при словарной фиксации обращений. Способность слова употребляться в функции обращения рассматривается как коммуникативно-прагматическое свойство, которое должно получать отражение в словарной статье идеографического словаря. Принадлежность слова к определенной идеографической группе является одним из факторов, влияющих на реализацию словом вокативной функции. Использование данных идеографических словарей способствует выявлению тех классов слов, для которых синтаксическая функция обращения является лексикализованной. Обращение к данным корпуса позволяет отследить динамику в употреблении вокативных форм, а также установить некоторые грамматические особенности лексических единиц, используемых в качестве обращений. Включение в иллюстративный материал толкового словаря примеров реализации вокативной функции важно для изучающих русский язык как иностранный и неродной.

Ключевые слова: обращения, идеографический словарь, прагматика.

Прагматически маркированное свойство слов выступать в качестве обращения определяется лексическими значениями, а также принадлежностью слов к определенным семантическим классам. Например, имена лиц по профессиональному статусу, полу и возрасту, термины родства характеризуются тривиальной прагматической функцией – способностью

употребляться в качестве обращения. Существующие отклонения от стандартного набора функциональных возможностей слова И. М. Кобозева называет нетривиальными прагматическими функциями и иллюстрирует их лексемами *доктор* и *врач*, причем вторая из них не используется в функции обращения к человеку данной профессии при выполнении им своих обязанностей [9]. Наличие прагмати-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах»).

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: annamp@yandex.ru

ческих функций требует их лексикографических фиксации в одной из зон: или толкования, или иллюстративного материала и комментариев. Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская отмечают, что «при описании прагматического компонента в толковом словаре целесообразно оставаться в рамках традиционной словарной статьи, распределив лексикографически значимую информацию между дефиницией, пометами, словарным комментарием и иллюстративным материалом» [5, с. 176].

Традиционные толковые словари не всегда фиксируют способность к реализации словом вокативной функции, и предлагаемый в них иллюстративный материал крайне редко включает высказывания, иллюстрирующие эту синтаксическую функцию. Исключения составляют единицы, специализированные на выполнении функции обращения, например: «**Касатик**. *Трад.-нар.* Ласковое обращение к мужчине, юноше, мальчику» [1].

Проблему презентации синтаксической функции обращения традиционные толковые словари решают по-разному: ср. фиксацию обращения как оттенка значения (1) и как самостоятельного значения (2):

(1) **Девушка**. «1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. // *Разг.* Форма обращения к молодой женщине» <...> [1];

(2) **Девушка**. <...> «4. Обращение к молодой женщине (*разг.*)» [10].

При рассмотрении лексикологического и лексикографического статуса обращений А. И. Ольховская задается вопросом: верно ли расценивать функцию слова, которую традиционно принято относить к сфере грамматики, как семантическую отдельность, то есть лексико-семантический вариант [11]. Исследовательница полагает, что нет оснований признавать употребление слова в роли обращения в

качестве самостоятельного значения, и, отмечая коммуникативно-прагматическую сущность феномена обращения, считает правильным производить словарную фиксацию обращений в коммуникативной зоне словарной статьи, например:

Девушка. 1.0. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке; юное лицо, существо женского пола, вышедшее из детского возраста. 1.1. Употр. в качестве обращения к юному лицу женского пола, к молодой женщине.

Функцию обращения незаслуженно рассматривают как периферийную синтаксическую характеристику, в то время как для многих наименований лиц фиксация этой характеристики в словаре может расширить представления о семантическом и коммуникативно-прагматическом диапазоне слова и показать взаимозависимость семантики, синтаксиса и прагматики (см. об этом [13–15]). Кроме того, включение в идеографические словари коммуникативно-прагматической информации важно для изучающих русский язык как иностранный или неродной. Например, сопоставляя слова **профессор** и **учёный**, обнаруживаем, что слово **профессор**, в отличие от лексемы **учёный**, способно употребляться изолированно, выполняя вокативную функцию. Аналогичную пару образуют слова **учитель** и **преподаватель**: в ней только первая форма используется в функции обращения без вспомогательных вокативных слов.

Рассмотрение вокативности как словарного свойства слова предполагает возможность очертить круг единиц, для которых вокативность является тривиальной либо нетривиальной прагматической функцией. Для определения способности существительного употребляться в функции обращения может быть использован экспериментальный прием

– подстановка существительного в конструкцию с обращением. Проверить возможности употребления слова в функции обращения позволяют данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), а также данные различных поисковых систем. Использование идеографических словарей, например, Большого толкового словаря русских существительных [2] и Большого словаря синонимов русской речи [3], способствует выявлению классов слов, для которых синтаксическая функция обращения является лексикализованной.

При определении возможности слова употребляться в функции обращения, безусловно, не стоит учитывать окказиональные употребления (1), а также риторические обращения (2), например: (1) *Милая актрисуля, писать длинное письмо нельзя; был у зубного врача, утомился очень, точно измочалился. Прости, дусяк* (из письма А. Чехова – О. Книппер); (2) *Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости <...>* (А. Чехов). Несовпадение синтаксической и прагматической функций обращений обнаруживается в примерах с экспрессивными единицами, в которых слово с квалифицирующей семантикой в экспрессивном контексте использовано для оскорбления адресата, например: *Демократ поганый, убери свои ручки от всемирного известного разведчика Николая Кузнецова* (сообщение на форуме).

Связывая вокативность с категорией социального статуса, В. И. Карасик выделяет стандартные и нестандартные вокативы. К основному типу вокативов он относит «определенные вокативы, составляющие класс, в который входят титулы, термины родства, лич-

ные местоимения второго лица, имена собственные, эмоционально-экспрессивные обращения» [8, с. 196].

Вероятно, самым изученным классом обращений являются номинации родства в их основной функции и в функции обращения к неродственнику. Интересные наблюдения относительно динамики в употреблении таких обращений, как *брат, браток, тётя, тётка, тётенька, дяденька, мать, мамочка, ма-тушка*, содержатся в статье Д. О. Добровольского [6]. Номинации лиц по возрасту в функции обращений частично получают словарную фиксацию (например, *старик* как дружеское обращение к приятелю, *детка* как обращение к ребенку). В то же время не все особенности этих слов отражает словарь. Так, слово *детка* употребляется не только как обращение к ребенку, но и в обращении мужчины к женщине для демонстрации эмоционального отношения или более высокого социального статуса, например: 1) *Тогда он приложил ладонь к ее пунцовой щеке, погладил колтуны волос и сказал: – Просыпайся, детка. Нам нужно кое-что обсудить* (Д. Рубина); 2) *Боря вернулся и развел руками: руки свободны – взялся за секретаршу. – А с тобой что, детка? Да на тебе лица нет!* (А. Терехов).

Обращения по профессии и роду занятий входят в такие идеографические классы, как военная служба, религия, производство, управление, образование, транспорт, право, сельское хозяйство, сфера обслуживания, средства массовой информации, техника, охота и рыболовство, развлечения, экономика, строительство. Иначе говоря, охвачены, по сути, все зоны, в которых человек обнаруживает социальную активность. В коммуникативно-прагматическом отношении интерес представляют формы обращения к сотрудникам правоохранительных органов, обсужде-

ние которых активизировалось в связи с реформированием милиции. Рекомендуемая форма обращения *господин полицейский*, по данным поисковых систем и Национального корпуса, редко употребляется для обращения к сотруднику полиции, а также вызвала справедливую критику и со стороны сообщества лингвистов. По словам М. В. Евстифеевой, «вариант *товарищ полицейский*, основанный на существовании официально признанного обращения *товарищ* содержит значительное противоречие между советским *товарищ* и западным *полицейский*» [7, с. 77]. В результате, несмотря на принятый в 2011 г. закон о полиции, в языке до сих пор отсутствует форма официального обращения к представителю правоохранительных органов. Кстати сказать, субстантивированные формы (*пожарный, учёный* и др.) не используются в качестве обращений.

В религиозной, военной и частично в правовой области статусные обращения носят конвенциональный характер, фиксируя положение человека в социальной иерархии. Обращения в религиозной сфере стали предметом исследования в работе И. В. Бугаевой [4].

При словарной фиксации обращения важным оказывается грамматическая форма числа и наличие обязательной синтаксической связи. Так, лексема *дебютант* не зафиксирована в функции обращения, в то время как ее форма множественного числа способна к вокативному употреблению, например: *Дебютанты Венского Бала! Просим Вас внимательно ознакомиться с условиями настоящего Кодекса и с требованиями организаторов Венского Бала во избежание последующих недоразумений*. Как видно из приведённого примера, значимым синтаксическим свойством обращения является способность/неспособность слова к абсолютному (изолированному) употреблению.

Существительное *зритель* в форме единственного числа также вряд ли может быть использовано в роли обращения, в отличие от его формы множественного числа в сочетании с определениями, регулярно функционирующей как обращение (*дорогие зрители, уважаемые зрители*). Невелико, по данным Национального корпуса, количество примеров с вокативом *студент*, в то время как формы множественного числа, безусловно, активно употребляются в функции обращения.

Являясь индикатором определенной социальной роли, форма единственного числа некоторых существительных способна реализовать собирательное значение и подчёркивать однородность и недискретность класса, названного именем, например: *Абитуриент, помни, что только хорошие результаты ЕГЭ позволят поступить в вуз!* (газета).

Особую проблему представляют так называемые феминативы, (например, *кондукторша, докторша, инспекторша, фермерша, морячка, радистка* и др.), которые обычно не представлены в отдельных статьях толковых словарей. Эти единицы по лексикографической традиции помещаются в ту же словарную статью, что и соотносительное с ними существительное мужского рода. Существительные женского рода, называющие лица по профессии и роду занятий, зачастую характеризуются сниженной стилистической окраской, что и определяет их ограниченное употребление. Существительные мужского рода, называющие лица по профессии и роду занятий, тяготеют к общему роду, поэтому используются для обращения к лицам женского пола, например: 1) *Не волнуйтесь, доктор, – женщина была лет на десять – двенадцать старше самой Софьи Константиновны и потому смотрела на своего врача отчасти сочувствующе* (Т. Соломатина); 2) *Слушай, адвокат. Шалимов достал пачку денег и положил перед ней*

(В. Доценко). В то же время ввиду социальных причин, по которым тот или иной вид деятельности считается типично женским, ряд обращений характеризуется, по данным Национального корпуса русского языка, высокой частотой употребления. Так, вполне закономерно, что обращение *медсестра* более часто, нежели *медбрат*.

В качестве нестандартных обращений могут выступать слова, входящие в лексико-семантические группы «предметы одежды», например: *Эй ты, шляпа!* Необходимо также принимать во внимание, что существует круг единиц, обладающих мощным вокативным потенциалом (*дорогой, уважаемый, многоуважаемый, милый*) и способных создать «вокативизирующий», по выражению Т. Е. Янко, контекст для лексем, которые не предназначены

для употребления в роли вокатива [12, с. 465]. Для установления способности слова употребляться в функции обращения важными являются выделенные Д. О. Добровольским прагматические факторы: образ адресата (используется при вступлении в коммуникацию или в ходе общения, сочетается с *ты* или *Вы*), образ говорящего (социальное лицо говорящего), интенции говорящего [6].

Итак, при словарной фиксации вокативной способности слова следует учитывать такие семантические факторы, как принадлежность слова к определенной лексико-семантической группе, стилистические различия обращений мужского и женского рода, различия в использовании словоформ единственного и множественного числа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Большой** толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. **Большой** толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
3. **Большой** толковый словарь синонимов русской речи: Идеографическое описание / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: Аст–Пресс Книга, 2008. – 784 с.
4. **Бугаева И. В.** Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ–МСХА им. К. А. Тимирязева, 2008. – 234 с.
5. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Лингвокультурологическое описание наименований городских пространств (на материале разных типов словарей) // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 264–272.
6. **Добровольский Д. О.** Русские разговорные обращения: к динамике узуса [Электронный ресурс]. – URL: <http://lexrus.ru/inout/12-04-12041/4.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).
7. **Евстифеева М. В.** Как обратиться к полицейскому // Русская речь. – 2012. – № 4. – С. 77–84.
8. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
9. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. – М.: УРСС, 2000. – 352 с.
10. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 2-ое изд., испр. и доп. – М., 1994. – 928 с.
11. **Ольховская А. И.** Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 385 с.
12. **Янко Т. Е.** Обращение в структуре дискурса // Логический анализ языка: Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2010. – С. 456–468.

13. **Hills V.** Vocatives: how Syntax meets with Pragmatic. – Leiden: Brill, 2014. – 258 p.
14. **McCarthy M., O'Keeffe A.** 'What's in a name?' – vocatives in casual conversations and radio phone in calls' // *Corpus Analysis: Language Structure and Language Use* / eds. P. Leistyna. and C. Meyer. – Amsterdam: Rodopi, 2003. – Pp. 153–185.
15. **Shiina M.** Positioning and functioning of vocatives: casework in historical pragmatics // *The writer's craft. The culture's technology* / eds. C. R. Caldas-Cooulrhard and M. Toolan. – New York: Rodopi, 2005. – Pp. 17–48.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.05)

Plotnikova Anna Mihailovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation.
E-mail: annamp@yandex.ru

VOCATIVITY AS DICTIONARY AND PRAGMATIC CHARACTERISTIC OF A WORD

Abstract

The article presents semantic and pragmatic characteristics that must be taken into account in vocabulary recording of the vocatives. An ideographic dictionary entry should reflect the word's vocative function as communicative pragmatic properties. The word's ability to be used as a direct address is conditioned by its semantic and pragmatic class. The use of the ideographic dictionaries' data helps to distinguish the word classes that lexicalized their syntactic function of vocativity. The use of corpus data permits to monitor the dynamics of the vocatives' usage. It is also necessary to indicate special grammatical properties of lexical units used as vocatives. It is important to include illustrative examples of vocative use of words into the dictionary entries for learners of Russian as a foreign language.

Keywords

vocative, ideographic dictionary, pragmatic

REFERENCES

1. *Big explanatory dictionary of Russian nouns: Ideographic description. Synonyms. Antonyms.* (Ed.) L. G. Babenko. Moscow, AST-Press Publ., 2005, 1536 p. (In Russian)
2. *The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language.* (Ed.) S. A. Kuznecov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p. (In Russian)
3. *The Great Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Speech. Ideographical Description.* (Ed.) L. G. Babenko. Moscow, Ast-Press Book Publ., 2008, 784 p. (In Russian)
4. Bugaeva I. V. *Language of Orthodox Church members in the end of XX–the beginning of XXI centuries.* Moscow, RSAU – MTA named after K. A. Timiryazev Publ., 2008, 234 p. (In Russian)
5. Bulygina E. Ju., Tripolskaja T. A. Lingvocultural description of the items of urban spaces (on the basis of various types of dictionaries). *Siberian Philological Journal.* 2012, no. 2, pp. 264–272. (In Russian)
6. Dobrovolsky D. O. *Russian colloquial behavior: to the dynamics of usage.* Available at: <http://lexrus.ru/inout/12-04-12041/4.pdf> (accessed 20.12.2014). (In Russian)
7. Evstifeeva M. V. How to address a policeman. *Russian Speech.* 2012, no. 4, pp. 77–84. (In Russian)
8. Karasik V. I. *Language of social status.* Moscow, Gnozis Publ., 2002, 333 p. (In Russian)
9. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics.* Moscow, URSS Publ., 2000, 352 p. (In Russian)
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. U. *Dictionary of Russian Language.* Moscow, Az Publ., 1994, 928 p. (In Russian)
11. Olkhovskaya A. I. *Lexical multitasking in common-linguistic and lexicographic consideration.* Moscow, 2013, 385 p. (In Russian)

12. Yanko T. E. Vocativity in a discourse structure. *Logical analysis of the language: mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. (Ed.) N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2010, pp. 456–468. (In Russian)
13. Hills V. *Vocatives: how Syntax meets with Pragmatic*. Leiden, Brill Publ., 2014, 258 p.
14. McCarthy M., O'Keeffe A. 'What's in a name? – vocatives in casual conversations and radio phone in calls'. *Corpus Analysis: Language Structure and Language Use*. P. Leistyna. and C. Meyer (eds). Amsterdam, Rodopi Publ., 2003, pp. 153–185.
15. Shiina M. Positioning and functioning of vocatives: casework in historical pragmatics. *The writer's craft. The culture's technology*. (Eds.) C. R. Caldas-Coulrhard and M. Toolan. New York, Rodopi Publ., 2005, pp. 17–48.

© В. Мусси

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.06)

УДК 811.131.1

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИХ И ИТАЛЬЯНСКО-РУССКИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ (на материале энтомологической лексики)

В. Мусси (Милан, Италия)

Данная статья описывает характер и способы репрезентации вторичной номинации в русских и итальянских двуязычных лексикографических источниках. Языковой материал отражает национальную специфику видения мира. При изучении иностранной лексики зачастую ограничиваются поиском слов, эквивалентных в двух языках, однако такой подход содержит очень существенный изъян, создающий лишь иллюзию понимания того, что скрыто за словами. В данной статье на материале энтомологической лексики русского и итальянского языков рассматривается, как и в какой степени лексикографы фиксируют переносные значения слова в двуязычных словарях, а также какими способами передают эти значения средствами другого языка. В работе анализируются трудности, которые могут возникнуть при переводе национально-специфических метафорических и эмоционально-оценочных слов с использованием двуязычного словаря. Описание является двухступенчатым: сначала рассматриваются структурные элементы словарной статьи, а далее – способы представления метафорической семантики в переводе. Анализируя лексемы тематической группы энтомонимов, мы выявили общие тенденции, относящиеся к способам семантизации их метафорических значений, и выделили варианты передачи метафоры в другом языке.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, энтомологическая метафора, практика перевода, русский язык, итальянский язык.

Цель данной статьи – описать характер и способы репрезентации вторичной номинации в русских и итальянских двуязычных лексикографических источниках.

Решение поставленной задачи на материале двух языков актуально для сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии. Как писал В. фон Гумбольдт, «<...>

нельзя в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а, с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять <...>» [1, с. 319].

Мусси Вероника – доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет. Факультет иностранных языков и литературы, Миланский католический университет, Милан, Италия
E-mail: veromussi@gmail.com

Тематическая группа насекомых является активным источником метафор, малоизученным в обоих языках [2–6]. В научной литературе было опубликовано большое количество работ по семантике, прагматике и лексикографической интерпретации зооморфных метафор, в состав которых фрагментарно включались наименования насекомых. Однако специальное исследование метафорообразующего потенциала этой тематической группы и, в частности, сопоставительный анализ с итальянским языком еще не предпринимались.

Материалом для исследования послужили ведущие двуязычные словари русского и итальянского языков: «Новый большой итальянско-русский словарь» Г. Ф. Зорько, «Русско-итальянский словарь» Б. Н. Майзеля, Н. А. Скворцовой, «Большой словарь русско-итальянского/итальянско-русского языков» Ю. А. Добровольской и «Русско-итальянский/итальянско-русский словарь» В. И. Ковалева [7–10].

Мы не задаемся целью произвести оценку названных словарей или сопоставить их, но стремимся обрисовать общую картину и понять, какие способы представления метафорического значения в двуязычных словарях являются наиболее эффективными для использования в практике перевода или для изучения русского или итальянского языков как иностранных.

Анализ материалов толковых словарей русского и итальянского языков позволяет отметить, что при лексикографировании метафорической семантики используются все структурные элементы словарной статьи: пометы (*перен.*, *fig.*), семантизация, иллюстративный материал. Например, в русском словаре лексема *червь* интерпретируется «*перен.*, *чего*. В сочетании со словами, обозначающими какое-л. чувство, состояние и т. п., выражает постоянство и мучительность этого

чувства, состояния. *Гнетет нас тягота бесцельности существования и точит червь тоски* (Гл. Успенский, Из путевых заметок)» [12, т. 4, с. 662]; а в итальянском словаре слово *pidocchio* (*вошь*) – «*fig.* Очень скупой, малодушный человек, жмот: *quello e' un pidocchio, non tira fuori nemmeno una lira!* (*тот человек настоящая (вошь) жмот! Не даст даже копейки!*)» [13].

Толковые словари русского и итальянского языков при фиксации метафоры чаще всего прибегают к описательному способу (термин Д. И. Арбатского [14]). Например, *муравей* – «*перен.* очень трудолюбивый человек»; *саранча* – «*перен.* о том, кто надоедает, вызывает неудовольствие, раздражение», в то время как *vespa* (*оса*) – «*fig.* о раздражительном человеке»; *zanzara* (*комар*) – «*fig.* о назойливом, настойчивом человеке».

Синонимический способ толкования также частотен: *жук* – «плут, проныра»; *calabrone* (*шершень*) – «ухажер»; *cicala* (*цикада*) – «болтун».

Оптимальным, по нашему мнению, является совмещение обоих способов толкования, что характеризует итальянские лексикографические источники, в которых уровень детализации очень высок [15].

Однако метафорические значения энтонимов непоследовательно отражаются в толковых словарях обоих языков.

Метафора, как известно, играет основополагающую роль в изучении языковой картины мира. Если раньше метафора традиционно рассматривалась как стилистический троп или механизм развития полисемии в языковой системе, то в современной науке она исследуется в первую очередь как когнитивный инструмент, способный отражать образное освоение действительности и выявлять национальную специфику метафорической картины мира.

Метафора, относясь к выразительным средствам языка, наделяет экспрессивностью любой тип текста. Коннотативная сфера языка – это та часть языковой картины мира, которая содержит информацию об ассоциациях определенной культурной традиции, порождаемых в коллективном языковом сознании различными феноменами. Итак, переводчику приходится работать на уровне как понимания значения слова, так и способов представления метафорического значения слова, поскольку эти способы связаны с видением мира, которое иногда отличается в разных языках.

Рассмотрим случаи репрезентации метафорического значения в двуязычных лексикографических источниках.

Первый способ фиксации метафорического значения – дать соответствующий перевод и в скобках отметить, что данная лексема употребляется как в прямом, так и в ее переносном значении. Например:

пиявка – «*sanguisuga (anche fig. – также перен.)*» [9, с. 554];

паразит – «*прям. перен. parassita; средства против паразитов antiparassitari*» [9, с. 504];

libellula – «*(anche fig. – также перен.) стрекоза*» [9, с. 1702];

cavalletta – «*f. энт. саранча (также перен.)*» [7].

В данном случае прямая и вторичная номинации даются как один лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ). Это самый простой случай, когда в двух языках существует полная эквивалентность слов.

Однако в анализируемых словарях вторичная номинация, чаще всего, представлена в виде отдельного ЛСВ. В данном случае слова снабжены стилистическими и терминологическими пометами: прямое значение лексемы дается с пометой *зоол.* или *биол.*, в то время как метафорическое значение представлено с

помощью помет *перен.*, *разг.*, *шутл.*, *прост.* Например:

трутень – «1. *зоол. pecchione, fuco*; 2. *перен. parassita, leccapiatti, mangiaminestra, mangiaufo*» [9, с. 858];

parassita – «1) *биол. паразит* 2) *перен. паразит, тунейдец [тунейдка], дармоед [дармоедка]*» [10];

zanzara – «1. (*zool. – зоол.*) комар; 2. (*fig. – перен.*) назойливый (надоедливый) тип» [9, с. 2403].

Иной способ фиксирования метафорического значения – а) сопровождение перевода пояснением, которое дается курсивом в скобках; или б) раскрытие метафоры через синонимическое переносное значение, которое также дается в скобках, в языке-источнике, до перевода слова. Приведем примеры:

а) *mignatta* – «1. (*zool. – зоол.*) пиявка f.; 2. (*persona invadente – назойливый человек*) приставала m., f. (*coll. – разг.*), (*fam. – прост.*) надоедала m., f.» [10];

б) *бабочка*: 1. «*farfalla*; 2. (*галстук*) (*cravatta*) *farfalla*» [9, с. 28], *calabrone* – 1. шмель m.; 2. (*spasimante – поклонник*) настойчивый ухажер m.; 3. (*scocciatore – зануда*) приставала m. (*fam. – прост.*), надоедала m. (*fam. – прост.*)» [10].

Кроме того, указание на непрямое значение может обозначаться как перенос наименования на другой вторичной объект, с уточнением в скобках (*о человеке, о девочке, о животном и т. п.*). Например:

стрекоза – «1. (*насекомое*) (*zool. – зоол.*) *libellula* ж., 2. (*о девочке*) *ragazzina* ж. *vispa* – живая девочка» [10];

тля – «1. (*паразит*) (*zool. – зоол.*) *àfide* ж., *pidòcchio* m. *delle piante*, 2. (*о человеке*) *nullità* ж., *идмо* m. *da pòco* – ничтожество» [10];

saltamartino – «1. (*insetto* – насекомое) кузнечик м., сверчок м.; 2. непоседа м., ф., егоза м., ф. (*о ребенке*)» [10].

Более частотны примеры, когда вторичная номинация представлена путем совмещения этих структурных элементов – помет и пояснения. Например:

тля – «1. (*parazit*) *afide*, *afidio*, *pidocchio delle piante* (*разг.*); 2. *прост.* (*ничтожный человек*) *uomo da poco*, *nullità*» [9, с. 841];

паразит – «1. (*biol.* – биол.) *parassita* м. ■ средства от паразитов – *antiparassitari* м. мн.; 2. (*туineaдец*) *parassita* м. (*rif. a persona* – о человеке); 3. (*бран.*) *carogna* ж. (*come insulto* – как оскорбление)» [10];

pidocchio – «1. (*zool.* – зоол.) вошь; *pieno di pidocchi* – вшивый (*agg.* – прил.); *i bambini aveva i pidocchi* – дети завшивели; 2. (*bot.* – бот.) тля; 3. (*fig. taccagno* – перен. скупой человек) скряга, жмот, сквалыга, скупердяй ♦ *pidocchio rifatto* – разбогатевший выскочка» [9, с. 1938].

Реже встречаются случаи, когда совмещаются все структурные элементы, в том числе вводится иллюстративный материал. Например:

moscerino – «1. (*zool.* – зоол.) мушка; 2. (*fig.* – перен.) (*nanerottolo* – карлик) заморыш, шкет, шкетик; (*nullità* – ничтожество) козьявка, ничтожество; *non avrai paura di quel m.?* – надеюсь, ты не боишься этого заморыша!; *taci, m.!* – заткнись, козьявка!; *si sentiva un m. al suo confronto* – рядом с ним он чувствовал себя пигмеем» [9, с. 1814];

grillo – «1. (*zool.* – зоол.) сверчок; è il g. che canta это стрекочет сверчок; 2. (*fig.* – перен. *capriccio* – каприз) каприз, причуда, прихоть, дурь, (*colloq.* – разг.) заскок; *выкрутасы* – *gli è saltato il g. di andare in Yemen* – ему взбрело в голову прокатиться в Йемен; *ha troppi grilli per la testa* – он чудака (он человек

со странностями *colloq.* он с заскоком); *la signorina aveva strani grilli per la testa* – барышня была взбалмошная» [9, с. 1561].

Отметим, что тенденция сопровождать перевод пояснением характерна для словаря В. Ковалева, в то время как представление вторичной номинации с помощью помет или иллюстративного материала – это особенность словаря Ю. Добровольской, в котором примерам придается большое значение.

Проанализировав структурные элементы словарной статьи, далее сосредоточимся на переводных эквивалентах и рассмотрим, какой выбор авторы словарей сделали для перевода той или иной вторичной номинации.

Анализ нашего материала выявил пять вариантов передачи метафоры в другом языке.

1. Первый вариант представляет собой полное или частичное соответствие метафорического значения в обоих языках, когда то же самое метафорическое значение может выражаться и при помощи другого энтомонима, например: *гнида* – «1. *lendine*; 2. (*colloq.* – разг.) *verme* (червь), *pidocchio* (вошь)» [9, с. 122]; *клоп* – «1. *cimice*; 2. (*scherz.* – шутл.) *piccino* (малыш), *pulce* (блоха)» [9, с. 300].

2. Второй вариант заключается в выражении одного и того же образа словами разных тематических групп. Например, для перевода метафорического значения русского энтомонима *наук* («эксплуататор») предлагается итальянская вторичная номинация *vampiro* («вампир»). Ср.: *наук* – «1. *ragno*; 2. (*fig.* – перен.) *vampiro*» [9, с. 535].

Итальянская метафора *cicala* («болтун»), образующаяся на основе назойливого стреко- тания насекомого, в переводе на русский язык представлена в словаре Ю. Добровольской двумя другими метафорами. В их основе также лежит звуковая ассоциация (трещотка и

балаболка). Ср.: *cicala* – «1. (*zool.* – *зоол.*) цикада; 2. (*fig.* – *перен.*) болтуня, трещотка, балаболка» [9, с. 1237].

Лексеме *pulce* (блоха), которая имеет переносное значение «мальш», соответствует русский вариант *кроха* – метафора, также образованная на основе визуального признака «маленький размер». Ср.: *pulce* – «1. (*zool.* – *зоол.*) блоха; *di* (*della*) *p.* блошиный (*agg.* – *прил.*) 2. (*fig. piccoletto* – *перен. малыш*) кроха (*m. e f.*), малышка (*m. e f.*)» [9, с. 2003].

3. Третий вариант предлагается в языке перевода, когда предложенное слово, не будучи метафорой, сохраняет стилистическую окраску метафоры языка-источника. Например, переносное значение русского энтонома *клоп* (перен. шутил.) передается в итальянском языке прямой номинацией *marmocchio* (мальш), также имеющей оттенок шутовности. Ср.: *клоп* – «1. *simice*; травяной к. *pentatoma*; 2. *перен. шутил. marmocchio*» [9, с. 290].

Аналогично русской метафоре *трутень* («беспечный человек, живущий за чужой счет; тот, кто потребляет, но не производит») соответствует разговорный просторечный итальянский вариант *scroccone* («дармоед»).

4. В этом варианте представления метафоры в словарной статье заключается в том, что в ней описательно толкуется, объясняется смысл, выраженный метафорой. Например:

головастик – «1. (*личинка*) (*zool.* – *зоол.*) *girino*; 2. (*coll.* – *разг., scherz.* – *шутл.*) *persóna* ж. *con la tèsta ròssa* (человек, с большой головой), *сарóне* м.; 3. (*животное*) (*coll.* – *разг., scherz.* – *шутл.*) *animale* м. *con la tèsta gròssa* (животное с большой головой)» [10];

zanzara – «1. (*zool.* – *зоол.*) комар; *di z.* комариный (*agg.* – *прил.*); *il ronzió della z.* – комариный писк; *è stato punto da una z.* его – укусил комар; *crema anti-zanzare* – средство

от комаров; 2. (*fig.* – *перен.*) назойливый (надоедливый) тип» [9, с. 2403].

5. В последнем варианте в словарную статью добавляется экстралингвистический, часто культурологический комментарий, касающийся той или иной реалии, к которой отсылает иностранный язык. Например:

lucchiola – «1. (*zool.* – *зоол.*) светлячок м.; 2. (*maschera* – *маска*) служительница ф. (*в зрительном зале, провожающая зрителей к их местам после того, как погас свет*)» [10];

maggiolino – «(*zool., зоол.*) майский жук м.; (*mobile* – *мебель*) мебель ф. в стиле Маджоллини (*с тончайшей инкрустацией*)» [10];

maggiolino – «майский жук ♦ *il maggiolino* (*auto* – *машина*) малолитражка «маджолино» («жучок») немецкой фирмы Фольксваген» [9, с. 1730].

Итак, по результатам нашего анализа, основная тенденция лексикографической интерпретации в словаре Ю. Добровольской является скорее прагматической, чем аналитической, в то время как словарь В. Ковалева представляется более аналитическим. Сравним в словарях В. Ковалева и Ю. Добровольской, например, толкование энтонома *cavalletta*:

«1. (*insetto* – *насекомое*) саранча ф.; 2. (*persona avidainsetto* – *жаждущий человек*) жадный человек м.; 3. (*persona invadenteinsetto* – *вторгающийся человек*) нахал м.» [10];

«(*zool. e fig. insetto* – *зоол. и перен.*) саранча ♦ *sono peggio delle cavallette!* От них нет спасенья! (они прожорливы, как саранча)» [9, с. 710].

Синтетичность соответствует основной цели словаря Ю. Добровольской – предоставить пользователям эффективный инструмент для перевода. Ю. Добровольская в предисловии к словарю акцентирует внимание на своем богатом опыте переводчика и преподавателя русского языка для итальянцев: «Как профес-

сиональному переводчику, мне хотелось протянуть руку помощи, прежде всего коллегам. Отсюда – стремление охватить все стилистические слои, не ограничиваться нейтральным литературным языком, общеупотребительной разговорной лексикой, дать побольше фразеологии, побольше реалий (якобы непереводаемых слов и выражений), не пренебрегать неологизмами, жаргонными словами и даже сквернословием, заполнившим современный язык» [9, с. VI].

И действительно, в ее словаре наблюдается постоянная склонность к поиску эффективных эквивалентов, которые отражали бы актуальное употребление тех или иных лексем в современном русском или итальянском языках, различных переносных значений (ироничных, шуточных и т. д.), стилевых соответствий и т. д. [16–17].

Однако, если по отношению к процессу лексикографирования слов в двуязычном словаре стремление к синтетичности, лаконичности является безусловным достоинством, то, по нашему мнению, при репрезентации метафорического значения это не всегда оказывается полезным.

Рассмотрим ряд примеров.

1. Русский энтоним *божья коровка* имеет переносное значение – «о безобидном, тихом человеке, не умеющем постоять за себя» [11, т. 1, с. 103].

Исходя из этого толкования слова и анализа контекстов (например: *В ее произведении Чернышевский – безвольный робкий человек, который, что называется, и мухи не обидит, такая божья коровка.* (Н. Катерли. Сквозь сумрак бытия // Звезда. 2002); *Ты, Мишка, хитрый, да и ведь и она не божья коровка.* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // Октябрь. 2002)), мы смогли вы-

явить основные семы, составляющие переносное значение энтонима: ‘безобидный’, ‘тихий’, ‘беспомощный’, ‘безвольный’, ‘робкий’, ‘простодушный’ человек.

В словаре Ю. Добровольской лексема *божья коровка* переводится как «(a) *coccinella* (b) *uno sprovveduto*» [9, с. 47].

Далее рассмотрим толкование итальянской лексемы *sprovveduto* и контексты с ней: «**1a** прил., сущ., ед. ч., м. р. тот, кто не имеет опыта, подготовки или необходимых качеств, для того чтобы преодолеть определенные ситуации или проблемы (*un pubblico sprovveduto, che non apprezza il teatro d'avanguardia* (неподготовленная публика, которая не ценит авангардистский театр); *uno s. che non è in grado di mandare avanti il lavoro* (неподготовленный / неопытный человек, который не может продолжить работу)); **1b** прил., ед. ч., м. р. наивный человек, которому не хватает хитрости (*un bravo ragazzo, ma troppo sprovveduto – молодец, но слишком наивный*)» [13].

Исходя из толкования и опираясь на контексты, можно также выявить основные семы, присущие лексико-семантическому варианту слова *sprovveduto*: ‘неопытный’, ‘неподготовленный’, ‘неумелый’, ‘наивный’, ‘простак/простофиля’.

Оказывается, что вариант, предложенный Ю. Добровольской, во-первых, частично пересекается только с частью лексического значения русской метафоры и, во-вторых, имеет и другую семантику, не относящуюся к русскому энтониму.

2. Русский энтоним *стрекоза* имеет лексико-семантические варианты: «*ж* 1. хищное насекомое с длинным тонким телом и двумя парами прозрачных крыльев, производящих при полете характерный шум; 2. разг. о живой, подвижной девочке, девушке» [12, т. 4, с. 285].

В словаре Ю. Добровольской предлагаются следующие переводы: «1. стрекоза; цикада; 2. (*colloq.*) живая Тереза» [9, с. 790].

Первый вопрос, который возникает при анализе словарной статьи, связан с переводом прямого значения этой лексемы. Слово *стрекоза* может быть переведено как *libellula* и как *cicala* («цикада»). Видимо, автор, стремясь передать при переводе как можно более адекватный и используемый вариант, смешивает семантический план с культурным. Двусмысленность, возможно, вызвана тем фактом, что басня Эзопа трансформировалась у более поздних авторов. В европейской традиции муравью противопоставляется образ *цикады*, а в русской – образ *стрекозы*. На наш взгляд, только в этом случае русской лексеме *стрекоза* может соответствовать в итальянском переводе слово *cicala* («цикада»). Следовательно, остается неясной мотивация перевода, предложенного Ю. Добровольской: он может только «запутать» пользователя.

Кроме того, в качестве перевода метафоры *стрекоза* Ю. Добровольская предлагает вариант *живая Тереза*. В итальянском языке он употребляется для шутливой характеристики девочки или молодой женщины наивной внешности, шаловливой, немного рассеянной, но приятной.

И в этом случае вариант, предложенный Ю. Добровольской, по нашему мнению, является неполным. Прежде всего, в русском языке лексическое значение выражает ядерную сему ‘подвижность’, в отличие от лексико-семантического варианта *живая Тереза*, где ядерными являются семы ‘шаловливая’ и ‘живая’. Кроме того, в русском языке представление о физической легкости ассоциируется с легкомысленным характером и/или поведением. Например: *Маня... Легкомысленная ты стрекоза... Теперь возьми себя в руки и будь холодна со*

Штейнбахом! (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья). Это представление в итальянском языке было бы лучше выразить при помощи более подходящей метафоры от энтомонима *farfallina* («маленькая бабочка»).

Итак, выбранный В. Ковалевым принцип аналитичности, при котором в словарной статье, кроме перевода, в скобках представлено объяснение производного значения, оказывается более эффективным для переводчика, предоставляя ему информацию об оттенках переносного значения и давая возможность сделать адекватный выбор.

В отличие от словаря В. Ковалева, словарь Ю. Добровольской, является более удобным и продуктивным с точки зрения подачи иллюстративного материала, поскольку предлагает пользователю информацию не только о лексическом значении слова, но и о его синтаксическом и стилистическом употреблении. Однако при обращении к данному словарю создается впечатление, что его составитель уже совершил выбор за пользователя, вместо того чтобы предоставить ему все необходимые элементы для самостоятельного выбора.

Подведем итоги.

Состояние двуязычных словарей отражает и состояние одноязычных словарей: они в плане фиксации метафорических значений оказываются недостаточными и непоследовательными. Анализ энтомонимов, обладающих переносными значениями, показал, что в исследованных словарях: а) отсутствует единый критерий определения помет, указывающих на переносное значение или оттенок значения; б) семантическая структура слова представлена различными способами: одни и те же лексико-семантические варианты энтомонимов могут быть квалифицированы как переносные значения, оттенки значения или не указываться вообще.

По этой причине в практике перевода словарных источников недостаточно и полезно

обращаться к корпусам, которые позволяют исследователю выявить наиболее полно и последовательно метафорическую семантику слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Изд-во ОАО ИГ "Прогресс", 2000. – 400 с.
2. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX веков. – Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2009. С. 261–270.
3. Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю. Механизмы метафоризации энтомонимов в русском и итальянском языках // Рассуждения о языке и тексте: Ars philologica: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. – С. 34–50.
4. Мусси В. Наименования насекомых в процессах семантической деривации (на материале русского и итальянского языков) // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 144–151.
5. Мусси В. Глагольная метафора в русском и итальянском языках (на материале русских и итальянских глаголов с «энтомологическим» значением) // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 167–176.
6. Мусси В. Семантическая и словообразовательная деривация энтомологической лексики (на материале русского и итальянского языков) // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 378. – С. 38–44.
7. Зорько Г. Ф. Новый большой итальянско-русский словарь [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык-Медиа, 2004. – Режим доступа: http://lingvo.mail.ru/?lang_id=1040 (дата обращения: 15.09.2014).
8. Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Русско-итальянский словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1032 с.
9. Dobrovolskaja Ju. Grande dizionario russo-italiano/italiano-russo. – Milano: Hoepli, 2001. – 2423 с.
10. Kovalev V. Dizionario russo-italiano/italiano-russo [Электронный ресурс]. – Bologna: Zanichelli ed., 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
11. Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 696 с.
12. Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. Т. 4. – 800 с.
13. De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso in 6 vol. [Электронный ресурс]. – Torino: UTET, 1999–2000. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
14. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слов // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – С. 26–31.
15. Гарбуйо И. Фитометафоры в русском и итальянском языках: лексикографический и лингвокультурологический аспекты // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2014 – № 7. – С. 96–100.
16. Ремонато И. Русско-итальянский/итальянско-русский двуязычный словарь в современной лексикографии: сравнительный анализ последних изданий // Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern: Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18–22.5.2005 (Международн. науч. конф. «Русский язык в двуязычных словарях») / Renate Belentschikow (Hrsg.). – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien, Lang, 2006. – Pp. 181–202.
17. Ghrebezza E., Ziffer G. Russo e italiano a confronto. Leggendo il nuovo Kovalev // Russica romana. – Pisa, Roma: Fabrizio Serra Editore, 2010. – № XVI. – Pp. 95–111.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.06)

Mussi Veronica, Associate Professor of the Theory of Language and Intercultural Communication Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. Catholic University of the Sacred Heart, Milan, Italy.
E-mail: veromussi@gmail.com

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF FIGURATIVE SENSE IN RUSSIAN TO ITALIAN AND ITALIAN TO RUSSIAN DICTIONARIES (as exemplified in entomological lexis)

Abstract

Language material reflects national specificity of worldview. Studying foreign vocabulary often comes to looking for words with equivalent meaning. However such an approach is significantly insufficient, as it does not allow to comprehend the precise meaning of the words, making an illusion of understanding. Using Russian and Italian entomological vocabulary, this article analyses the marking of figurative sense in bilingual dictionaries and the ways to convey it by means of another language. The article also examines the difficulties that can occur, if a bilingual dictionary is used while translating metaphorical and emotive words with national specificity. The examination is two-stage, initially describing the structure elements of a dictionary entry and then the ways of translating metaphorical semantics. Analyzing entomological lexemes, we have revealed some general tendencies of semantization of their figurative meanings and the methods of rendering metaphors into another language.

Keywords

Language picture of the world, bilingual lexicography, entomological metaphor, translation practice, Russian language, Italian language.

REFERENCES

1. Humboldt V. *Selected works of linguistics*. Moscow, 2000, 400 p. (In Russian)
2. Buligina E. Ju., Tripol'skaja T. A. National-cultural component in the semantics of insects names in Russian and Italian languages. *Image of Italy in the Russian literature in the XVIII–XX centuries*. Tomsk, 2009, pp. 261–270. (In Russian)
3. Tripol'skaja T.A., Buligina E. Ju. Mechanisms of metaphORIZATION of entomonims in Russian and Italian languages. *Debate on language and text: Ars philologica: collection of scientific works*. Novosibirsk, 2008, pp. 34–50. (In Russian)
4. Mussi V. Insects names in the processes of semantic derivation (based on Russian and Italian languages). *Siberian Philological Journal*. 2011, no. 3, pp. 144–151. (In Russian)
5. Mussi V. Verbal metaphor in Russian and Italian language (based on Russian and Italian verbs with “entomological” meaning). *Siberian Philological Journal*. 2012, no. 3, pp. 167–176. (In Russian)
6. Mussi V. Semantic and word-formative derivation of entomological lexicon (based on Russian and Italian languages). *Tomsk State University Journal*. 2014, no. 378, pp. 38–44. (In Russian)
7. Zor'ko G. F. *New big Italian-Russian dictionary*. Moscow, Russkiy yazyk-Media Publ., 2004. Available at: http://lingvo.mail.ru/?lang_id=1040 (accessed 15.09.2014) (In Russian and Italian)

8. Majzel' B. N., Skvorcova N. A. *Russian-Italian dictionary*. Moscow, Soveckaya e'nciklopediya Publ., 1972, 1032 p. (In Russian and Italian)
9. Dobrovolskaja Ju. *Big Russian-Italian/Italian-Russian dictionary*. Milano, Hoepli Publ., 2001, 2423 p. (In Russian and Italian)
10. Kovalev V. *Russian-Italian/Italian-Russian dictionary*. Bologna, Zanichelli ed. Publ., 2014. (CD-ROM). (In Russian and Italian)
11. *Defining Russian language dictionary*. In 4 vol. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 1, 696 p. (In Russian)
12. *Defining Russian language dictionary*. In 4 vol. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 2, 800 p. (In Russian)
13. De Mauro T. *Big Italian dictionary of use in 6 vol*. Torino, UTET Publ., 1999–2000 (CD-ROM). (In Italian)
14. Arbatskij D. I. Basic methods of defining the meaning of words. *Russian language in the school*. 1970, no. 3, pp. 26–31. (In Russian)
15. Garbujo I. Phytometaphors in Russian and Italian languages: lexicographical and linguo-cultural aspects. *Čeljabinsk State University Journal*. 2014, no. 7, pp. 96–100. (In Russian)
16. Remonato I. Russian to Italian and Italian to Russian bilingual dictionaries in modern lexicography: comparative analysis of latest publications. *Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern: Internationale Fachtagung*. Magdeburg, 18–22.5.2005.: International scientific conference “Russian language in bilingual dictionaries”. Ed. Renate Belentschikow. Frankfurt on the Main, Berlin, Brussels, New York, Vienna, Lang, 2006, pp. 181–202. (In Russian)
17. Gherebezza E., Ziffer G. Comparing Russian and Italian languages. Reading the new Kovalev. *Russica romana*. Pisa, Roma, Fabrizio Serra Editore Publ., 2010, no. XVI, pp. 95–111. (In Italian)

© Н. П. Перфильева

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.07)

УДК 81'374+811.161

ЛАКУНЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ СЛОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПУНКТУАЦИЯ»

Н. П. Перфильева (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются динамические процессы в современной русской лексике под влиянием феномена письменной речи, а точнее пунктуации. Цель статьи – проанализировать состояние современного лексикографического описания слов тематической группы «Наименования знаков препинания» и соотнести полученный результат с живыми, активными процессами в современной языковой ситуации.

Автор рассматривает регулярное употребление слов этой группы (точка, многоточие, скобка, запятая и др.) в качестве метафоры (чаще когнитивной), а также приводит примеры употребления текстовых. Особенность современной языковой ситуации, по версии автора, состоит в том, что подобные метафоры употребляют не только творческие языковые личности, работающие с текстом, но представители обыденного метаязыкового сознания. Часть статьи посвящена анализу лексикографической интерпретации данной лексики в толковых и синонимических словарях. В ходе разноаспектного анализа автор приходит к следующим выводам: 1) тематическая группа «Наименования знаков препинания» является динамичной и открытой; 2) в современной речи активно идет процесс метафоризации, базирующейся на влиянии вторичной коммуникативной системы (пунктуации) как феномена письменной речи на вербальную коммуникацию, в том числе и в устной речи; и 3) словари преимущественно представляют данную лексику как однозначную и терминологическую, а лакуны в ее лексикографическом описании обусловлены активными, живыми процессами в современном русском языке.

Ключевые слова: тематическая группа слов, метафора, активный процесс, пунктуация, лексикография.

В плане концептуального анализа знаки препинания не исследованы и представляют интерес для лингвистов [10]. Образы точки, многоточия отражены даже в названиях ряда текстов: «Многоточие» (кинофильм А. Эшпая), «Точка, распространяющаяся на всё...»

(сборник, посвященный юбилею Ю. Н. Чумакова [18]), «Знаки препинания» (Российск. газ. 2014. № 192), «Золотая точка» (Спорт-экспресс. 2014. № 40), «Многоточие» (форум в Новосибирске, август 2012) и др. Поэтому объектом исследования выбрана тематическая группа «Наименования знаков препинания».

Перфильева Наталия Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: perfisha@rambler.ru

Тематическая группа является динамичной: в первой трети XVIII в. она не включала в свой состав и восьми единиц (*запятая, точка с запятой, две точки, точка, вопросительный знак, удивительный знак, вместилильный знак, единительный знак* [7]). Как видим, часть приведенных номинаций не вошла в активный запас русского языка.

В настоящее время тематическая группа содержит минимум десять лексических единиц (*точка, многоточие, вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, точка с запятой, тире, двоеточие, скобки, кавычки*). Вопрос о ее современном количественном составе остается дискуссионным и открытым. Это обусловлено тремя факторами: 1) неоднозначной интерпретацией ряда небуквенных знаков (*дефис, косая черта*) – орфография [10]/пунктуация [11]); 2) конкурентностью исконно русских и заимствованных эквивалентов (*черточка – дефис* [2], *косая черта – слэши*); 3) активными процессами в области пунктуации (*косая черта* [9] и др.).

Цель данной статьи – проанализировать состояние современного лексикографического описания слов названной тематической группы и соотнести полученный результат с живыми, активными процессами в современном русском языке.

На первый взгляд тематическая группа объединяет терминологическую лексику из теории пунктуации, точнее терминологические лексико-семантические варианты. Например: *Речь от этого становится прерывистой, комковатой. Сильный, сдавленный голос выталкивает фразу, уже готовую, с представленными знаками препинания.*

В живых глазах любопытство четырехлетнего мальчика.

Кстати, о знаках препинания. Как-то весной, в Ялте, Шкловский попросил у меня что-нибудь почитать. «Ваше!» – добавил он.

У меня недавно перед тем вышла книжка. Он вернул мне ее спустя несколько дней. Похвалил. Смеясь, пересказывал мне мои рассказы, обсуждая со мной героев, как если бы это были наши общие знакомые. Потом открыл рассказ «Очередь за керосином». Виктор Борисович отредактировал его, правда, очень деликатно, карандашом. Точки возникли в самых неожиданных местах. Фраза была мелко нашинкована (И. Гофф. На белом фоне).

Хотя этот текстовый фрагмент принадлежит творческой языковой личности, однако выделенные слова употребляются в терминологических значениях, привычных даже для носителя обыденного метаязыкового сознания.

В активном лексическом запасе выпускников российской неполной школы обычно представлены почти все названные лексические единицы (что обусловлено стандартом российского образования по русскому языку), кроме двух лексем. Нам встретились случаи, когда студенты называют многоточие **троеточием**, а носители обыденного метаязыкового сознания смешивают дефис и тире, именуя оба знака **тире** (*Чубайс – это Бухарин, который помог Путину тире Сталину отстранить от власти Березовского тире Троцкого*. Ю. Богомолов. Есть у эволюции конец. // Изв. 2002.08.02.). Часть лексем из данной тематической группы входит в активный лексический запас даже тех, кто получил начальное школьное образование (*точка, вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, скобки*).

Однако в современной языковой ситуации слова этой группы регулярно употребляются в качестве метафоры (обычно когнитивной) или в составе фразеологизмов, и эти процессы являются активными. Особенность современной ситуации состоит в том,

что подобные метафоры употребляют **не только** творческие языковые личности, создающие текст или интерпретирующие его на сцене (литераторы, актеры). Например: 1) *Булат Окуджава и Владимир Высоцкий выступали последними, Высоцкий заключал наш вечер.*

*Надо сказать, что он очень здорово заключил его для тех двух с половиной тысяч собравшихся слушателей, судя по тому, как его принимали. Исполнял, по-моему, «Чуть по-медленнее, кони...». В общем, вечер прошел здорово, и **точка**, которую поставил Высоцкий в конце вечера, ее нельзя назвать **точкой**, это был, в общем, **восклицательный знак** (Р. Рождественский // Э. Рязанов. Четыре вечера с Владимиром Высоцким). 2) *Хотя, с другой стороны, видимо, наступит время, когда о каких-то вещах уже нельзя оставлять **многозначие**, позволяющее вернуться и переиграть. Я люблю **многозначия** на сцене, они создают воздух, пространство для персонажа. Но в жизни надо уметь вовремя **поставить точку**. В ней есть характер, некая определенность, которая, кажется, необходима. Особенно в отношениях с людьми. Здесь недосказанность всегда чревата отсутствием взаимопонимания. Поэтому у меня немного друзей (С. Маковецкий. Своими словами. Книга, рассказанная на «Кинотавре»).* 3) *Вымысел – не есть обман, /Замысел – ещё не **точка**, / Дайте дописать роман / До последнего листочка (Б. Окуджава).**

Очень часто исследуемая лексика в переносном значении встречается в речи журналистов, особенно уместно употребляется в спортивной журналистике. Так, репортаж об игре футбольной команды Голландии на чемпионате мира по футболу закончился фразой: *В конце этой красивой истории можно поставить **восклицательный знак!*** (Россия-1. Ве-

сти. 2014. 6 июля). Высокая частота употребления спортивными журналистами слова **скобки** связана, видимо, с образом «поля» (футбольного/волейбольного и т. д.).

Итак, во всех приведенных примерах исследуемую лексику употребляют языковые личности, работающие с текстом в филологическом или семиотическом понимании этого термина, что не случайно: образ письменного текста в сознании говорящего существенно влияет на его речь. Однако образ письменной речи отражается и в речи представителей обыденного метаязыкового сознания. Например: 1) *Его черта – постоянство. Он **поставил точку**. И никаких комментариев и запятых. У Тениса Мяги его заявление – **запятая**: он приезжал в Россию. А Яак Йола иной (Россия-1. «Прямой эфир». 2014. 30 сентября).* 2) *«Вот это **точка** Олимпиады!» – воскликнул Виталий Мутко, когда шел поздравлять феноменальных российских лыжников, занявших весь пьедестал почета в престижнейшем 50-километровом марафоне – этой живой олимпийской классике (Спорт-экспресс. 2014. № 40).*

Следовательно, образные представления о знаках препинания отражаются не только в творческом, но и в обыденном метаязыковом сознании.

В приведенном иллюстративном материале слова этой группы преимущественно выступают как метафоры, узуальные – в одних случаях и окказиональные – в других.

Изредка они базируются на переносе наименования по внешнему сходству, как в контексте: *Губы старика, взятые в **скобки** двумя горькими складками, шептали* (Б. Полевой. Золото). В основе же большинства метафор – функциональный перенос. В этом случае семантика знаков препинания мотивирует слово-метафору.

Например, точка может обозначать не только конец предложения, но и завершенность фабулы в тексте, а многоточие – оборванность фразы, открытость, незавершенность ряда или открытый финал текста. Как показывают наши исследования, эти смыслы ('конец', 'завершенность', 'итог', 'финал', 'определенность'/'оборванность', 'незавершенность ряда или чего-то', 'открытый финал') говорящий регулярно воплощает в речи. Например: «*Наше участие в форуме – это не точка, а многоточие, – говорит Руслан Коккарев. – За ним последует продолжение наших контактов. Я уверен, инвесторов с каждым годом будет становиться только больше. Они будут приезжать на Южный Урал, и вкладывать здесь деньги*» (Изв. 2009. № 236). Как и в данном примере, часто метафора подкрепляется вербальной экспликацией в контексте (см. подчеркнутый фрагмент контекста).

Обычно, употребляя эти метафоры (точка ... в конце вечера, участие в форуме – это не точка, точка Олимпиады), говорящий имеет в виду идею «Текста» в семиотическом значении. Противопоставление функций точки как знака препинания – обозначать конец предложения или финал текста – реализуется в метафорических сочетаниях **жирная точка, последняя точка**. Например: 1) *Выступление Йозефа Блаттера хочется назвать жирной точкой. Даже жестче – эпитафией идее проведения мегатурнира для суперклубов, объединенных ностальгическим прошлым и денежным настоящим* (Спорт-экспресс. 2013. 11). 2) *Каждый теракт вымывал из новостей остатки правды. Последнюю точку в доверии граждан к своему ТВ поставила трагедия Беслана* (Новая газ. 2009. № 43). Эти выражения обозначают «завершение какого-то дела, проблемы (без возможности продолжения)» и мотивированы представ-

лением говорящего о функции точки как текстовом знаке препинания, поставленной в конце текста и выполняющей прагматическую функцию – сигнализирующей об определенном, однозначном финале (по сравнению с открытым). В иллюстративном материале подчеркнуты слова, однозначно поддерживающие семантику выражения **жирная/последняя точка**.

Несмотря на активность наблюдаемого речевого процесса, в русской лексикографии он пока слабо описан. Так, в словаре актуальной лексики XXI в. [17] эта группа не представлена совсем.

Типичную ситуацию лексикографической интерпретации слов данной тематической группы дает словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. В ряде случаев мы привлекаем МАС [13–15] и БАС [3–4].

Во-первых, такие единицы, как *вопросительный знак, восклицательный знак, точка с запятой*, не имеют словарных дефиниций. Правда, номинации *вопросительный знак, точка с запятой* даны в словаре как иллюстративный материал [8, с. 97, 606].

Во-вторых, рассматриваемая лексика интерпретируется преимущественно как терминологическая и однозначная (**двосточие** – «знак препинания в виде двух точек, расположенных одна над другой» [8, с. 153], **многоточие** – «знак препинания в виде трех рядом поставленных точек, означающий недоговоренность, возможность продолжения текста» [8, с. 360; 14, с. 283; 4, с. 279], **тире** – «знак препинания в виде длинной горизонтальной черточки» [8, с. 799] и т. д.).

И только две лексемы (**точка** и **запятая**) интерпретируются как многозначные. В словарной статье слова **запятая** («1. Знак препинания, обычно обозначающий интонационное членение, а также выделяющий некоторые синтаксические группы. 2. перен. препятствие,

затруднение (разг. шутл.)» [8, с. 217; 3, с. 453–454; 13, с. 564]) сначала представлено терминологическое значение, а затем – переносное, метафора, актуализирующее внутреннюю форму слова. Правда, этот лексико-семантический вариант встречается очень редко и является архаичным. В современных текстах метафора **запятая**, как показывает иллюстративный материал, реализует семы: ‘неоконченность’, ‘остановка’, ‘промежуточный’. Например: *Мы здесь ставим запятую, потому что заказчики убийства Политковской до сих пор не найдены* (Вести. Россия-24. 2014. 9 июня).

Попутно заметим: некоторые из слов данной тематической группы (**точка**, **скобки**, **запятая**) могут быть номинациями и пунктуационных, и математических знаков. Однако в данной словарной статье нет и «намёка» на математический метаязык.

Словарная статья лексемы **точка** устроена иначе, – по сути дела, радиально: во всех словарях начинается с лексико-семантического варианта: «1. След от прикосновения, укола чем-то острым (кончиком карандаша, пера, иглы), маленькое пятнышко» [8, с. 723; 15, с. 392], а далее идут терминологические значения: лингво-семиотическое («2. Знак препинания, отделяющий законченное предложение, а также употр. при сокращенном написании слов»), математическое («3. Основное понятие геометрии – место пересечения двух прямых, не имеющее измерения»), географическое («4. Определенное место в пространстве на каком-н. участке, поверхности»), физическое («6. Предел, при котором вещество из одного состояния переходит в другое»). Увеличение в МАС количества терминологических (прежде всего, математических) значений и появление лексико-семантического варианта («момент в развитии, течении, ходе» [15, с. 392]) обусловлены развитием

научного знания. В обоих словарях представлено синтаксически связанное значение («7. **Точка**, в знач. сказ. То же, что кончено. Разг.»). Очевидно, что оно сформулировано под влиянием В. И. Даля. Ср.: «все кончено, конец делу». В интерпретации В. И. Даля (**точка** – в письменности «знак препинания, ставимый в конце речи, содержащей полный смысл» [5, с. 654]) можно вычитать прагматический компонент (‘законченность’, ‘исчерпанность’).

Таковую же интерпретацию (как синтаксически связанное значение) встречаем и в русских словарях синонимов XX в. Ср.: «**Конец** 1. Заключение, финал, эпилог, исход, развязка, финиш / в знач. сказ.: **кончено, все, точка, баста**» [1, с. 198]. В другом словаре синонимов словарная статья **точка** отсылает к устаревшему слову **баста** [16, с. 581], а слово **конец** с пометой *разг.* толкуется описательно («в значении сказуемого: подчеркивает окончательное, безусловное прекращение чего-л.») и с помощью ряда синонимов, имеющих помету *прост.*: **крышка, каюк, капут, шабаш, гроб, точка, амба** [16, с. 200].

В современной ситуации, на наш взгляд, метафора **точка** не может сопровождаться пометами *прост.*, *разг.*, часто выступает как образное обозначение финала, итога, завершённого дела, при этом можно обсуждать вопросы об актуализации некоторых сем (см. работы К. А. Ильиной [6]). И, самое главное, этот лексико-семантический вариант далеко не всегда употребляется в предикативной функции. Следовательно, грамматическая помета не обоснована.

В целом, если исходить из логики построения словарной статьи лексемы **точка**, интерпретация слова **скобка** как однозначного (письменный или печатный знак, обычно парный, служащий для обособления какой-н.

части текста, а в математике – для обозначения порядка выполнения действий [8, с. 723]) выглядит непоследовательной. Эта ситуация усилена в МАС: наряду с терминологическим значением, которое интерпретируется как лингво-семиотическое («знак препинания <...>»), приводится и оттенок значения – «математический знак, указывающий, что математическое действие производится над алгебраическим выражением» [15, с. 112]. Вряд ли такой субъективизм интерпретации понравится математикам?

В данном случае обоснованным было бы выделение двух терминологических значений – пунктуационного и математического, кстати, мотивирующих разные фразеологизмы: первое – **заметим/скажем в скобках**, а математическое – **вынести за скобки**. Например: 1) *На протяжении десятилетий*

Евтушенко писал стихи о боксе, альпинизме, конькобежном спорте. (Заметим в скобках, что другой народный поэт послевоенной России, Владимир Высоцкий, тоже много и охотно писал о боксе, альпинизме, конькобежном спорте) (П. Вайль, А. Генис. 60-е. Мир советского человека); 2) *М* ушла. А мы ее вынесем за скобки* (разг. речь).

Подведем итоги. Во-первых, тематическая группа «пунктуация» является динамичной и открытой. Во-вторых, в современной речи активно идет процесс метафоризации, базирующейся на влиянии феномена письменной речи, в том числе и облика письменного текста, на вербальную коммуникацию. И, наконец, лакуны в лексикографическом описании исследуемой лексики обусловлены активными, живыми процессами в современном русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. – 5-е изд. – М.: Русский язык, 1986. – 598 с.
2. **Бархударов С. Г., Крючков С. Е.** Учебник русского языка. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1964. – 192 с.
3. **Большой академический словарь русского языка:** в 20 тт. – М.; СПб.: Наука, 2006. – Т. 6. – 825 с.
4. **Большой академический словарь русского языка:** в 20 тт. – М.; СПб.: Наука, 2008. – Т. X. – 572 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
6. **Ильина К. А.** О полевом принципе описания лексики со значением «пунктуация» // Проблемы интерпретационной лингвистики: поле как объект и инструмент исследования: межвуз. сб. науч. тр. / ред. Н. П. Перфильева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 107–111.
7. **Ломоносов М. В.** Российская грамматика. – Leipzig: Zentralantiquariat, 1972. – 213 с.
8. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. **Перфильева Н. П.** Континуальность и дискретность текста: пунктуационный аспект // Дискретность и континуальность в языке и тексте: материалы междунар. конф. «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» / ред. Т. А. Трипольская. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. – С. 193–201.
10. **Перфильева Н. П.** О влиянии невербальной вторичной коммуникативной системы на вербальную // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М., 2007. – С. 323–324.

11. **Правила** русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / ред. В. В. Лопатин. – М.: ЭКСМО, 2007. – 480 с.
12. **Розенталь Д. Э.** Пунктуация и управление в русском языке: справочник для работников печати. – М.: Книга, 1988. – 543 с.
13. **Словарь** русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – Т. I. – 698 с.
14. **Словарь** русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – Т. II. – 736 с.
15. **Словарь** русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1999. – Т. IV. – 794 с.
16. **Словарь** синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1976. – 648 с.
17. **Толковый** словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / ред. Г. Н. Складчиков. – М.: Эксмо, 2007. – 1133 с.
18. **“Точка, распространяющаяся на всё...”**: к 90-летию профессора Ю. Н. Чумакова: сб. науч. тр. / ред. Т. И. Печерская. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. – 627 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.07)

Perfilyeva Nataliya Petrovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: perfisha@rambler.ru

HOLLOWNESS IN THE LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTIONS OF THE WORDS OF THE THEMATIC GROUP «PUNCTUATION»

Abstract

The article is dedicated to the dynamic processes in modern Russian vocabulary, being under the influence of the phenomenon of written speech, at least, punctuation. The objective of the article is to consider the modern lexicographical description of the words of the thematic group “punctuation marks” and compare the result and the active processes in the modern Russian linguistic situation.

The author considers the use of words like comma, full stop, brackets etc as regular metaphors (usually cognitive), also adding some examples of using occasional ones. The author argues that a peculiar feature of modern linguistic situation is that ‘punctuation metaphors’ are used not only by creative linguists, working with texts professionally, but also by speakers of ordinary metalinguistic consciousness. A significant part of the article is devoted to examination of dictionary entries concerning punctuation terms in explanatory and synonymic dictionaries.

Summing up, the author emphasizes the following conclusions: 1) the thematic group “punctuation” is open and dynamic; 2) modern speakers use the punctuation metaphors widely, further metaphorization is an active process in that thematic field; the phenomenon of written speech, including the image of written text, influences verbal communication and 3) dictionaries mainly interpret the ‘punctuation words’ as monosemantic and terminological; lacunae in their lexicographical descriptions can be explained by rapid changes in modern Russian.

Keywords

A thematic group of words, a metaphor, an active process, punctuation, lexicography

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. *Dictionary of synonyms of Russian Language*. (Ed.) L. A. Cheshko. Moscow, Russian Language Publ., 1986, 598 p. (In Russian)
2. Barhudarov S. G., Krjuchkov S. E. *Textbook of Russian Language*. Moscow, State education-pedagogical publisher of Ministry of education of the RSFSR Publ., 1964, 192 p. (In Russian)
3. *Great academic dictionary of Russian Language*. In 20 vol. Moscow, Saint-Petersburg, Science Publ., 2006, vol. 6, 825 p. (In Russian)
4. *Great academic Dictionary of Russian Language*. In 20 vol. Moscow, Saint-Petersburg, Science Publ., 2008, vol. X, 572 p. (In Russian)
5. Dal' V. I. *Explanatory Dictionary of Russian Language*. The modern version. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000, 736 p. (In Russian)

6. Ilyina K. A. About the field principle of description of words concerning punctuation. *The problems of interpretative linguistics: field as an object and instrument of research*. (Ed.) N. P. Perfilyeva. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2011, pp. 107–111. (In Russian)
7. Lomonosov M. V. *Russian grammar*. Leipzig, Zentralantiquariat Publ., 1972, 213 p. (In Russian)
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of Russian Language*. 4 ed. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997, 944 p. (In Russian)
9. Perfilyeva N. P. Continuity and discreteness of text: the punctuation aspect. *Discreteness and continuity in language and text: the materials of the International conference “Continuity and discreteness in language and speech. Language as living system in researcher’s paradigms of modern linguistics”*. (Ed.) T. A. Tripol’skaya. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2009, pp. 193–201. (In Russian)
10. Perfilyeva N. P. About nonverbal secondary communicative system’s influence verbal one. *Russian Language: historical future and modernity: works and the materials III International congress of researchers of Russian Language*. Compiled by M. L. Remneva, A. A. Polikarpov. Moscow, 2007, pp. 323–324. (In Russian)
11. *Rules of Russian orthography and punctuation*. Full academic handbook. (Ed.) V. V. Lopatin. Moscow, EKSMO Publ., 2007, 480 p. (In Russian)
12. Rozental D. E. *Punctuation and government in the Russian Language*. Handbook for media workers. Moscow, Book Publ., 1988, 543 p. (In Russian)
13. *Dictionary of Russian Language*. In 4 vol., (ed.) A. P. Jevgenjeva, 4 ed., Moscow, Russian Language Publ., 1999, vol. I, 698 p. (In Russian)
14. *Dictionary of Russian Language*. In 4 vol., (ed.) A. P. Jevgenjeva, 4 ed., Moscow, Russian Language Publ., 1999, vol. II, 736 p. (In Russian)
15. *Dictionary of Russian Language*. In 4 vol., (ed.) A. P. Jevgenjeva, 4 ed., Moscow, Russian Language Publ., 1999, vol. IV, 794 p. (In Russian)
16. *Dictionary of synonyms*. (Ed.) A. P. Jevgenjeva, Leningrad, Science Publ., 1976, 648 p. (In Russian)
17. *Explanatory Dictionary of Russian Language of beginning of the XXI century*. Actual vocabulary. (Ed.) G. N. Sklarevskaya, Moscow, EKSMO Publ., 2007, 1133 p. (In Russian)
18. “A point, covering everything...”: towards professor Yu. N. Chumakov’s 90th-annivesary. Collection of scientific works. (Ed.) T. I. Pecherskaya, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2012, 627 p. (In Russian)

© Е. П. Таргонская

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.08)

УДК 811.163.1

НАЗВАНИЯ ЖИЛИЩ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ СЛОВАРЕ (ПО РУКОПИСЯМ X–XI ВЕКОВ): СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Е. П. Таргонская (Новосибирск, Россия)

*В статье анализируются слова, называющие жилище, в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)». Цель статьи – выявить специфику построения словарной статьи данного словаря. В работе «Старославянский словарь» квалифицируется, с одной стороны, как двуязычный словарь, а с другой – как исторический. Своеобразие словарной статьи состоит в том, что, помимо традиционных составляющих, в ней дается перевод на два языка – русский и чешский. Кроме того, в конце словарной статьи, после пометы **сравни**, приводятся, как отмечают авторы словаря, синонимы и дублиеты. Рассматривая слова, называющие жилище, автор ставит под сомнение статус этих соответствий. Из «Старославянского словаря» была сделана сплошная выборка слов, называющих жилище, а также их так называемых синонимов и дублиетов. Анализ полученного материала позволяет утверждать, что данные слова представляют собой тематическую группу слов-названий жилища, а сам «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» является не просто словарем для чтения и перевода, но книгой, чтение которой позволяет узнать и понять средневековую христианскую письменность и культуру.*

Ключевые слова: старославянский язык, словарная статья, синонимы, тематическая группа.

В современной российской лингвистической науке разработана стройная и завершенная типология словарей, в основу которой положены тематика, адресат словаря и объем словника. Лингвистические словари делятся на одно-, дву- и многоязычные. Одноязычные словари, в свою очередь, делятся на системные и справочные. Внутри первых есть толковые (нормативные, исторические и диалектные) и собственно системные словари. Во второй группе выделяются научно- и практически-справочные словари. В каждой группе возможно и более детальное деление. [1–4].

Однако существующая в литературе предмета типология в некоторых случаях позволяет говорить о некоем двойственном положении отдельного словаря в этой классификации. Таким словарем, по нашему мнению, является «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» [5] (далее – «Старославянский словарь»). Он совмещает признаки, с одной стороны, двуязычного словаря, а с другой – исторического. Цель данной статьи – выявить специфику построения словарной статьи исследуемого словаря.

Таргонская Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: targilena@yandex.ru.

Словари разных типов имеют разную структуру словарной статьи в зависимости от представленной в ней лексикографической информации [6]. В. А. Козырев и В. Д. Черняк утверждают: «Особое значение для читателей имеют структура словарной статьи, набор ее компонентов, обеспечивающих достоверную информацию о слове, о разных видах его языкового окружения» [1, с. 40]. Рассмотрение того, как строится словарная статья в «Старославянском словаре», предварим описанием основных особенностей самого словаря.

«Старославянский словарь» был впервые издан в 1994 г. под эгидой Института славяноведения и балканистики Российской академии наук и Славянского института академии наук Чешской республики и является коллективным трудом сотрудников этих институтов. Он содержит около 10 000 слов. В предисловии отмечается, что он «рассчитан на славистов-языковедов, а также историков, этнографов, юристов, литературоведов, изучающих древнейший период истории, культуры и быта славянских народов. Вместе с тем словарь является учебным пособием для студентов филологиче-

ских, исторических и ряда других гуманитарных факультетов, отделений университетов и педагогических институтов» [5, с. 3].

Словарным статьям предшествуют традиционное предисловие и пять справочных статей: «Описание старославянских рукописей», «Фонетико-фонологическая и правописно-графическая характеристика старославянских рукописей», «Нормализация написания заглавного слова основной словарной статьи (фонетическая и морфологическая)», «Построение словарной статьи» и «О произношении старославянских букв».

Автором раздела «Построение словарной статьи» является Р. М. Цейтлин. Она подробно описывает структуру, во многом традиционную для словарей такого типа: дается заглавное слово со своими грамматическими характеристиками, количество его употреблений в рукописях, греческое соответствие (и латинское – для Киевских листков), далее – перевод, переносные значения (если есть) и иллюстративные примеры из рукописей.

Приведем пример словарной статьи «Старославянского словаря» (рис. 1).

Рисунок 1

ИМѢНИЮ, -на с (98) τὰ ὑλάρχοντα, ὑλαρχίς, τὰ χρήματα, τὰ πράγματα, ὅσα ἔχω, κτήσις, κτήμα, οὐσία, βίος, ὑλόληψις; (неврѣгы имѣнїа ѿ ἀκτήμων) имущество, состояние jměni, majetek: о(тъ)че даждь ми • достоижиж часть • имѣньѣ • і раздѣли лма имѣньє Л 15, 12 Зоґр Мар Ас Сав; врана древле твои воли • ѡже лмашъ въ имѣнїи Клоц 4а 31 (сѣребролювьствїа сѣказаник Супр 411, 6-7); имѣнїа ли въсхотѣ неврѣгыи имѣнїа Супр 432, 23 и 24 ♦ имѣник заложено см. заложити.— Зоґр Мар Ас Сав Ен Син Евх Супр Рыл.— Ср. иманик, имѣннице, сѣкровнице

Завершает основную словарную статью вторая справочная часть. Она включает перечень всех рукописей, в которых употреблено заглавное слово.

Как видим, словарная статья строится так же, как в двуязычных словарях древних языков, например в «Латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого, «Греческо-русском словаре» А. Д. Вейсмана и «Полном церковно-славянском словаре» [7–9]. Словарные статьи «Старославянского словаря» и таких исторических словарей, как «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» [10–12] во многом схожи.

Однако приведенный пример словарной статьи слова **ИМЪНІЕ** показывает не только традиционность, но и своеобразие в построении словарной статьи «Старославянского словаря». Во-первых, это не двуязычный (как обычно бывает), а трехязычный словарь, поскольку дается перевод не только на русский, но и на чешский язык. По мнению Р. М. Цейтлин, эти «переводы представляют и узкоспециальный интерес. В словарной статье сконцентрирован лексический материал, который во многих случаях может служить отправной точкой для дальнейших сравнительно-исторических сопоставлений славянских языков различных групп. Чешские переводы для русского читателя, как и русские переводы для чешского читателя, помимо основной цели – объяснения старославянского слова – в отдельных случаях помогут ознакомиться с историей данного слова и в другом родственном языке» [5, с. 50]. Например, старославянское **ВОНЯТИ** – русское «пахнуть» – чешское «vonět» [5, с. 121], старославянское **ЧРЬВЛЕНЬ** – русское «красный» – чешское «červený» [5, с. 782].

На наш взгляд, наиболее оригинальная часть словарной статьи находится в самом ее конце, после перечня рукописей за пометой *Ср.* («сравни»). Здесь приводятся, как отмечает Р. М. Цейтлин, «ссылки на собственно лексические дублеты и синонимы данного слова» [5, с. 54]. Они связываются между собой перекрестными ссылками и приводятся в алфавитном порядке. Например, слово **МЫСЛЬ** имеет ссылки на слова: **ПОМЫСЛЬ, ПОМЫШЛЕНИЕ, РАЗОУМЪ, СЪМЫСЛЬ, ОУМЪ, ОУМЫШЛЕНИЕ** [5, с. 337], слово **СКРЪБЪНЬ** – на слова **ПЕЧАЛЬНЬ, ПРИСКРЪБЪНЬ, ОУНЫЛЬ** [5, с. 608], слово **РЕЩИ** – на слова **ВЪЗГЛАГОЛАТИ, ВЪЩАТИ, ГЛАГОЛАТИ, ИЗДРЪЩИ, НАРИЦАТИ, ПОВЪДЪТИ, ПРОРЕЩИ, ПРОРИЦАТИ, СИРЪЧЬ, СЪКАЗАТИ** [5, с. 581]. Чаще это слова одной части речи, но иногда – разных. Например, частица **СИРЪЧЬ** приводится при глаголе **РЕЩИ**. Большинство слов в «Старославянском словаре» имеют при себе помету *Ср.*

Анализ словарных статей, содержащих такую часть, поставил перед нами вопрос: всегда ли приводимые после пометы *Ср.* слова являются собственно лексическими дублетами или синонимами? Мы сделали попытку ответить на этот вопрос, рассмотрев слова, называющие жилище. Эти слова занимают важное место в картине мира человека того времени. Т. И. Вендина в книге «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» пишет: «Что касается локативов, относящихся собственно к человеку, то среди них выделяется довольно значительная группа слов, связанных с обозначением его жилища...» [13, с. 177].

Мы сделали выборку из «Старославянского словаря» слов-названий жилища (табл. 1). Заглавные слова мы поместили в первый столбец по алфавиту, а в скобках указали количество употреблений слова в рукописях и далее

– значение. Если значений несколько, они отделены точкой с запятой. Выборку мы начали с лексем **ДОМЪ** и **ЖИЛИЩЕ**, а далее двигались по словарным статьям всех слов после

пометы *Ср.* Во второй столбец мы поместили дублиеты и синонимы, которые каждое слово имеет в конце словарной статьи.

Таблица 1.

Слова, называющие жилище, в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)»

Заглавное слово	Слова после пометы <i>Ср.</i>
ВЪСЕЛЕНИЕ (4) «обиталище, жилище»	ВЪСЕЛЕНАЯ, ЖИЛИЩЕ, СЕЛИЩЕ
ДВОРЪ (60) «двор»	ДОМЪ, ЖИЛИЩЕ, ОГРАДА
ДОМЪ (> 100) «дом, жилище»	ДВОРЪ, ХЛЪВИНА, ХРАМИНА, ХРАМЪ
ЖИЛИЩЕ (33) «жилище»	ДВОРЪ, ДОМЪ, ЖИЩЕ, ОБИТЪЛЬ, СКИНИЯ
ЖИЩЕ (2) «жилище, обиталище»	ЖИЛИЩЕ
ЗЪДАНИЕ (15) «постройка, здание»; «сотворение, создание»	ЗЪДЪ, СЪЗЪДАНИЕ, СЪТВОРЕНИЕ
ЗЪДЪ (1) «стена, постройка»	ЗЪДАНИЕ
КЛЪТЬ (16) «каморка, хижина»	КЛЪТЪКА, ХЛЪВИНА, ХЫЗИНА
КЛЪТЪКА (5) «каморка, хижина»	КЛЪТЬ, ХЛЪВИНА, ХЫЗИНА
КРОВЪ (45) «крыша»; «шатер, жилище»; «скрытое место, тайник»; «охрана, защита, покровительство»	ПОКРОВЪ, СКИНИИ, СТЕЛЯ, СТРОПЪ, СТРЪХА, СЪКРОВЪ, ТАИЛИЩЕ
КЖЩА (1) «шалаш, хижина, палатка»	СКИНИИ, ХЛЪВИНА, ХЫЗИНА, ХЫЗЪ
ОБИТЪЛЬ (21) «жилище, жилье»; «келья, скит»	ЖИЛИЩЕ
ОЧРЪЩЕ (1) «шатер, жилище»	КРОВЪ, СКИНИИ
СЕЛИЩЕ (1) «место поселения, пребывания»	ЖИЛИЩЕ, СЕЛО
СЕЛО (> 100) «двор, имение, усадьба»; «жилище»; «пастбище»	ВЪСЪ, ГРАДЪЦЪ, НИВА, СТРАНА
СКИНИИ (9) «шатер, жилище»; <i>спец.</i> «святилище»	КЖЩА, СЪНЪ, ХЛЪВИНА, ХЫЗИНА, ХЫЗЪ
СЪНЪ (2) «шатер»	КРОВЪ, СКИНИИ
ХЛЪВИНА (14) «дом, здание, постройка; жилье»; «пристанище, приют»	ДОМЪ, КЛЪТЬ, КЛЪТЪКА, КЖЩА, СКИНИИ, ХРАМИНА, ХРАМЪ, ХЫЗИНА, ХЫЗЪ

ХРАМИНА (55) «дом, здание»	ДОМЪ, ЗЪДАНИЕ, ХРАМЪ
ХРАМЪ (60) «дом, здание»; «жилъе»; <i>спец.</i> «храм, святилище, церковь»	ДОМЪ, ЗЪДАНИЕ, КЛЪТЬ, КЛЪТЬКА, КЖЩА, СКИНИИ, ХЛЪВИНА, ХРАМИНА, ХЫЗИНА, ХЫЗЪ, ЦРЬКЫ
ХЫЗИНА (15) «хижина, келья, каморка»	КЛЪТЬ, КЛЪТЬКА, КЖЩА, СКИНИИ, ХЛЪВИНА, ХЫЗЪ
ХЫЗЪ (1) «домик, хижина»	КЛЪТЬ, КЛЪТЬКА, КЖЩА, СКИНИИ, ХЛЪВИНА, ХЫЗИНА

Анализ материала таблицы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, среди названий жилища есть гапаксы, т. е. слова, которые встречаются в старославянских текстах только один раз: **ЗЪДЪ, КЖЩА, ОЧРЪЩЕ, СЕЛИЩЕ** и **ХЫЗЪ**. Из этих пяти слов три связаны с однокоренными производными или производящими словами: **ЗЪДАНИЕ – ЗЪДЪ, СЕЛИЩЕ – СЕЛО, ХЫЗЪ – ХЫЗИНА**. Два раза встречается слово **ЖИЩЕ**, связанное с **ЖИЛИЩЕ**. Нам думается, их действительно можно считать дублетами соответствующих слов с высокой частотностью.

Во-вторых, слова **ДВОРЪ, КРОВЪ, СЕЛО** не могут, по-видимому, в полной мере считаться дублетами или синонимами наименований жилища, что видно и по их значениям, и по словам, которые даны к ним с пометой *Ср.*

Сопоставление значений всех наименований жилища из сделанной выборки и данных к ним так называемых дублетов и синонимов позволяет сделать вывод о том, что слова, называющие жилище, представляют собой не ряд дублетов или синонимов, а скорее тематическую группу слов, т. е. ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию [14, с. 118]. О таких группах в 1957 г. писал Ф. П. Филин в своей работе «О лексико-семантических группах слов»: «Такого рода объединения слов, основывающихся не на

лексико-сематических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами» (цит. по: [15, с. 186]).

В этой тематической группе представлены общие и частные названия. Слова **ЖИЛИЩЕ** и **ДОМЪ** обладают наиболее общим значением, в отличие от лексем, обозначающих разные виды жилища:

а) небольшого размера (**КЛЪТЬ** и **КЛЪТЬКА**, ср.: каморка – небольшая комната, хижина – небольшой сельский домик, избушка),

б) временного, сделанного из веток или соломы, например: **КЖЩА** (шалаш – палатка из веток, соломы, палатка – временное помещение из натянутой на остов ткани, шкуры), **ОЧРЪЩЕ** и **СЪНЬ** (шатер – большая палатка, крытая обычно тканью). Ряд слов, наряду с общим значением «жилище», развивают переносные значения а) «места обитания», б) «места, где можно найти пристанище или приют». Например: а) **ОБИТЬЛЬ** («келья, скит»), **СКИНИИ** («святилище»), **ХРАМЪ** («церковь»); б) **ХЛЪВИНА, КРОВЪ**.

В заключение можно утверждать, что в словарной статье дается информация большего объема, чем заявили авторы «Старославянского словаря». Мы можем не только узнать значение слова, его употребление в канонических текстах, но и понять, в какие

группы оно входит (тематические или лексико-семантические), определить его место в лексической системе старославянского языка. Таким образом, «Старославянский словарь» занимает в типологии словарей особое место: он является одновременно трехязычным и историческим словарем. Структура словарной

статьи позволяет считать «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)» не просто словарем для чтения и перевода, но книгой, благодаря которой можно узнать и понять средневековую христианскую письменность и культуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Русская** лексикография: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
2. **Лукьянова Н. А.** Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебно-методическ. пособие. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2003. – 144 с.
3. **Лингвистический** энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. **Крысин Л. П.** Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
5. **Старославянский** словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
6. **Крысин Л. П.** Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. – М.: Знак, 2008. – 320 с.
7. **Вейсман А. Д.** Греческо-русский словарь. – Репр. 5-го изд. 1899 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
8. **Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. – 7-е изд. – М.: Русский язык, 2002. – 846 с.
9. **Полный** церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. – М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. – 1120 с.
10. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 тт. – М.: Знак, 2003. – Т. 1. А – К. – 776 с.
11. **Словарь** древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 тт. / гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 1: (а – възаконятися). – 526 с.
12. **Словарь** русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1. (А–Б). – 371 с.
13. **Вендина Т. И.** Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
14. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
15. **Шмелев Д. Н.** Современный русский язык: Лексика: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.08)

Targonskaya Elena Petrovna, Doctor of Philological Science, Associated Professor, Language Theory and Cross-Cultural Communication Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: targilena@yandex.ru

WORDS MEANING, DWELLING PLACE, IN THE OLD SLAVONIC DICTIONARY (BASED ON THE MANUSCRIPTS OF THE 10TH–11TH CENTURIES): STRUCTURE OF A DICTIONARY ENTRY

Abstract

*The article analyzes the words meaning dwelling place mentioned in the Old Slavonic Dictionary (based on the manuscripts of the 10th–11th centuries). The aim of the article is to reveal the specific structure of the dictionary entry in the given dictionary. It is noted that in the Old Slavonic Dictionary, which on the one hand can be attributed to bilingual dictionaries and on the other hand to historical dictionaries, the dictionary entry is composed in a particular way. Apart from the traditional components, it is worth noting that a translation into two languages (Russian and Czech) is given. Furthermore, at the end of the dictionary entry after the note **compare**, as the authors of the dictionary mark, synonyms and doublets are presented. The consideration of the words meaning dwelling place makes it possible to cast doubts on the status of these correlations. A continuous sampling of the words meaning dwelling place and their so-called synonyms and doublets was made from the Old Slavonic Dictionary. The analysis of the material obtained allows us to state that these words represent a thematic group of words-names of dwelling place and the Old Slavonic Dictionary itself (based on the manuscripts of the 10th-11th centuries) is a book that provides the comprehension of the medieval Christian written language and culture rather than simply a dictionary for reading and translating.*

Keywords

Old Slavonic Language, dictionary entry, synonyms, thematic group

REFERENCES

1. *Russian Lexicography*. Handbook for Higher Education Organizations. Moscow, Drofa Publ., 2004, 288 p. (In Russian)
2. Lukyanova N. A. *Modern Russian Language: Lexicology. Phraseology. Lexicography*. Manual for students and post-graduates of philological and other specialties of universities. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2003. 144 p. (In Russian)
3. *Linguistic Encyclopaedic Dictionary*. Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya Encyclopaedia Publ., 1990, 685 p. (In Russian)
4. Krysin L. P. *Modern Russian Language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography*. Manual for students of philological faculties of higher education organizations. Moscow, Akademiya Publ., 2007, 240 p. (In Russian)
5. *Old Slavonic Dictionary (on manuscripts of the 10th–11th centuries)*. Eds. R. M. Tseitlin, R. Vecherka, E. Blagova. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1994, 842 p. (In Russian)

6. Krysin L. P. *A Word in Current Texts and Dictionaries: Essays on Russian Vocabulary and Lexicography*. Moscow, Znak Publ., 2008, 320 p. (In Russian)
7. Veisman A. D. *Greek-Russian dictionary*. Reprint of the 5th edition, 1899. Moscow, Yu. A. Shichalin's Greek-Latin Cabinet Publ., 1991, 1370 p. (In Russian)
8. Dvoretckii I. Kh. *Latin-Russian Dictionary*. 7th edition. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 2002, 846 p. (In Russian)
9. *Full Church Slavonic Dictionary*. Comp. G. Dyachenko. Moscow, Moscow Patriarchy Publ., 1993, 1120 p. (In Russian)
10. Sreznevskii I. I. *Materials for the Dictionary of the Old Russian Language*. In 3 vol. Moscow, Znak Publ., 2003, vol. 1. A–K, 776 p. (In Russian)
11. *Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th cent.)*. 10 vol. Ed. R. I. Avanesov. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1988, vol. 1. (а – възаконятися), 526 p. (In Russian)
12. *Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th cent.* Moscow, Nauka Publ., 1975, Issue 1. (А–Б), 371 p. (In Russian)
13. Vendina T. I. *A Medieval Man in the Mirror of the Old Slavonic Language*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 336 p. (In Russian)
14. Akhmanova O. S. *Dictionary of Linguistic Terms*. 2nd edition. Moscow, Sovetskaya Encyclopaedia Publ., 1969, 607 p. (In Russian)
15. Shmelev D. N. *Modern Russian Language. Lexicology*. Manual for students. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 335 p. (In Russian)

© Зульхаят Аманулла

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.09)

УДК 81.253 + 378

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: РУССКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ*

Зульхаят Аманулла (Урумчи, Китай)

В статье на основе особенностей устной переводческой деятельности рассматриваются необходимые профессиональные качества китайских переводчиков устной речи. Наше исследование основано на результатах опроса, проведённого среди китайских студентов, устных переводчиков и работодателей. Цель работы – анализ особенностей устной переводческой деятельности и выявление важных профессиональных качеств, в том числе и личностных, которые считаются необходимыми для китайских переводчиков. Цель работы связана с определением круга задач, стоящих перед китайской образовательной системой в плане подготовки высокопрофессиональных устных переводчиков. Актуальность изучения данного вопроса диктуется развитием сотрудничества между Китаем и Россией, следовательно, большим спросом китайского общества на высококвалифицированных устных переводчиков. В заключение статьи сформулированы задачи, которые предстоит решить китайской образовательной системе при подготовке кадров.

Ключевые слова: устный перевод, китайский устный переводчик, профессиональные качества устного переводчика,, русский язык, китайский язык.

В последние годы расширяется и углубляется сотрудничество между Россией и Китаем в области политики, экономики, культуры. Это свидетельствует о новом этапе в развитии китайско-российских отношений. Самым результативным за многие годы сотрудничества является майский визит президента В. В. Путина в Пекин (2014 г.), стимулировавший подписание договора по расширению российско-китайского сотрудничества в разных областях

народного хозяйства, например, в нефтеперерабатывающей, строительной, энергетической и других промышленных сферах.

Эти уникальные условия диктуют необходимость качественной подготовки и переподготовки специалистов по переводу с русского языка на китайский и наоборот [1–2]. Особенно это касается переводчика устной речи (далее в статье – устный переводчик), играющего важную роль в успешном развитии дальнейшего сотрудничества между странами.

* (新疆维吾尔自治区普通高等学校人文社会科学重点研究基地基金资助: XJEDU 010713 C01)

Зульхаят Аманулла – доцент Института иностранных языков, Синьцзянский университет, Урумчи, Китай.

E-mail: zibayim@126.com

Всё сказанное объясняет **актуальность** исследований, посвящённых 1) выявлению особенностей устного перевода; 2) определению образовательных задач, касающихся подготовки необходимых обществу специалистов, в данном случае – устных переводчиков.

Базой данного исследования является опрос, который провел автор работы среди китайских студентов, имеющих языковую практику по устному переводу, и устных переводчиков, работающих в государственных учреждениях или частных компаниях.

Цель нашей работы диктуется потребностями китайского общества в высококвалифицированных специалистах и заключается в определении задач современной образовательной системы в области подготовки устных переводчиков с русского языка на китайский и наоборот. Достижение этой (далеко не простой) цели требует решения, как минимум, трёх **задач**: 1) описания особенностей устного перевода как деятельности; 2) определения необходимых для данной деятельности профессиональных качеств китайского переводчика, работающего в условиях контактирующих культур и языков (русского и китайского); 3) определения задач, стоящих перед китайской образовательной системой в отношении подготовки высокопрофессиональных устных переводчиков.

Чтобы глубже понять проблему подготовки современного устного переводчика в контексте социального заказа на данного специалиста, остановимся на некоторых особенностях устной переводческой деятельности.

Как известно, переводы бывают письменными и устными. В отличие от письменного, устный переводчик воспринимает речь на слух и, соответственно, произносит свой перевод в устной форме. При устном переводе создание текста происходит либо параллельно с восприятием оригинала (**синхронный перевод**), либо после завершения речи-оригинала

(**последовательный перевод**). Иными словами, при любом виде устного перевода переводчик вынужден решать самые разные переводческие задачи сиюминутно, без задержки во времени [3–6].

В процессе этой деятельности у устного переводчика нет дополнительного времени для сопоставления своего устного произведения с оригиналом и, тем более, нет возможности исправить свой перевод, как это обычно происходит при письменном переводе.

Следовательно, успех в переводческой деятельности невозможен без определенного набора личностных качеств, которыми должен обладать специалист. Таким образом, речь идёт не просто об особенностях собственно перевода (как это было в традиционной системе подготовки переводчиков), а об особенностях языковой личности переводчика – его способности быстро реагировать, принимать решения, быть гибким, мобильным. Для решения этой, поставленной нами в новых условиях, задачи оценим, с одной стороны, результаты традиционной системы подготовки переводчиков в Китае, а с другой – наши наблюдения и исследования опыта работы устных переводчиков в условиях современной предпринимательской деятельности [7–8; 15].

В исследовании проблемы устного перевода в Китае можно выделить три этапа:

1) основной задачей начального этапа исследований (1970–80 гг.) было ознакомление с особенностями перевода на материале устных текстов, созданных практическими переводчиками, а теоретические вопросы оставались без системного рассмотрения;

2) начиная с 1990-х гг. деятельность исследователей начала стремительно развиваться в плане системного подхода к решению теоретических вопросов;

3) в последние десять лет в Китае началось глубокое изучение теории устного перевода: китайские лингвисты, основательно познакомившись с зарубежной теорией устного перевода, правилами и методами этого вида перевода, начали создавать собственную теорию перевода, связанную с особенностями китайской устной речи.

Как мы полагаем, тридцатилетняя история китайских лингвистических исследований устного перевода в Китае имеет как свои положительные, так и отрицательные стороны.

Далее мы остановимся на некоторых упущениях, которые, по нашему мнению, есть в сложившейся в Китае лингвистической теории устного перевода:

1) основная часть теоретических работ по устному переводу основывается на англоязычных источниках; изучение особенностей речи китайского и русского языков, контактирующих в устной форме, безусловно, недостаточно;

2) в качестве предмета исследования китайские лингвисты, чаще всего, выделяют письменный и устный перевод, однако сами виды перевода при этом обычно не дифференцируются, более того, исследований, посвящённых непосредственно устному переводу, явно недостаточно;

3) большое место в исследованиях занимает изучение различных теоретических вопросов собственно устного перевода, однако на данный момент китайская лингвистика не затрагивает проблем языковой личности самого переводчика, его картины мира в условиях контактирующих языков (русского и китайского), а также профессиональных качеств личности переводчика, обеспечивающих его речевую деятельность в условиях деловых контактов;

4) к настоящему времени в Китае не разработаны педагогически ориентированные

словари, которые бы учитывали возможности формирования тезауруса устного переводчика.

Общеизвестно, что переводчик служит «передатчиком» между людьми, сообществами, государствами. Деятельность переводчика возникает из потребности в общении людей, разделённых языковыми барьерами. Итак, устному переводчику не единожды, попеременно, приходится переводить прослушанное содержание в двух направлениях. При этом в процессе деятельности переводчик должен решать разнообразные профессиональные, психолингвистические и лингвистические вопросы сиюминутно и, разумеется, без словаря и справочника. Таким образом, в описанном выше процессе очень остро востребовано, как минимум, пять качеств **личности** переводчика:

1) **субъектность**, т. е. способность быть носителем, интерпретатором, хозяином не только своих, но и чужих действий и взаимодействий;

2) **цельность и целостность** личностных структур, обеспечивающих бесконфликтное решение спорных вопросов при столкновении разнонаправленных интересов;

3) **активность** в сочетании с опережающим вероятностным прогнозированием, **способность к моделированию** будущего успеха обслуживаемой сделки, а также **способность быстро реагировать и решать** поставленные задачи;

4) **интерактивность и гибкость**, обеспечивающие диалог/полилог участников деловой коммуникации;

5) **широкий кругозор и толерантность**, позволяющие бесконфликтно находиться в мультикультурном пространстве.

Устный переводчик, в связи с далеко не простым процессом деятельности устного перевода, а также весьма сложными условиями коммуникативной ситуации перевода и неза-

висимо от того, синхронист он или последовательный переводчик, всегда несёт на себе большую психологическую нагрузку. А эту нагрузку, в силу национального менталитета и культурных традиций, следует принимать во внимание именно китайским переводчикам: свойственные китайцам интровертированность, а особенно замкнутость и необщительность (сохранившиеся вследствие закрытости от внешних связей на протяжении большей части истории Китая) всегда мешают их переводческой деятельности [10]. Исходя из этого, подчеркнем: образовательная система призвана корректировать свои программы по формированию языковой личности переводчика, прежде всего, по развитию его **интерактивных** качеств. Одной из главных задач образовательной системы является нейтрализация качеств, мешающих деятельности устного переводчика, в частности замкнутости.

Устный перевод реализуется в диалогической речи, включающей монологические высказывания. И если в основе диалогической речи лежит такое качество личности, как интерактивность (об этом уже упоминалось выше), то помимо выделенных выше качеств личности, монологическая речь, включённая в диалог, требует от переводчика владения стратегией этой речи. Она, будучи целенаправленной, состоит из мыслительно-речевых актов ориентировки в ситуации планирования, реализации плана, базирующейся на выборе необходимых речевых средств, а также самоконтроля и корректировки. У устного переводчика деятельность значительно облегчена, если он знаком с основными типами и жанрами монологического высказывания/дискурса. Данная деятельность требует, с одной стороны, формирования такого качества личности, как **проактивность** (умение ставить цели и задачи, а также планировать и контролировать свою деятельность [11]), с другой –

знания грамматики на уровне текста. В образовательных программах до сих пор нет ни той, ни другой задачи, несмотря на их актуальность.

Выше был описан экстралингвистический (интерактивный и проактивный) аспект деятельности устного переводчика, а также в связи с ним определены и его необходимые качества как специалиста.

Подчеркнём: в теории перевода посвящено немало работ лингвистической стороне переводческой деятельности, и мы далее остановимся только на некоторых вопросах, недостаточно освещённых в теоретической литературе.

Как известно, устное общение, прежде всего, интерактивность, предполагает одновременное включение в речевую деятельность и адресанта, и адресата. Адресант в деловом общении – это всегда говорящий, а адресат – слушающий. Переводчик в этом интерактивном процессе – слушающий: чтобы правильно перевести, ему нужно не только понять слова говорящего/говорящих, но и оценить саму ситуацию, непосредственно связанную с успехом будущей сделки. Именно поэтому при моделировании деятельности переводчика (и его подготовки) на первый план выходит такой вид речевой деятельности, как аудирование.

В подтверждение сказанному приведем результаты нашего практического исследования. Более 80 % опрошенных практических переводчиков подчёркивают, что в переводе с русского языка на китайский наибольшую трудность для них представляет именно понимание. Это объясняется тем, что в процессе обучения языку не уделялось достаточного внимания развитию умений и навыков аудирования. Поэтому оно является самой слабой стороной подготовки китайских переводчиков [12]. Так, при устном переводе с русского языка на китайский (при условии, если в учеб-

ном процессе не автоматизирован навык) достаточно трудным является перевод единиц языка/речи, связанных с особенностями кодирования, с одной стороны, в китайском языке, с другой – в русском.

Примером может служить перевод чисел, начинающихся с десяти тысяч: *десять тысяч – 一万* (в китайском языке обозначено отдельным словом);

миллион – 百万 (выражается как *сто по десять тысяч*);

миллиард – 十亿 (выражается как *десять по сто миллионов*).

Как мы видим, в китайском языке данные числа кодируются совершенно по-другому.

Самым надёжным способом, помогающим переводчику при переводческом аудировании, считают переводческую скоропись, обеспечивающую относительную гарантию точности и полноты перевода. Скоропись помогает переводчику в письменной форме зафиксировать наиболее сложные моменты для перевода (даты, числа, географические названия) и, в то же время, облегчает нагрузку на память [13].

После восприятия части информации задача переводчика – воспроизвести перевод, т. е. речь идёт о говорении как виде речевой деятельности. В этом случае переводчику нужно передать то, что он услышал, быстро, точно и с ориентировкой на будущий успех. В процессе устного перевода переводчику приходится осуществлять двусторонний перевод, быстро переключаясь с одного языка на другой. В этом случае также одна из главных задач – правильно осуществить перекодирование. Рассмотрим примеры:

1) китайскую фразу *提高2倍* (дословный перевод – *повыситься 2 раза*) следует перевести, как *подняться в 3 раза*;

2) *减少了三分之二或减少到三分之一* (дословный перевод – *понизиться до 1/3 части*) – следует перевести, как *понизиться в 3 раза*;

3) *增长了100%或增长到200%* (дословный перевод – *повыситься на 100%*) – следует перевести как *возрасти до 200%*;

4) *增长了30%* (дословный перевод – *возрасти на 30%*) – следует перевести как *больше 1,3 раза* [14].

Опыт показывает, что практика совершенствования говорения как отдельного вида речевой деятельности в основном на уроке устной речи, как это обычно делается во многих китайских вузах, не даёт эффективного результата. Мы считаем необходимым акцентировать внимание на том, что важно начинать работу по овладению навыком говорения с самого начала обучения языку, и рекомендуем последовательные тренировки данного речевого навыка вместе с таким навыком, как письмо на каждом этапе.

Ниже рассмотрим проблемы перевода (а также вопросы формирования речи переводчика) в грамматическом, лексическом и фонетическом аспектах.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что при передаче содержания высказывания всегда мешает **структура исходного языка**. В китайском языке обычно соблюдается строгий порядок слов (подлежащее – сказуемое – дополнение); определение обычно располагается перед объясняемым словом. Например:

Здесь размещается Оружейная палата, сокровищница великих князей и русских царей. – 这里还有俄国历代沙皇和大公们的兵器馆和珍宝馆。

Кроме того, как известно, выделяют четыре типа монологической речи: описание, повествование, рассуждение и предписание (инструкция). Каждый из них имеет свой набор грамматических конструкций, и студентов

нужно не только учить всем этим конструкциям, но и создавать для студентов специальные педагогически ориентированные словари, помогающие самостоятельно овладевать речевыми структурами, в том числе свойственными устной речи, и таким образом формировать языковую личность будущего специалиста [9].

Необходимость дифференциации особенностей структуры, с одной стороны, письменной, с другой – устной речи, ставит устного переводчика в сложные условия: при переводе ему нужно быть очень внимательным, т. к. в реальной коммуникативной ситуации русские специалисты в своей устной речи часто не соблюдают те базовые модели и правила, которым учат в вузе.

На наш взгляд, весьма важную роль в процессе переводческой деятельности играет **лексика**, основной строительный материал речевого произведения: с ее помощью передается содержательная сторона высказывания.

В соответствии с государственным учебным планом Китая к окончанию университета студенты овладевают 8 000 русских слов, из которых только 4 000 – 5 000 единиц относятся к активной лексике. Однако эта ситуация не удовлетворяет потребности устного перевода, особенно в деловой сфере общения.

По результатам нашего исследования, 80 % студентов, прошедших языковую практику переводчика, считают, что в процессе изучения языка следует обращать больше внимания на увеличение словарного запаса; а по мнению 85 % работодателей, в работе переводчиков всегда наблюдается нехватка лексического запаса, особенно в специальной области. При переводе встречаются случаи, когда переводчик не может найти подходящего слова, эквивалентного данной ситуации, только из-за того, что многие переводчики механически запоминали эти слова без опоры на контекст.

Причина этого явления часто нехватка времени и психологическая неготовность переводчика к устному переводу, а также отсутствие специальных профильных словарей. Приведем примеры:

1) В предложении *В этом двигателе имеется источник энергии и холодильник в виде атмосферы* слово *холодильник* теряет значение «домашний электронный прибор» (冰箱), а его следует переводить как «устройство для охлаждения» (冷却装置或冷却器).

2) *Жизнь на этом заводе всегда кипит: и днём, и ночью шумят машины.* – 这家工厂的生产总是热火朝天: 机器昼夜轰鸣. Слово *жизнь* в этом предложении рекомендуется перевести на китайский язык как «производство».

Когда речь идёт об устном переводе, мы не можем не принимать во внимание **фонетический** аспект. Например, китайские переводчики часто путают числительные *двенадцать*, *девятнадцать* и *двадцать*, которые им (и их преподавателям) не представляются трудными. Однако звуковые комплексы этих слов с точки зрения китайской фонетической системы очень похожи.

Итак, мы рассмотрели лишь некоторую часть проблем, связанных с деятельностью устного переводчика. Всё сказанное обосновывает нашу идею комплексного подхода к подготовке будущих переводчиков, в центре которого мы ставим целостную языковую личность, её профессиональные качества. Далее сформулируем те задачи, которые предстоит решать китайской образовательной системе при подготовке высокопрофессиональных устных переводчиков:

1. Определение необходимых для деятельности устного перевода особенностей, качеств личности переводчика, моделирование данной личности в аспекте будущей профессиональной деятельности.

2. Формирование качеств личности, обеспечивающих профессиональное, деятельностное общение: а) способности к **интерактивному** поведению (что является базовым компонентом структуры общения); б) **проактивных стратегий общения**, позволяющих ставить цели и достигать их.

3. Способность к интерактивному поведению, в свою очередь, предполагает формирование таких важных для переводчика профессиональных качеств, как **быстрое и правильное реагирование в процессе переговоров, активность и способность к прогнозированию ситуации общения, гибкость, мобильность, решительность при принятии переводческих решений**.

4. Проактивные стратегии общения предполагают, соответственно, **наличие проактивных качеств**, заключающихся в умении **ставить цели, определять задачи, планировать и корректировать** свою деятельность в переговорном процессе, быть **последовательным и внимательным**. А для реализации проактивных стратегий общения насущными являются такие профессионально значимые качества, как субъектность, цельность и целостность личностных структур.

5. Формирование таких профессионально ориентированных качеств личности, как широкий кругозор с чётко организованной картиной мира, толерантность, эмпатия (в связи с работой переводчика в условиях контактирующих культур и языков – русского и китайского).

6. Потребности переводчика в формировании широкого кругозора с соответствующей картиной мира, а также в специально организованных языковых/речевых структурах ставят перед образовательной системой принципиально новые задачи: создание нового поко-

ления учебников, учебных пособий, компьютерных программ, словарей и справочников, основанных на коммуникативно-функциональном направлении в лингвистике, в центре изучения которого не только контактирующие языки (китайский и русский), но и дифференциация а) устной и письменной форм речи; б) диалогических/монологических речевых структур, в) в сочетании с тщательным отбором единиц, представляющих особые коды в каждом из языков.

7. Потребность переводчика в усвоении огромного количества языковых/речевых единиц (обеспечивающих устное общение), а также недостаток учебного времени на удовлетворение этих потребностей заставляют образовательную систему значительно переорганизоваться, чтобы организовать педагогическую деятельность, с одной стороны, в опоре на личность самого обучаемого, на такие его качества, как самостоятельность и обладание личностными стратегиями получения знаний и формирования умений, с другой – на интегрировании всех компонентов образовательной системы, в том числе его учебного материала. Безусловно, здесь необходимы инструменты, помогающие будущему специалисту осуществить своё стремление к самостоятельности: создание специальных библиотек/лабораторий с необходимыми специальными словарями и справочниками, а также инструкциями по их использованию, компьютерными пособиями, системами дриллов, материалами для самопроверок и т. п.

8. Поощрение деловых контактов образовательного учреждения или самих учащихся и работодателя с максимальным использованием возможностей для реализации на практике формируемой коммуникативной компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухаммад Л. П. Языковая личность иностранного студента-нефилолога. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2003. – С. 5–23.
2. Криворот В. В. Профессиональная подготовка переводчиков в условиях эффективной межкультурной коммуникации. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – 124 с.
3. Зулхаят Аманулла. Трудности обучения аудированию русской речи китайских студентов и пути их преодоления // Русск. язык за рубежом. – 2007. – № 5. – С. 39–43.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1985. – 240 с.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебн. пособие. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с. – С. 329–347.
6. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 207 с.
7. Чужакин А. П., Спирина С. Г. Основы последовательного перевода и переводческой скорописи. – М.: Экспримо, 2007. – 57 с.
8. 任文. 杨平. 迈向国际化中国口译研究发展的现状与趋势[J]. – 中国翻译, – 2011年第1期.
9. 徐炳富. 口译学员心理素质的培养[J]. – 考试周刊. – 2008年第37期.
10. 朱达秋, 徐曼琳. 《实战俄语口译》[M]. – 外语教学与研究出版社. – 2007.
11. 柴明颀. 口译职业化带来的口译专业化[J]. – 广东外语外贸大学学报, – 2007年第3期. – 第. 12–14页.
12. 罗建生. “论非专职口译者的素质与要求”[J]. – 中南民族大学学报. – 2005年第1期, – 第. 155–158页.
13. 黄忠廉. “翻译硕士专业学位更应突出应用性和实践性”[N]. – 《中国社会科学报》, – 2010年第6期.
14. 刘利民. 以中俄“语言年”为契机推动我国俄语人才培养上新台阶[N]. – 光明日报. – 2009. – 年3月24日.
15. 平芸. 大学生职业素养的培养[J]. – 现代商贸工业. – 2007 – 年第1期. – 第54–55页.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.09)

Zulhayat Amanullah, Associate Professor of Foreign Languages, Institute of Xinjiang University, Urumqi, China.
E-mail: zibayim@126.com

THE FORMATION OF PROFESSIONAL QUALITIES OF AN INTERPRETER: RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Abstract

This article is related to the features of oral translation activities that are considered essential for professional Chinese interpreters. Our research is based on the result of a survey conducted among Chinese students, interpreters and employers. The objective was to analyze the peculiarities of oral translation activities, to identify the personality traits that are considered crucial for professional Chinese translator in particular; and at the same time, to raise challenges that the Chinese education system is facing in relation to the training of highly professional interpreters. The relevance of research on this article is determined by the development of cooperation between China and Russia, and great demands on quality interpreters in the Chinese society. In the conclusion of this article, the tasks that lie ahead of the Chinese education system are formulated, in the preparation of professional interpreters.

Keywords

Interpretation, Chinese interpreters, professional quality, Russian Language, Chinese Language.

REFERENCES

1. Muhammad L. P. *Linguistic personality of a foreign student of ephrology*. Moscow, The Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2003, pp. 5–23. (In Russian)
2. Krivorot V. V. *Professional training of translators in terms of effective intercultural communication*. Minsk, Belarusian State University Publ., 2011, pp. 124–127. (In Russian)
3. Zulhayat Amanullah. The difficulties of teaching listening comprehension of Russian speech of Chinese students and ways to overcome them. *The Russian language abroad*. 2007, no. 5, pp. 39–43. (In Russian)
4. Barkhudarov L. S. *Language and translation*. Moscow, International relations Publ., 1985, 240 p. (In Russian)
5. Komissarov V. N. *Modern translation studies*. Moscow, ETS Publ., 2001, pp 329–347. (In Russian)
6. Komissarov V. N. *Linguistics of translation*. Moscow, 1980, 207 p. (In Russian)
7. Chuzhakin A. P., Spirin S.G. *Fundamentals of consecutive interpretation and translators' shorthand*. Moscow, Exprimo Publ., 2007, 57 p. (In Russian)
8. Ren Wen, Yang Ping. The current situation and tendency of the research on Chinese interpretation towards internationalization. *Journal China translation*. 2011, no. 1. (In Chinese)
9. Xu Bingfu. The psychological quality cultivation of interpreters. *Journal Weekly examination*. 2008, no. 37. (In Chinese)
10. Zhu Daqiu, Xu Manlin. *On Russian interpretation*. Foreign language teaching and Research Press Publ., 2007, pp. 15–25. (In Chinese)
11. Chai Mingjiong. Professionalism and specialization of interpreters. *Journal of Guangdong University of Foreign Studies*. 2007, no. 3, pp. 12–24. (In Chinese)

12. Luo Jiansheng. The requirements and qualities of non-full-time interpreters. *Journal of South-Central University For Nationalities*. 2005, no. 1, pp. 155–158. (In Chinese)
13. Huang Zhong Lian. Highlight on the application and practicality of MTI. *Chinese society science news*. 2010, no. 6. (In Chinese)
14. Liu Limin. Taking the Sino Russian language year an opportunity to promote China's Russian personnel training. *Guangming Daily*. 2009, 24 march (In Chinese)
15. Ping Yun. The cultivation of college student's professional qualities. *Modern commerce industry*. 2007, no. 1, pp. 54–55. (In Chinese)

© Л. Н. Храмцова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.10)

УДК 81'373

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ ПОЗИТИВНЫЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Л. Н. Храмцова (Новосибирск, Россия)

*В статье исследуются активные процессы в семантике и прагматике слова **позитивный**, происходящие в современном русском языке. Обосновывается мысль о том, что изменения в лексическом значении фиксируют принципиально новые черты русской ментальности, которые формируются под влиянием культурных стереотипов западного мира. На основе изучения текстов СМИ установлено, что слово **позитивный** расширяет свою семантику, появляются новые смысловые компоненты, не отраженные в толковых словарях современного русского языка. Изменяется сфера функционирования слова: оно выходит за рамки научного стиля и начинает широко употребляться в публицистике и разговорной речи. Расширяется лексическая сочетаемость данного слова, становится возможным употребление с одушевленными существительными. В статье изучается сочетание **позитивный человек**, делается вывод о смысловой близости нового значения с семантическими полями «Активность», «Улыбчивость», «Коммуникативность». Это позволяет говорить о заимствованном характере семантики и влиянии западных стереотипов на формирование ценностной картины мира русских людей.*

*Особое внимание уделяется анализу рефлексивных высказываний интернет-пользователей. На основе анализа комментариев к выражению **позитивный человек** прослеживается динамика оценочного отношения к заимствованному понятию.*

Ключевые слова: семантика, прагматика, динамические процессы в языке, языковая картина мира, языковое сознание.

По мнению многих лингвистов, в русском языке конца XX – начала XXI вв. наблюдаются процессы, которые отражают изменения, происходящие в жизни общества и в сознании людей [1–3]. Как отмечает А. Вежбицкая, «семантические факты любого

языка отражают в себе некую “наивную картину мира”, которая если и не общепринята среди носителей данного языка, то по крайней мере общеизвестна: на каком-то уровне она кажется носителям языка естественной, потому что она запечатлена в самом языке» [4, с. 6].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Храмцова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: llyudmilanik@yandex.ru

Слова, частота употребления которых стремительно нарастает, выступают своего рода показателями, индикаторами эпохи и приобретают статус «ключевых». Важную роль в их популяризации играют современные СМИ, о чем справедливо замечает Б. Ю. Норман: «Речевая среда воспитывает человека <...> Человек не может отгородиться, откреститься от этой речевой стихии – она окружает его всюду, навязывается ему независимо от его возраста, пола. Как часто слово или выражение, пришедшее с экрана или газетной полосы, с головокружительной быстротой распространяется в обществе, входит в индивидуальное сознание носителя языка» [5, с. 12].

Современная языковая эпоха характеризуется не только появлением новых слов, но и формированием новых смыслов давно известных слов. «Слово, – пишут В. Д. Черняк и В. А. Козырев, – находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно – два десятилетия» [6, с. 12].

Отмечая особую роль словарей в экспликации современной социокультурной ситуации, все-таки признаем, что традиционная лексикография часто не успевает отражать все стремительные изменения в словарном составе современного русского языка. Лексикографическая интерпретация многих слов не соответствует их реальной семантической и прагматической характеристике.

Одна из таких лексема – слово **позитивный**. Оно живет в русском языке уже не одно столетие.

Опираясь на словари русского языка и контекстный анализ, проследим, как формировалась семантическая структура анализируемого слова. По мнению В. В. Виноградова,

«для понимания строя лексической системы, свойственной тому или иному периоду в развитии языка, необходимо знание типов мышления, свойственных разным эпохам, необходимо отчетливое представление исторических законов связи понятий и значений» [7, с. 5]. Для выявления семантических сдвигов, произошедших в лексеме **позитивный**, мы обратились к словарям разных типов.

На основании данных этимологических словарей можно сделать вывод о том, что слово **позитивный** известно русскому языку со времен эпохи Петра I: оно пришло либо через немецкий, либо через французский язык, но восходит к латинскому *positivus* (положительный). В словаре М. Фасмера приведены следующие данные:

«Позитивный – "положительный, определенный", начиная с Петра I; см. Смирнов 229. Через нем. *positiv* "определенный" (с 1652 г.; см. Шульц–Баслер 2, 610 и сл.) или франц. *positif* из лат. *positivus*. Дальше в фонетическом отношении стоит польск. *pozytywny*, вопреки Смирнову» [8].

Сопоставление словарных статей слова **позитивный** в толковых словарях русского языка различных периодов позволяет сделать вывод о практически полном их совпадении: авторы всех словарей выделяют три значения и, более того, приводят практически одни и те же примеры в качестве иллюстративного материала. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова представлено три значения слова **позитивный**:

позитивный – «(латин. *positivus* – положительный) (книжн.). 1. Основанный на опыте, на фактах, реальный. *Буржуазия обманывает народ всякими "позитивными" национальными программами. Ленин. Позитивные науки.* 2. Выраженный в положительной форме; противоп. *негативный* 1. *Позитивное*

суждение. 3. только полн. формы. Прил. к *позитив* (фот.). *Позитивный отпечаток. Позитивная философия* (филос.) – то же, что **позитивизм** в 1 знач. [9].

Пометы, использованные в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, позволяют сделать вывод о том, что слово имело узкую сферу функционирования и употреблялось преимущественно в письменной речи, прежде всего научной. В словарной статье, наряду с пометой обобщенного характера *книжн.* (книжное), используются частные узкоспециальные пометы *фот.* (указывает на терминологическую принадлежность сфере фотодела) и *филос.* (философское).

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1987) и в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина (2005) представлены те же значения, изменился лишь порядок их расположения. Ср.:

«**Позитивный**, -ая, -ое; -вен, -вна. 1. см. позитив. 2. Основанный на фактах, на опыте, положительный (книжн.). *Позитивная программа*. 3. Выраженный в положительной форме; противоп. **негативный** (книжн.). *Позитивное суждение*. || сущ. **позитивность**, -и, ж. (ко 2 и 3 знач.)» [10];

«**Позитивный** [нем. *positive*, фр. *positif* < лат. *positivus* положительный]. 1. *полн.ф.* Относящийся к *позитиву*. *Позитивное изображение*. || Ср. **негативный** (в 1-м знач.). 2. Основанный на фактах, на опыте. *Позитивная программа действий*. || Ср. **конструктивный** (во 2-м знач.). 3. Положительный; противоп. **негативный** (во 2-м знач.). *Позитивное суждение*. **Позитивность** – свойство позитивного (во 2-м и 3-м знач.)» [11].

Как видим, все словари соотносят прилагательное **позитивный** в одном из его значений с существительным **позитив**, также имеющим узкую сферу употребления. Так, напри-

мер, в словаре С. И. Ожегова для характеристики этого слова используется помета *спец.* (специальное):

«**Позитив**, а, м (спец.). Снимок с негатива, дающий изображение, светлые и темные части или цвета которого отвечают их распределению в действительности. || *прил. позитивный*, -ая, -ое» [10].

Интересное наблюдение касается существительных **позитив** и **негатив**. Во всех словарях представлены лишь значения терминологического характера. И только в «Словаре иностранных слов» Л. П. Крысина у слова **негатив** появляется разговорное значение – «факты или сообщения, вызывающие отрицательные эмоции»; см.: «**НЕГАТИВ**, а, м. [нем. *Negativ*, фр. *negative* < лат. *negativus* отрицательный]. 1. Изображение на светочувствительной пленке (пластинке), на котором светлые места получают темными, а темные – светлыми, а также пленка (пластинка) с таким изображением. *Отпечатки с негативов*. || Ср. **позитив**. 2. *мн. нет, разг.* Факты или сообщения, вызывающие отрицательные эмоции. *Сплошной негатив*» [11]. В этом же словаре существительное **позитив** сохраняет свое терминологическое значение: «**ПОЗИТИВ**, а, м. [нем. *Positive* < лат. *positivus* положительный]. Полученное с *негатива* (в 1-м знач.) фотографическое изображение, светлые и темные части или цвета которого соответствуют их распределению в действительности» [11].

Переносное же значение разговорного характера («что-л. положительное») появляется в толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой [12].

Значение «основанный на опыте, на фактах, реальный» сопровождается одинаковым во всех словарях иллюстративным контекстом «*позитивная программа*» и восходит к *позитивизму* – «философскому учению, признающему единственным источником истинного,

действительного знания эмпирические исследования, т. е. основанные на человеческом опыте». Л. П. Крысин усматривает семантическую близость этого значения с прилагательным **конструктивный** во втором значении – «плодотворный, такой, который можно положить в основу чего-н.; противоп. *деструктивный*» [11]. Третье значение слова **позитивный** определяется как книжный синоним слову **положительный** («выражающий, заключающий в себе утверждение чего-л.»). В словаре синонимов (1976) обнаруживаем следующий синонимический ряд: **ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ** («выражающий, заключающий в себе утверждение чего-л.») – *Положительная программа*, – **ПОЗИТИВНЫЙ** *книжн.* – Антонимы: *отрицательный, негативный* [13].

В этом значении слово вступает в антонимические отношения со словами **отрицательный** и **негативный** и во всех толковых словарях обнаруживается один и тот же иллюстративный контекст – *Позитивное суждение*.

Вывод, полученный нами в результате лексикографического анализа слова **позитивный**, совпал с мнением И. Б. Левонтиной о том, что «это тот характерный для нашего языка случай, когда сосуществуют и прямое заимствование (позитивный), и калька (положительный), с причудливым распределением по математическим, философским, грамматическим и прочим контекстам» [14]. Известно, что слова иноязычного происхождения медленнее претерпевают процесс освоения, если сфера их употребления ограничена. Как отмечает В. К. Харченко, «книжное слово, как это ни парадоксально, сырое слово, оно должно пройти личную апробацию, должно состояться внедрение книжного слова в жизнь, только тогда оно приобретет “вторичную ценность”» [15, с. 20]. На наш взгляд, можно предположить, что именно ограничение сферы употребления было препятствием к развитию

семантической структуры слова: как видим из словарных статей, система значений слова долгое время оставалась неизменной.

Наблюдения за функционированием слова **позитивный** в современной русской речи позволяет говорить о том, что лексикографическая интерпретация не отражает реальной семантики слова. Прежде всего, изменяется сфера употребления: слово явно выходит за рамки книжного стиля и начинает широко использоваться в публицистическом стиле и разговорной речи. Примеры из интернет-дискурса свидетельствуют также об изменении синтагматических связей. Так, в современной речи становится возможным сочетание лексемы **позитивный** с одушевленными существительными. Например: 1) *Как распознать, позитивный ты человек или нет;* 2) *Позитивная женщина: как стать оптимисткой;* 3) *Ведь только женщина может сделать это правильно и создать позитивного мужчину, и для этого ей необходимо будет пройти пятиступенчатый план.*

Отличительной особенностью современного дискурса становится также употребление анализируемой лексемы со словами с конкретной семантикой. Например: 1) *Очень позитивный и радостный фасон, когда облегающий верх заканчивается резко расширяющимся ярким низом с четкой формой и длиной выше или чуть ниже колена;* 2) *Это чудо архитектуры называется Счастливым Домом Рицци, и считается самым позитивным домом на Земле;* 3) *Позитивные дизайнерские носки; А если у вас отличное настроение, то смотрите позитивных котов и смейтесь от души.*

Анализ современных употреблений слова **позитивный** позволяет сделать вывод о расширении его лексической сочетаемости. Утрата книжного характера, вхождение в ак-

тивное словоупотребление, способность сочетаться со словами разных сематических сфер привели к формированию новых смыслов, не представленных в толковых словарях. Новое лексическое значение лексемы **позитивный**, на наш взгляд, можно сформулировать следующим образом, в том числе включая образный компонент: все, что вызывает положительные эмоции, радость, повышает настроение, отвлекает человека от его жизненных проблем, приносит яркие краски в серые будни. Как видим, оно представляется предельно размытым, диффузным: говорящие часто вкладывают свой смысл, понимают каждый по-своему.

В рамках статьи проанализируем сочетание **позитивный человек** и попытаемся выяснить пути формирования нового значения слова **позитивный**.

В данном случае мы имеем дело с явлением, которое получило в научной литературе название «импорт концепта». Как отмечает В. И. Карасик, главное отличие таких концептов – это внедрение чужих ценностных отношений, которые не свойственны русской культуре [16, с. 179]. В данном случае можно говорить о влиянии американской культуры ценностей, т. к. система позитивного мышления зародилась в Америке конца XIX в. и позитивный человек – это тот, кто отличается позитивным мышлением. Появление выражения **позитивное мышление** вполне объяснимо, т. к. опирается на значение, представленное в толковых словарях и восходящее к латинскому корню со значением «выраженный в положительной форме, утвердительный». Основу по-

зитивного мышления, как известно, составляют аффирмации – позитивные утверждения, которые помогают человеку изменить образ мыслей, стимулируют положительные изменения в жизни. При этом не допускается использование отрицаний, т. к. считается, что негативные формулировки не воспринимаются подсознанием. Благодаря позитивному мышлению появляется позитивно мыслящий человек. Выделим смыслы, закрепленные за выражением **позитивный человек**. Они в конце XX – начале XXI вв. были привнесены в русскую лингвокультуру из американской и внедрены в русское языковое сознание.

1. **Позитивный человек всегда активен, он сам строит свою жизнь.** Как показал анализ контекстов, слово **позитивный** часто встречается в окружении таких прилагательных, как **целеустремленный** («стремящийся к определенной, заранее намеченной цели») и **амбициозный** («стремящийся изменить жизнь, ситуацию к лучшему; претендующий на высокую оценку, на успех»). В их лексических значениях интегральной является сема ‘деятельность’/‘активное начало’. Например: 1) *Мы очень молодая, но весьма **амбициозная** и **позитивная** компания, и мы всегда рады Вас видеть у нас в офисе!¹*; 2) *Если ты **активный, амбициозный, позитивный** и **жизнерадостный**, то мы, молодежный актив ФОК ФОКУСа, приглашаем тебя к нам!!!²*; 3) *Работа для тех, кто ищет работу в интернете! Если ты **целеустремленный** и **позитивный** в жизни человек, то мы сможем работать вместе!³*; 4) *Я очень **позитивный** и **целеустремленный** человек. Люблю ударно работать и от души отдыхать⁴*; 5) *Состоялась встреча*

¹ Издательский дом «Позитив» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ph-positive.kg/> (дата обращения 26.11.2014).

² Физкультурно-оздоровительный комплекс «Фокус» [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/wall-49286128_287 (дата обращения 26.11.2014).

³ Заработок в интернете [Электронный ресурс]. – URL: http://vk.com/wall-28065973_2853 (дата обращения 26.11.2014).

⁴ Сайт знакомств [Электронный ресурс]. – URL: http://mylove.ru/egor7175/#window_close (дата обращения 26.11.2014).

мэра Пятигорска Льва Травнева с членами Молодежной общественной палаты города. Их тридцать – **активных, позитивных и амбициозных**⁵.

Семантическая структура слова **амбициозный** также претерпела значительные изменения в русском языке конца XX – начала XXI вв. Традиционно в русской культуре амбиции соотносились исключительно с негативными чертами характера, см. синонимический ряд: «высокомерие, высокомерность, гордость, надменность, важность, спесь, спесивость, кичливость, чванство, чванливость, барство, заносчивость, зазнайство, гонор, фанаберия (разг.), форс (прост.), гордыня (уст.)» [17]. В современном русском языке сформировалось новое значение с положительной коннотацией: амбиции заставляют человека двигаться вперед, к реализации поставленных целей. Таким образом, позитивный человек в представлении западной культуры обязательно должен отличаться активной жизненной позицией, которая проявляется в том, что он работает над собой с целью достижения успеха.

Выражение **позитивный человек**, пожалуй, семантически ближе всего слову **оптимист**, восходящее к латинскому *optimus* («наилучший»). Лексическое значение этого слова В. И. Даль определял так: «Кто держится оптимизма, убежденья, что все на свете идет к лучшему» [18]. Отличие оптимиста от позитивного человека заключается в том, что ему не свойственна такая черта характера, как погоня за успехом, он не будет вырабатывать в себе подобное качество путем тренировок, упражнений или аффирмаций, т. к., скорее, надеется, что все произойдет само собой. Ср.: 1) *По натуре и по характеру я оптимист.*

Опыт говорит о том, что мы идём вперёд. Да, с пробуксовками, не так быстро, как хочется, но всё-таки идём в нужном направлении (Вл. Губарев, Г. Жеребцов. Академик Геллий Жеребцов: кто несет «сибирский крест»? // Наука и жизнь. 2008); 2) *Я, оптимист по природе, наивная девушка, надеющаяся встретить принца на прекрасном белом коне* (О любви // Форум. 2005); 3) *По натуре он оптимист и, несмотря на все трудности, верит в светлое будущее России, считая, что каждый должен внести свой посильный вклад в это святое дело* (Л. Зорин. Романтика трудных дорог // Газовая промышленность. 2004. 11. 17). В приведенных контекстах рядом со словом **оптимист** употреблены лексические единицы *по натуре, по характеру, по природе*. Они указывают на то, что это качество является врожденным, свойственным характеру человека, который во всем видит светлые стороны, верит в будущее, в успех.

Как справедливо отмечают авторы коллективного исследования, проведенного под руководством И. А. Стернина и М. А. Стерниной, главное отличие западной культуры – акцент на активности самой личности. В качестве одной из доминантных черт американского национального характера в монографии названо трудолюбие, добросовестность американцев: «Важной ценностью для американского общества является деятельность (*activity*). Человек должен быть замечен своей интенсивной деятельностью, именно она приведет его к успеху. В этом смысле русский характер скорее созерцательный, чем деятельностный» [19, с. 30].

Упорные тренировки, выполнение ежедневных упражнений, запись четких целей в

⁵ Город-курорт Пятигорск. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://pyatigorsk.org/ru/novosti/item/2158-lev-travnev-vstretilsya-s-chlenami-molodezhnoj->

obshchestvennoj-palaty-pyatigorska-ii-sozyva (дата обращения 26.11.2014).

дневник (блокнот) с последующим анализом – это привнесенные западные черты. Рассмотрим примеры: 1) *Как же научиться позитивно мыслить? – спросите вы. Думаю, здесь весь секрет в вас самих. Да-да!) А точнее в упорных тренировках и работой над самим собой. Вот увидите, пройдет некоторое время, и вы сами не заметите, как это войдет у вас в привычку*⁶; 2) *Вы ведете дневник, куда записываете свои идеи, цели, хорошие события, которые произошли с вами, и любите его перечитывать*⁷; 3) *На первых порах можно завести «дневник позитива». И там пометать всё хорошее, что было в прошедшем дне*⁸.

В подобных контекстах употребляются сочетания, актуализирующие семантику «обучаемости» позитивному мышлению, что приводит к формированию в сознании современных носителей русского языка идеи о возможности каждого человека стать позитивным и добиться успеха, реализовать свои таланты и способности, раскрыть свой внутренний потенциал. Безусловно, эта идея появилась в русской культуре под влиянием понятия «американской мечты», когда человек самостоятельно упорным трудом добивается успеха в жизни. Можно говорить о сближении двух понятий: позитивный человек и успешный человек, – которые сформировались в русском языковом сознании в конце XX – начале XXI вв. Речь идет о том, что позитивное мышление рассматривается как путь к успеху, достижению высокого служебного положения, выдающихся результатов в

карьере, бизнесе, а успех невозможен без позитивного мышления.

2. **Позитивно настроенные люди много улыбаются.** Помимо таких личностных качеств делового человека, как целеустремленность, дисциплинированность, умение работать над собой, позитивный человек наделяется также обязательными атрибутами невербального поведения, среди которых преобладающими являются улыбка и общительность.

Существующие стереотипы о том, что русские люди не улыбаются, мрачные и угрюмые, в отличие от американцев (для которых улыбка является не только обязательным проявлением доброжелательности, но и своеобразным знаком личного успеха и материального благополучия), позволяет нам сделать вывод об «импортированном» характере семантического компонента ‘улыбающийся/выражающий радость, удовольствие’ в значении слова **позитивный**. В современной русской речи находим многочисленные примеры употребления данного слова в окружении лексем семантического поля «Улыбка». Например: 1) *Позитивный человек – это такой приятный парень (девушка), часто улыбается, оптимистично смотрит на жизнь, не расстраивается по пустякам, подзаряжает окружающих энергией*⁹; 2) *Это просто жизнелюбивый человек, не расстраивается по пустякам, даже если ему больно, он никогда не покажет этого. Трудно довести его до слез. Он просто живет и радуется жизни, смотря на таких людей, самому улыбаться хочется.*

⁶ Позитивное мышление и изменение убеждений – волшебный ключ к успеху [Электронный ресурс]. – URL: <http://zenslim.ru/node/Позитивное%20мышление%20и%20изменение%20убеждений> (дата обращения 26.11.2014).

⁷ Позитивный ли вы человек? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sun-hands.ru/29pozitivnyj_li_vy_chelovek.html (дата обращения 26.11.2014).

⁸ Как стать позитивным человеком? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.siladeneg.ru/stat-pozitivnym.html> (дата обращения 26.11.2014).

⁹ Позитивный человек или снова о стереотипах [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.samorazvitie.ru/2011/07/pozitivnyj-chelovek.html> (дата обращения 26.11.2014).

Побольше позитива, люди. Улыбки притягивают¹⁰; 3) Есть позитивные и улыбающиеся люди, от них прямо заряжаешься солнечной энергией и хорошим настроением! Жаль, что я редко таких встречаю¹¹.

Как видно из контекста: *Михаил Ильдюшин – ещё один вечно неспокойный позитивный человек. Человек с неизменной улыбкой на лице и искрами в глазах, всё время пока общаешься с ним, не покидает ощущение какого-то наступающего праздника¹²*, отличительной особенностью таких людей становится не только собственное хорошее настроение, но и транслирование его окружающим.

Таким образом, улыбка, изначально не входившая в стереотипный набор поведения русского человека, начинается восприниматься русскими как неотъемлемая черта поведения позитивного человека.

3. Позитивный человек легко общается, устанавливает контакты с людьми. Лексема *позитивный* часто встречается в одном ряду со словами: *коммуникабельный, общительный, открытый*, – что говорит об их семантической близости. Например: 1) *Требуется менеджер по работе с тренингами и консультациями. Личные характеристики: позитивный, коммуникабельный, активный¹³*; 2) *Необходим позитивный, активный и коммуникабельный человек: координация и организационное обеспечение встреч и приема посетителей¹⁴*; 3) *Я очень общительный и позитивный человек. Легко нахожу общий язык с людьми и противоположным полом в*

том числе¹⁵. Частое использование этих лексем в объявлениях о приеме на работу и резюме объясняется соблюдением соискателями рекомендаций специалистов по предоставлению информации о себе: в резюме следует использовать те же слова, что и работодатель – в объявлении, говорить с ним на одном языке. Это привело к формированию стереотипа: позитивный человек отличается коммуникабельностью и является искренним, открытым, умеет общаться, устанавливать контакты, заводить новые знакомства. Получив широкое употребление в интернет-коммуникации, описываемые лексические единицы превратились в своеобразный шаблонный набор языковых средств, которые повторяются, воспроизводятся интернет-пользователями в большом количестве речевых ситуаций виртуального общения, причем не только на сайтах коммерческих или частных объявлений, но и в других жанрах – таких, как блоги, форумы, чаты, личные веб-страницы и др.

Контекстный анализ показал, что ядерными смыслами в структуре лексического значения *позитивный человек* являются ‘активность’, ‘улыбчивость’, ‘общительность’. «Чужеродный» характер ментального образования *позитивный человек*, отсылающий нас к системе ценностей другого народа, очевиден. В подтверждение представим результаты анализа высказываний-рефлексивов (контекстов интернет-пользователей), содержащих комментарии относительно значения и употребле-

¹⁰ Кто такой позитивный человек [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.mail.ru/question/67300844> (дата обращения 26.11.2014).

¹¹ Вас раздражают позитивные радостные люди? [Электронный ресурс] – URL: <http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=777442> (дата обращения 26.11.2014).

¹² Велоклуб «Сотня», г. Кирово-Чепецк [Электронный ресурс]. – URL: <http://velo100.ru/taxonomy/term/216> (дата обращения 26.11.2014).

¹³ Форум по йоге [Электронный ресурс]. – URL: <http://yoga-forum.ru/showthread.php?t=2284> (дата обращения 26.11.2014).

¹⁴ Работа в Смоленске [Электронный ресурс]. – URL: <http://smolensk.freejob.ru/vacancy/39665/> (дата обращения 26.11.2014).

¹⁵ Онлайн-консультации экспертов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.liveexpert.ru/> (дата обращения 26.11.2014).

ния слова **позитивный**. Восприятие позитивного человека с его принципами и привычками вызывает у русских людей противоположные чувства, что в принципе ожидаемо в силу свойственного русскому языковому сознанию противоречивого характера. Наряду с одобрительным отношением, встречается большая группа высказываний, содержащих отрицательную оценку.

Об одобрении и принятии позитивного образа жизни можно судить по многочисленным Интернет-ресурсам: создаются сайты, блоги, чаты, форумы, где обсуждаются вопросы позитивного мышления. Например: 1) Веб-ресурс *VsehBlag.info* предназначен для всех, кто так или иначе интересуется позитивным мышлением. Если Вы устали от потока негативной информации, то, просто зайдя утром на *PositiveClub.info*, Вы сможете начать свой день с хороших новостей¹⁶; 2) Приветствуем тебя на самом позитивном сайте! У нас всё позитивное: картинки, рассказы, фотографии, статьи! А главное – у нас все люди позитивные! Мы все улыбаемся, делимся радостью и хорошим настроением!¹⁷; 3) Все о позитиве – на сайте <http://vse-o-positiv.ru>, вы найдете множество всего интересного для поднятия настроения: позитивные видеоролики, музыку и аудио, мотивирующие картинки, притчи, аффирмации, книги и много другое¹⁸; 4) Позитивный сайт

*создан для настроения на хорошее, для саморазвития и самосовершенствования, обучения других людей мыслить широко!*¹⁹

Среди высказываний интернет-пользователей находим примеры как полного принятия нового концепта и выражающего его слова, так и решительное отвержение. Ср.: 1) *О, мое любимое словечко! Позитив рулит! Это действительно все положительное и приятное, решительное и действенное!!! В общем – полный шоколад!!! Позитив несет свет!!!*²⁰; 2) *Вот скажите, вас не бесит слово позитив? Или когда говорят человек позитивный, вообще уже не могу это слово слышать; А когда «позитивный человечек такой» говорят, то вообще застрелиться можно*²¹; 3) *Особенно бесит, что люди зачастую «ляпают» эти слова направо и налево. «Выглядит» это очень ужасно, а если ещё через каждое слово «позитив», креативный*²²; 4) *Если я начну со слов «ненавижу позитив», вы, друзья, закидаете меня тапками. И все же я начну именно так: ненавижу слово «Позитив». <...> В общем, от слова «позитив» меня уже тошнит не по-детски. <...> Поэтому продолжаю – достало слово «позитив»*²³.

В большинстве рефлексивных высказываний негативная аксиологическая семантика представлена разговорными глаголами **бесить**

¹⁶ Позитив-клуб [Электронный ресурс]. – URL: <http://vsehblag.info/index.php/proekt> (дата обращения 26.11.2014).

¹⁷ Позитив. Мир позитива [Электронный ресурс]. – URL: <http://pozitivmir.com/> (дата обращения 26.11.2014).

¹⁸ Все о позитиве [Электронный ресурс]. – URL: <http://vse-o-positiv.ru/> (дата обращения 26.11.2014).

¹⁹ Позитив и идеи Мари – сайт, поднимающий настроение [Электронный ресурс]. – URL: <http://inetmari.ru/o-bloge/> (дата обращения 26.11.2014).

²⁰ Что обозначает слово *позитивный* [Электронный ресурс]. – URL: <http://otvet.mail.ru/question/1089981> (дата обращения 26.11.2014).

²¹ Вопросы и ответы [Электронный ресурс]. – URL: http://irc.lv/qna/Вот_скажите_вас_не_бесит_слово_позитив (дата обращения 26.11.2014).

²² Тайный блогер. Креатив или позитив? [Электронный ресурс]. – URL: <http://belportal.info/kreativ-ili-positiv/> (дата обращения 26.11.2014).

²³ Позитив и околопозитивщина [Электронный ресурс]. – URL: <http://yablor.ru/blogs/positiv-i-okolopozitivschina/971515> (дата обращения 26.11.2014).

(«приводить в сильное раздражение»), **тошнить** («о чувстве отвращения, омерзения, испытываемом кем-л.»), **достать** («довести кого-л. до крайне раздражённого состояния; сильно надоесть»). В семантике этих глаголов ядерным является не только компонент 'эмоциональная оценка', но и 'чрезмерность'.

Как пишет В. И. Карасик, «с позиций сохранения своей идентичности, естественным следует признать то состояние, когда чужие концепты в большей степени вызывают неприятие и безразличие, чем одобрение» [16, с. 184]. Анализ высказываний-рефлективов позволил проследить динамические процессы в семантике слова **позитивный** (человек): ядерные смыслы в лексическом значении этого слова, выделенные выше, претерпевают определённые изменения. В сознании современного носителя русского языка позитивный человек отличается от своего американского прототипа тем, что можно выделить собственно «русские» составляющие данного ментального образования – «неискренность» и «несерьезность».

«Неискренность», «фальшивость», «нестественность» появляются из-за неприятия русскими постоянной улыбки на лице: излишняя, чрезмерная улыбчивость воспринимается русскими негативно, т. к. улыбаться всем – знакомым и незнакомым людям – расценивается как проявление глупости. Например:

А. 1) *Если понимать под позитивными людьми весельчаков, которые почти всегда улыбаются, шутят и хохочут, то меня напрягает то, что они редко умеют дозировать*

свою позитивность; Ой, а ещё эти разные менеджеры, которым положено всегда улыбаться и быть позитивными – вообще тошнит. Бррр. Всё хорошо в меру; 2) Они мне кажутся наивными и глупыми, а глупость раздражает; 3) Одно дело – естественный позитив, идущий от сердца и души, другое дело – наигранный. Наигранный сразу чувствуешь: нарочито громкий смех, вечно натянутая улыбка, 100 шуток в минуту (причем несмешные и неуместные) и миллион попыток создать имидж «ходячего позитива». Меня это бесит. Я люблю естественный позитив, а не игру на публику²⁴;

Б. *Более того, приходится встречаться с этим человеком ежедневно почти (моя коллега). Ее вечная улыбка и желание сделать этот мир лучше раздражают безумно²⁵.*

В. 1) *Я не против жизнерадостных людей, но постоянно улыбающийся человек по поводу и без меня бы раздражал. Посчитала бы, что такой человек либо недалекого ума, либо фальшивый; 2) Мне нравится, когда у человека хорошее настроение, но когда человек постоянно улыбается, и я не вижу его в скверном настроении, то я нахожу это странным²⁶.*

Анализ высказываний-рефлективов показывает, что значительная часть носителей русского языка не принимает постоянную, «дежурную» улыбку из-за ее неискренности и фальшивости. В. И. Карасик, описывая концепты, импортируемые из английской и американской лингвокультуры отмечает критическое отношение к этому явлению со стороны русских людей: «Принесение искренности в

²⁴ Почему многих раздражают позитивные люди? [Электронный ресурс]. – URL: http://helpster.ru/page.php?id_n=1731 (дата обращения 26.11.2014).

²⁵ Для вас существует такое понятие "чересчур позитивный человек"? [Электронный ресурс] – URL: <http://otvet.mail.ru/question/28184846> (дата обращения 26.11.2014).

²⁶ Вас раздражают позитивные радостные люди? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=777442> (дата обращения 26.11.2014).

жертву успешности общения и поддержания приятного коммуникативного климата меняет фундаментальные ценностные доминанты в общении» [16, с. 181]. Для русских людей такая улыбка часто соотносится с легкомысленностью и несерьезностью. Например:

1. *Я в принципе позитивный человек, по крайней мере на людях стараюсь такой быть. Почему то люди считают меня пофигисткой? Ведь то, что я никогда никому не жалуясь, не рассказываю про свои проблемы, не значит, что их у меня нет и что мне все пофиг! Просто я считаю, что у каждого и так куча поводов грустить, кроме того, чтобы их расстраивал кто-то еще. Хочется, чтобы люди, окружающие меня были на позитиве. Но это почему-то мне выходит боком?! Создает нелицеприятный имидж!;* 2. *По собственному опыту знаю, что такие вот "вечно позитивные" люди раздражают иногда своей в некоторой мере безответственностью. Будьте как все. Зачем скрывать, что вы тоже человек и у вас, как у других, куча проблем? Вы пишете "по крайней мере на*

*людях стараюсь такой быть". А зачем стараетесь?? Всем не угодишь! Будьте самой собой, не пытайтесь понравиться кому-то!*²⁷;

3. *Не то что бы раздражают, но сама предпочитаю общение с людьми серьезными)) Все те "позитивные", что мне встречались, были скорее жутко легкомысленными и очень навязчивыми. Не люблю таких)*²⁸

Итак, семантические и прагматические изменения лексемы **позитивный** в современном русском языке отражают изменения, происходящие в коллективном языковом сознании носителей русского языка. С одной стороны, внедряется мысль о том, что позитивный человек – это тот, кто сам добивается успеха, материальных благ, делает карьеру, и общение с таким человеком доставляет удовольствие, потому что он всегда улыбается, приветлив и жизнерадостен. С другой стороны, наблюдается формирование новых смысловых компонентов, появившихся в лексическом значении слова в результате неприятия американской системы ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кронгауз М. А. Язык мой – враг мой? // Новый мир [Электронный ресурс]. – 2002. – № 10. – URL : http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2002/10/kronga.html (дата обращения 26.11.2014).
2. Складерская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 177–202.
3. Храмова Л. Н. «Успешный человек» в современной русской языковой картине мира // Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 147–154.
4. Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 2 (4). – С. 6–34.
5. Норман Б. Ю. Лингвистика каждого дня. – М.: Бизнес-Юнитек, 2004. – 172 с.

²⁷ Кто такой позитивный человек. – URL: <http://otvet.mail.ru/question/28006164> (дата обращения 26.11.2014).

²⁸ Почему многих раздражают позитивные люди? – URL: http://helpster.ru/page.php?id_n=1731 (дата обращения 26.11.2014).

6. **Черняк В. Д., Козырев В. А.** Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1. – С. 5–15.
7. **Виноградов В. В.** Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 5–34.
8. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т. 3. Муза – Сят, 1971. – 827 с.
9. **Толковый** словарь русского языка: в 4 тт. / ред. Д. Н. Ушаков. – М.: Терра, 1996. – Т. 3. – П – Ряшка. – 712 с.
10. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
11. **Крысин Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
12. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 2. – 1088 с.
13. **Словарь синонимов:** справочное пособие / ред. А. П. Евгеньева. – М.: Наука, 1976. – 648 с.
14. **Левонтина И. Б.** Русский со словарем [Электронный ресурс]. – М.: Азбуковник, 2010. – URL : <http://coollib.net/b/216654/read> (дата обращения 26.11.2014).
15. **Харченко В. К.** Дефицит позитива в современном разговорном дискурсе: мнимости или реальность? // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки [Электронный ресурс]. – 2008. – № 1. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/defitsit-pozitiva-v-sovremennom-razgovornom-diskurse-mnimosti-ili-realnost> (дата обращения 30.11.2014).
16. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
17. **Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка: практический справочник. – М.: Рус. яз.–Медиа; Дрофа, 2008. – 564 с.
18. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – М.: Русский язык, 1998 – Т. 2. – 779 с.
19. **Американское** коммуникативное поведение: науч. издание / ред. И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. – 224 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.10)

Khrantsova Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: llyudmilanik@yandex.ru

THE SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF LEXEME POSITIVE IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract

The article is devoted to the current tendencies in the semantics and pragmatics of the word positive in the modern Russian language. The general idea of the article is that the changes in the lexical meaning reflect the emergence of fundamentally new features of the Russian mentality, influenced by the cultural stereotypes of the Western world. After studying mass media texts it is stated that the word positive expands its semantics, new semantic features appear that are not represented in dictionaries.

The sphere of its usage is changing – it goes beyond the scientific style and becomes widely used in journalism and in colloquial speech. Lexical compatibility of the word is expanding, it becomes possible to use it with animate nouns. This paper studies the collocation “a positive person”, the author concludes that the new meaning of the word shifts towards semantic fields “activity”, “smiling”, “sociality”. That allows to speak about the foreign semantic origin and the influence of western stereotypes on Russian people’s picture of the world.

Special attention is paid to the analysis of reflective statements of Internet users. The analysis of comments to the expression a positive person permits to trace the foreign origins of the expression, the dynamics of its use and its evaluative character.

Keywords

semantics, pragmatics, dynamic processes in language, language picture of the world, language consciousness

REFERENCES

1. Krongauz M. A. My tongue is my enemy? *New world*. 2002, no. 10, Available at: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2002/10/kronga.html (accessed 26.11.2014). (In Russian)
2. Sklyarevskaya G. N. Word in a changing world: Russian language of the early XXI century: state, problems and prospects. *Studies in Slavonic languages*. Seoul, 2001, no. 6, pp. 177–202. (In Russian)
3. Khrantsova L. N. «Successful person» in the modern Russian language picture of the world. *The problem of choice and interpretation of the linguistic sign by speaker and hearer*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2007, pp. 147–154. (In Russian)
4. Wierzbicka A. Russian cultural scripts and their reflection in language. *Russian language in a scientific light*. 2002, no. 2 (4), pp. 6–34. (In Russian)
5. Norman B. Yu. *Everyday linguistics*. Moscow, Business-Unitech Publ., 2004 172 p. (In Russian)
6. Chernyak V. D., Kozyrev V. A. Modern orientations of Russian lexicography. *Questions of lexicography*. 2014, no. 1, pp. 5–15. (In Russian)

7. Vinogradov V. V. Word and meaning as an object of historical and lexicological research. *Questions of Linguistics*. 1995, no. 1, pp. 5–34. (In Russian)
8. Fasmer M. *Etymological dictionary of Russian language: in 4 volumes*. Moscow, Progress Publ., 1964–1973, Muse-Syat, 1971, vol. 3, 827 p. (In Russian)
9. *Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol.* (Ed.) D. N. Ushakov. Moscow, Terra Publ., 1996, Vol. 3. P–Ryashka, 712 p. (In Russian)
10. Ozhegov S. I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, Russian language Publ., 1987, 750 p. (In Russian)
11. Krysin L. P. *Explanatory dictionary of foreign words*. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 944 p. (In Russian)
12. Efremova T. F. *New Russian dictionary*. Moscow, Russian language Publ., 2001, vol. 2, 1088 p. (In Russian)
13. *Synonyms dictionary: reference book*. (Ed.) A. P. Evgenyeva. Moscow, Nauka Publ., 1976, 648 p. (In Russian)
14. Levontina I. B. *Russian with dictionary*. Available at: <http://collib.net/b/216654/read> (accessed 26.11.2014). (In Russian)
15. Kharchenko V. K. Deficiency of positive in modern colloquial discours: illusion or reality? *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*. 2008, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/defitsit-pozitiva-v-sovremennom-razgovornom-diskurse-mnimosti-ili-realnost> (accessed 26.11.2014). (In Russian)
16. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (In Russian)
17. Alexandrova Z. E. *Dictionary of Russian synonyms: practical reference book*. Moscow, Russian language-Media Publ., Drofa Publ., 2008, 564 p. (In Russian)
18. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living. *Great Russian language: in 4 volumes*. Moscow, Russian language Publ., 1998, vol. 2, 779 p. (In Russian)
19. *American communicative behavior: scientific publication*. (Eds.) I. A. Sternin, M. A. Sternina. Voronezh, Voronezh State University-MION Publ., 2001, 224. p. (In Russian)

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Семантические и прагматические аспекты,
высказывания и текста

PHILOLOGY SCIENCES

Semantic and Pragmatic Aspects of the Proposition and Text

© М. Я. Дымарский

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.11)

УДК 81'22

ПРАГМАТИКА КАК ВЕКТОРНАЯ СЕМАНТИКА

М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматривается один из традиционных вопросов лингвистической прагматики – ее соотношение с семантикой. Автор называет два общих признака соответствующей дискуссии: трактовка названного соотношения в терминах различий и расхождение в преимущественном внимании семантики к фигуре говорящего, а прагматики – к фигуре слушающего. Обзор ряда современных источников показывает, что исследователи практически единодушно в отказе от попытки провести четкую разграничительную линию между семантикой и прагматикой. Обращение к истокам теоретической прагматики позволяет трактовать прагматику как особый тип семантики. В работе предлагается математическая аналогия, в соответствии с которой различаются несколько смыслов языкового высказывания: «чистый» смысл (собственно семантика высказывания) – скалярный смысл; смыслы, содержащие импликации говорящего и инференции слушающих, – векторные смыслы. Автор показывает различие векторных смыслов высказывания в зависимости от того, применительно к кому из слушающих (непосредственный адресат, свидетели) формулируется такой смысл. В заключение сделан вывод о том, что предложенная математическая аналогия позволяет построить для каждого высказывания удовлетворительное исчисление его семантических интерпретаций – практических смыслов.

Ключевые слова: прагматика, семантика, семантическая интерпретация, высказывание, скалярный смысл, векторный смысл.

По мере того как все более полно обрисовывался круг прагматических вопросов <...>, становилось ясно, что средства для их практического осуществления и теоретического осмысления, сами языковые основы их лежат за пределами прагматики (в ее «первом» понимании) – в синтактике и семантике языка.

Ю. С. Степанов

Дымарский Михаил Яковлевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. М. Герцена, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований Российской академии наук.
E-mail: dym2005@list.ru

Дискуссия о соотношении семантики и прагматики, длящаяся уже более полувека¹, имеет, как кажется, два общих признака:

1) соотношение семантики и прагматики обсуждается, как правило, в терминах различий;

2) анализируя языковой материал с семантической точки зрения, исследователи обычно фокусируют внимание на фигуре говорящего, в то время как в центре внимания исследователей прагматики оказывается фигура слушающего.

Сулит ли поиск различий между семантикой и прагматикой результаты в виде содержательных утверждений, релевантных для лингвистики в целом?

Стремление провести четкую демаркационную линию между семантикой и прагматикой ведет к неразрешимым затруднениям. Любой подборке примеров, поддающихся непротиворечивой интерпретации и потому как будто подтверждающих некоторую теорию, всегда может быть противопоставлена другая подборка, которая разрушит эту теорию, оставив от нее в лучшем случае набор правдоподобных утверждений, каждое из которых верно только для ограниченного круга случаев. Как заметил в своем блестящем обзоре Кент Бах, «разнообразные традиционные способы формулирования различия между семантикой и прагматикой или чего-то не учитывают, или проводят различительную линию не в том месте» (“the various traditional ways of formulating the semantics-pragmatics distinction either leave something out or draw the line at the wrong place”) [2, с. 75]. Ниже он, однако, замечает, что «нам необходима лучшая формулировка» (“we need a better formulation”) [2, с. 75].

¹ Актуальность этой дискуссии подтверждается, в частности, всем содержанием недавно вышедшего тома [1].

Тем не менее, любая «лучшая формулировка» не гарантирована от упреков, подобных процитированному. Нет ничего легче, чем найти утверждения вроде следующих: «не вполне очевидно, как можно разграничить семантику и прагматику» (“it’s not obvious exactly how to distinguish semantics and pragmatics”); «крайне трудно говорить о первой, не затрагивая вторую (например, обсуждать семантический анализ некоторого языкового выражения, не касаясь того, как высказывание, содержащее это выражение, будет интерпретировано в различных контекстах)» (“it is quite limiting to discuss one without considering the other (e.g. to consider the semantic analysis of a particular linguistic expression without considering how utterances which use that expression will be interpreted in specific contexts)”) [3, с. 187].

Четкое разграничение семантики и прагматики принципиально невозможно. Любое высказывание, в котором обнаруживается не только референция (включая дейксис) его составляющих к внешним объектам или ситуациям, но также некоторое отношение говорящего к этим составляющим, требует особой семантизации этого отношения. Это означает, что прагматика представляет собой особый тип семантики – если понимать последнюю в терминах информационного (не формального) аспекта языковых выражений. В таком случае различие между семантикой и прагматикой предстает как различие между двумя типами информации:

1) «отношение знаков <...> к объектам, которые они обозначают или могут обозначать»;

2) «отношение знаков к их интерпретаторам» (“the relation of signs to <...> objects which

they may or do denote”; “the relation of signs to their interpreters”) [4, с. 35, 43].

Любая попытка дальнейшей дифференциации неизбежно окажется не более чем вариацией на тему, сформулированную Ч. Моррисом. Ниже предлагается пример подобной вариации.

Тот факт, что прагматика – это не что иное, как особый тип семантики, констатируется в многочисленных определениях. Ср.: «...мы можем рассматривать значение высказывания как разницу между исходным контекстом и тем контекстом, который получен в результате произнесения высказывания. Это относится только к ограниченному подмножеству прагматических аспектов значения» (1) “...we can treat the meaning of the utterance as the difference between the original context and the context arrived at by utterance of the sentence. [This applies to only] a restricted subset of pragmatic aspects of meaning”) [5, с. 4–5]; 2) «Различие между семантикой и прагматикой может быть приблизительно определено как различие между значением, конвенционально или буквально приписанным словам, а далее и целым предложениям, и дальнейшим значением, которое может быть выявлено, опираясь на более общие принципы, с использованием контекстуальной информации» (“The distinction between semantics and pragmatics is, roughly, the distinction between the significance conventionally or literally attached to words, and thence to whole sentences, and the further significance that can be worked out, by more general principles, using contextual information”) [6, с. 124]; 3) «Семантическая информация – это информация, закодированная в том, что высказывается – это устойчивые лингвистические особенности предложения – вместе с любой экстралингвистической информацией, которая обеспечивает (семантическую) значимость контекстно-зависимым компонентам

высказываемого. Прагматическая информация – это (экстралингвистическая) информация, которая возникает из самого акта высказывания и релевантна для определения слушающим того, что сообщает говорящий. Если семантическая информация закодирована в том, что высказывается, то прагматическая информация порождается – или, по меньшей мере, делается релевантной – самим актом высказывания» (“Semantic information is information encoded in what is uttered – these are stable linguistic features of the sentence – together with any extralinguistic information that provides (semantic) values to context-sensitive expressions in what is uttered. Pragmatic information is (extralinguistic) information that arises from an actual act of utterance, and is relevant to the hearer's determination of what the speaker is communicating. Whereas semantic information is encoded in what is uttered, pragmatic information is generated by, or at least made relevant by, the act of uttering it”) [7, с. 481].

Наиболее ясная и приемлемая формулировка соотношения семантики и прагматики принадлежит, на мой взгляд, М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрику: по их мнению, в семантическом представлении высказывания «должна отражаться вся информация, имеющая отношение к правильной интерпретации этого высказывания. В связи с этим противопоставление семантики и прагматики нам кажется неправомерным» [8, с. 350].

Однако, согласившись с тем, что прагматика – это не более чем особый тип семантики, мы все равно остаемся перед вопросом о качественном различии между этими двумя типами семантики. Для достижения более удовлетворительной формулировки этого различия можно использовать аналогию с известной парой математических понятий – а именно с противопоставлением скалярных и

векторных величин. В этом случае можно сказать, что прагматика – это векторная семантика.

Изучая некоторое данное высказывание, мы можем получить определенное множество его семантических интерпретаций, которые будут различаться в зависимости от того, принимаем ли мы во внимание фигуры его интерпретаторов и каких именно. Эти семантические интерпретации представляют собой актуальные практические смыслы высказывания.

Если интерпретаторы во внимание не принимаются, мы анализируем высказывание как таковое, т. е. мы имеем дело с его семантикой как скалярной величиной. В результате мы формулируем его скалярный смысл (который можно назвать чистой семантикой высказывания).

Однако, когда мы учитываем хотя бы одного из интерпретаторов, мы уже имеем дело с семантикой высказывания как векторной величиной. В результате мы получаем некоторое количество его векторных смыслов; в общем случае, их количество равно количеству интерпретаторов.

Далее оговорим трактовку фигуры говорящего как одного из интерпретаторов высказывания.

Говорящий является интерпретатором собственного высказывания не в меньшей степени, чем слушающий. Более того, именно он является **первым** интерпретатором своего высказывания. Такое универсальное явление, как речевой самоконтроль (ср., например, [9, с. 56, 65]), который может быть «отключен» только под действием особых обстоятельств, но в общем случае присутствует всегда, – это в первую очередь постоянная интерпретация говорящим собственных высказываний и оценка их на соответствие общим и частным целям текущего коммуникативного акта, явным и

скрытым целям как говорящего, так и слушающего и т. д. Именно для подобной оценки, а она абсолютно необходима, и нужна предшествующая ей интерпретация.

Отсюда вытекает, кстати, что на самом деле должно существовать как бы две прагматики: 1) прагматика слушающего и 2) прагматика говорящего. (Термин *прагматика слушающего* – *hearer's pragmatics* – употребляют, например, D. Beaver и H. Zeevat [10, с. 532]; термин *прагматика говорящего* – *speaker's pragmatics* – употребляет, в частности, S. A. W. Al-Kahtani [11, с. 37]; оба термина использует В. И. Заботкина [12]). Если первая **следует** за высказыванием и основывается на анализе его наблюдаемых признаков (включая грамматические, семантические, интонационные, произносительные, стилистические характеристики), то вторая **предшествует** ему и мотивирует все указанные характеристики.

В реальности обе прагматики существуют, хотя использование соответствующих терминов в указанных работах носит до известной степени случайный, отнюдь не последовательно терминологический, характер. Прагматику слушающего представляют наиболее известные и авторитетные версии лингвистической прагматики [5; 13–19]. Прагматика говорящего разработана в меньшей степени и известна не столь широко, однако хорошо очерчена в ряде работ [8; 20].

Возвращаясь к трактовке прагматики как векторной семантики, рассмотрим удачный пример, приведенный А. К. Киклевичем в одной из работ:

А. говорит В. в присутствии С.

(0) *Я хотел бы поговорить с тобой наедине* [21, с. 336].

Скалярный смысл высказывания (0) формулируется, соответственно, как $\{ '0' \} = \{ '[А.$

говорит В., что] он хочет поговорить с ним/ней наедине'},

где {'0'} читается как 'скалярная семантика (0)'; [...] – модусная рамка.

Анализируя то же высказывание с учетом фигур А., В. и С., получаем подмножество его векторных смыслов:

$$\begin{aligned} \rightarrow_A \{ '0' \} &= \{ '0' + 'A. [подразумевает, что он] не хочет, чтобы С. был(а) свидетелем разговора' \}; \\ \rightarrow_B \{ '0' \} &= \{ '0' + 'A., возможно, хочет, чтобы В. сделал(а) что-нибудь для того, чтобы избавиться от присутствия С.' \}; \\ \rightarrow_C \{ '0' \} &= \{ '0' + 'A. хочет, чтобы С. вышел / вышла' \}. \end{aligned}$$

Таким образом, множество семантических интерпретаций (практических смыслов) некоторого высказывания состоит из двух подмножеств:

1) подмножества, включающего скалярный смысл («чистую семантику») высказывания;

2) подмножества, включающего его векторные (прагматические) смыслы (минимум два: смысл говорящего и смысл слушающего).

Само собой разумеется, для получения векторных смыслов высказывания требуется владение техниками вывода инференций, вычисления иллюкутивной силы, анализа пресуппозиций участников разговора и т. п., что и

составляет значительную долю содержания прагматики слушающего. Как хорошо известно, недостаточный учет подобных факторов регулярно влечет коммуникативные неудачи (в лучшем случае) или конфликты (в худшем).

Несложная математическая аналогия позволяет, как кажется, построить удовлетворительное исчисление семантических интерпретаций (смыслов) любого высказывания, включая всё то, что обычно отграничивается от семантики под именем прагматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Język** poza granicami języka 2. Semantyka a pragmatyka: Spór o pierwszeństwo / ed. A. Kiklewicz. – T. I. Aspekty lingwistyczno-semiotyczne. – Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego Publ., 2011. – 239 p.
2. **Bach K.** Giorgione was So-called Because of His Name // *Philosophical Perspectives*. – 2002. – Vol. 16. – Pp. 73–10.
3. **Clark H.** *Arenas of Language Use*. – Chicago: The University of Chicago Press Publ., 1993. – 440 p.
4. **Morris C.** *Foundations of the Theory of Signs // Writings on the Theory of Signs*. – The Hague: Mouton, 1971. – Pp. 17–74.
5. **Gazdar G.** *Pragmatics: Implicature, Presupposition, and Logical Form*. – N. Y.: Academic Press Publ., 1979. – 201 p.
6. **Davies M.** *Philosophy of Language // The Blackwell Companion to Philosophy / Eds. N. Bunnin, E. Tsui-James*. – Oxford: Blackwell Publ., 1995. – Pp. 90–139.

7. **Bach K.** Pragmatics and the Philosophy of Language // The Handbook of Pragmatics / Eds. R. Horn Laurence, Gregory Ward. – Oxford: Blackwell Publ., 2004. – Pp. 463–487.
8. **Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.** Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 343–355.
9. **Glozman Zh. M.** Communication disorders and personality. – N. Y.: Kluwer Academic Publ.; Plenum Publ., 2004. – 171 p.
10. **Beaver D., Zeevat H.** Accommodation // The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces / Eds. Ramchand G., Ch. Reiss. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – Pp. 503–538.
11. **Al-Kahtani S. A. W.** Refusals Realizations in Three Different Cultures: A Speech Act Theoretically-based Cross-cultural Study // J. King Saud University. – Vol. 18. Language & Translation. – 2005. – Pp. 35–57.
12. **Заботкина В. И.** Основные параметры прагматики нового слова (по материалам современного английского языка) [Электронный ресурс] // Проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. – Калининград, 1996. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/probl/index.php (дата обращения: 01.12.2014).
13. **Austin J.** How To Do Things With Words. – Oxford: The Clarendon Press Publ., 1962. – 174 p.
14. **Grice P.** Studies in the Way of Words. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 395 p.
15. **Horn L.** Pragmatic theory // Linguistics: The Cambridge Survey / Ed. F. Newmeyer. – Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1988. – Vol. I. – Pp. 113–145.
16. **Katz J.** Propositional Structure and Illocutionary Force. – N. Y.: Harvard University Press Publ., 1977. – 264 p.
17. **Levinson S.** Pragmatics. – Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1983. – 420 p.
18. **Searle J.** Speech Acts. – Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1969. – 203 p.
19. **Stalnaker R.** Pragmatics // Semantics of Natural Language / Eds. G. Harman, D. Davidson. – Dordrecht: Reidel Publ., 1972. – Pp. 380–397.
20. **Норман Б. Ю.** Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 229 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.11)

Dymarskiy Mikhail Yakovlevich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia; Senior research Fellow, Department of Functional Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: dym2005@list.ru

RAGMATICS AS VECTOR SEMANTICS

Abstract

The article deals with one of the traditional questions of linguistic pragmatics – its relations with the semantics. The author points out two general features of the corresponding discussion: 1) the relationship between semantics and pragmatics is usually discussed in terms of distinctions and 2) examining data from the semantic point of view, a researcher usually focuses attention at the figure of the speaker, while the pragmatic approach is usually concentrated on the figure of the hearer. Review of a number of contemporary sources shows that researchers are nearly unanimous in the rejection of attempts to draw a clear demarcation line between semantics and pragmatics. A turn to the origins of theoretical pragmatics allows one to treat the latter as a special type of semantics. A mathematical analogy is proposed, according to which several different meanings of an utterance may be distinguished: a “pure” one (the semantics proper) – a scalar sense; meanings containing the implications of the speaker and the hearers' inferences – vector senses. The difference between vector senses of an utterance is shown depending on the hearers to whom the sense is formulated (the addressee or witnesses). In conclusion, it is stated that the proposed mathematical analogy allows constructing a satisfactory calculation of semantic interpretations (i.e., practical senses) for any utterance.

Keywords

Pragmatics, semantics, semantic interpretation, utterance, scalar sense, vector sense.

REFERENCES

1. *Language beyond the Boundaries of Language 2. Semantics and Pragmatics: Dispute for Primacy.* Vol. I. Linguistic and Semiotical Aspects. A. Kiklewicz (ed.). Olsztyn, 2011, 239 p. (In Polish, Russian, English)
2. Bach K. Giorgione was So-called Because of His Name. *Philosophical Perspectives.* 2002, vol. 16, pp. 73–103.
3. Clark H. *Arenas of Language Use.* Chicago, The University of Chicago Press Publ., 1993, 440 p.
4. Morris C. Foundations of the Theory of Signs. *Writings on the Theory of Signs.* The Hague, Mouton Publ., 1971, pp. 17–74.
5. Gazdar G. *Pragmatics: Implicature, Presupposition, and Logical Form.* N. Y., Academic Press Publ., 1979, 201 p.
6. Davies M. Philosophy of Language. *The Blackwell Companion to Philosophy.* (Eds.) N. Bunnin, E. Tsui-James. Oxford, Blackwell Publ., 1995, pp. 90–139.
7. Bach K. Pragmatics and the Philosophy of Language. *The Handbook of Pragmatics.* (Eds.) R. Horn Laurence, Gregory Ward. Oxford, Blackwell Publ., 2004, pp. 463–487.

8. Bergelson M. B., Kibrick A. Y. The Pragmatic „Priority Principle” and its Refraction in Language Grammar. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 343–355. (In Russian)
9. Glozman Zh. M. *Communication disorders and personality*. N. Y., Kluwer Academic Publ., Plenum Publ., 2004, 171 p.
10. Beaver D., Zeevat H. Accommodation. *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. Eds. Ramchand G., Ch. Reiss. Oxford, Oxford University Press Publ., 2007, pp. 503–538.
11. Al-Kahtani S. A. W. Refusals Realizations in Three Different Cultures: A Speech Act Theoretically-based Cross-cultural Study. *J. King Saud University*. Vol. 18. Language & Translation, 2005, pp. 35–57.
12. Zobotkina V. I. The Base Parameters of a New Word's Pragmatics (based on data of contemporary English). *Problems of Semantics and Pragmatics: A Collection of scientific papers*. Kaliningrad, 1996. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/probl/index.php (Accessed 01.12.2014) (In Russian)
13. Austin J. *How To Do Things With Words*. Oxford, The Clarendon Press Publ., 1962, 174 p.
14. Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1989, 395 p.
15. Horn L. Pragmatic theory. *Linguistics: The Cambridge Survey*. Ed. F. Newmeyer. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1988, vol. I, pp. 113–145.
16. Katz J. *Propositional Structure and Illocutionary Force*. N. Y., Harvard University Press Publ., 1977, 264 p.
17. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1983, 420 p.
18. Searle J. *Speech Acts*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1969, 203 p.
19. Stalnaker R. Pragmatics. *Semantics of Natural Language*. Eds. G. Harman, D. Davidson. Dordrecht, Reidel Publ., 1972, pp. 380–397.
20. Norman B. Y. *The Speaker's Grammar*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1994, 229 p. (In Russian)

© Н. А. Мишанкина

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.12)

УДК 81'42

ПРАГМАТИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Н. А. Мишанкина (Томск, Россия)

В статье рассматриваются прагматические интенции научного гуманитарного текста и дискурса, которые реализуются как на уровне научной коммуникации, так и на уровне концептуального моделирования объекта научного описания. Методология исследования базируется на теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, в которой метафора рассматривается как когнитивная операция, основанная на процессе аналогии. Концептуальная метафора, используемая автором научного текста для представления объекта исследования, становится фокусом его прагматических интенций и имплицитно транслирует их адресатам текста через систему текстовых метафор, выступая в качестве основного инструмента моделирования. При этом научный текст, сохраняя внешние параметры объективности, передает прагматические (в том числе, оценочные) установки автора. Способы метафорического моделирования прагматических аспектов научного текста выявляются на материале академических текстов из области философии, лингвистики, истории.

Ключевые слова: прагматика, научный дискурс, язык науки, гносеологическая метафора, метафорическое моделирование.

Прагматические параметры научной коммуникации актуализировались в исследовательском поле сравнительно недавно, хотя дискурс науки с XVII в. осмысливается как институциональное закрепление познавательной деятельности человека. Параметры институциональности в аспекте текстопорождения связаны с установками: 1) на объективность, систематичность, методичность, критичность, максимально полное эксплицирование информации; 2) строгое жанровое определение, отражающее варьирование коммуникативных

установок; 3) стилистическое оформление, воплощающее специфические свойства (абстрактность, логичность, однозначность, нейтральность) научного текста. В работах, посвященных описанию научного стиля [1], определяется ключевая цель научной деятельности – точная, логичная и однозначная передача научной информации, в связи с чем, делается вывод о том, что научный стиль исключает реализацию субъективных интенций автора. Такое положение дел привело к тому, что вопрос о прагматических аспектах научного стиля не актуализировался.

Мишанкина Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Институт международного образования и языковой коммуникации, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: n1999@rambler.ru

Однако по мнению Ч. С. Пирса, автора семиотической теории, рассматривавшего прагматический аспект существования знаковых систем в триаде «семантика – синтактика – прагматика», познавательная деятельность тесно связана с семиозисом в целом, т. к. объективное знание о мире представляет собой результат семиотического договора в рамках социума, т. е. связывает знаки и ими оперирующих субъектов. Таким образом, из познавательной деятельности (и научного текстопорождения) невозможно исключить прагматику. Эту точку зрения разделяли такие исследователи как Ю. Хабермас и К.-О. Апель. Последний указывает на взаимодополнительность двух аспектов научного познания: исследование всегда связано с коммуникацией, т. к. выстраивается на основе интерпретации научных сообщений других исследователей, коммуникация и интерпретация всегда прагматичны [2]. Современная философия признает сложную синкретичную природу научного познания, а человеческий фактор считает одним из наиболее значительных и действенных. Она рассматривает науку, с одной стороны, как целостную социальную структуру, направленную на формирование системы объективных знаний о мире, с другой – как поле деятельности отдельных людей, имеющих, в том числе, прагматические интересы [3–4].

В лингвистических работах последних лет помимо того, что целый ряд исследований посвящен стилистическим особенностям научного текста в аспекте прагматики [5–6], все чаще объектом научного исследования выступают собственно прагматические смыслы научного текста. Е. М. Крижановская рассматривает коммуникативно-прагматическую структуру научного текста как содержательно-смысловую, т. к. она формирует общую прагматическую направленность всего произведения [7]. В аспекте теории речевых

актов рассматривается прагматический потенциал научно-популярного и научного текстов [8–10]. В названных работах рассматриваются текстовые способы организации восприятия информации. Однако появляются работы акцентирующие внимание на прагматике другого типа: в статье В. И. Ладыжниковой в качестве прагматического ядра научного текста предлагается рассматривать тему научного текста, как определяющую главную прагматическую установку автора [11]. З. Ф. Курбанова, рассматривая прагматические основы научного стиля и средства внутренней диалогизации, выявляет ключевую текстообразующую роль метафоры как средства структурирования информации в рамках абзаца [12]. По мнению Л. А. Шорыгиной именно метафора служит средством имплицитной оценки в научном тексте [13]. Таким образом, можно говорить о том, что современная лингвистика обнаруживает прагматические параметры научного текста и дискурса, и одним из ключевых средств в реализации прагматической функции признается метафора.

Исследование специфики лингвокогнитивного моделирования научного дискурса показывает, что научный дискурс моделируется как особое ментальное пространство средствами естественного языка, и основной лингвокогнитивной моделью выступает концептуальная метафора, реализующая гносеологическую функцию [14]. Понимание метафоры как гносеологического механизма развивается в работах ученых XX в. Одним из первых обращается к ней Х. Ортега-и-Гассет, с постановки этой проблемы начинает свою работу М. Блэк, затрагивают ее Д. Дэвидсон, Н. Гудмен, А. Ричардс, Ф. Уилрайт, П. Рикер. Наиболее последовательно концепция метафоры как познавательного, когнитивного механизма (теория концептуальной метафоры) была представлена в работе Дж. Лакоффа,

М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [15].

В отечественной науке одной из первых работ, в которой научная метафора рассматривается как неотъемлемый компонент научной деятельности, является работа В. В. Петрова [16]. Автор определяет специфичность научной метафоры, которая, в отличие от экспрессивной, двуплановой метафоры, опирается только на представление об одном реальном объекте и в этом смысле всегда представляет собой гипотезу объекта исследования. В этой связи актуализируется еще одно важное для гносеологической роли метафоры понятие – «эпистемный доступ» [17] – степень познавательной доступности объекта. Вербальное оформление нового знания в научном тексте должно удовлетворять одновременно двум значимым условиям: опираться на широкий эпистемный доступ и максимально отражать свойства объекта описания (с точки зрения автора), формируя его гипотетическую, открытую для обсуждения, модель. Наиболее эффективным механизмом здесь является метафоризация.

Цель нашей статьи – выявление прагматического потенциала гносеологической метафоры в рамках гуманитарного научного дискурса. В качестве материала исследования послужили тексты по философии, лингвистике, истории.

Анализ специфики формирования внутритекстовой метафорической системы, отражающей модель объекта исследования, показал, что в различных гуманитарных сферах этот процесс осуществляется подобным образом. Каждый научный текст, как целостное высказывание в рамках научного дискурса, представляет модель объекта научного познания, которая выстраивается на основе механизма метафоризации. Выбор модели для

представления объекта является прагматическим актом, т. к. определяется внутренними интенциями автора и его аксиологической системой. Но практически любая метафорическая единица обладает прагматическим, а иногда и суггестивным, потенциалом и, соответственно, предопределяет читательское восприятие предлагаемых моделей в силу того, что автор и читатель являются носителями одного языка и одной картины мира, разделяя ее аксиологические модусы. Избранная модель может не обладать эксплицитной оценочностью, но потенциально каждая концептуальная метафора тесно связана с аксиологической системой в целом. Например, в статье «Язык и смерть» В. П. Руднев, чтобы охарактеризовать современное состояние лингвистики и философии языка, обращается к парадигмальным моделям, определяющим развитие этих гуманитарных наук в XX в. [18]. Модель, которую автор называет картезианской, берет начало в работах Ф. де Соссюра и развивается в работах структуралистов. Ей противопоставляется иная модель, имплицитная, выводимая на уровень теоретического осмысления только в конце века, но берущая свое начало в психоаналитической практике З. Фрейда. Автор встраивает их в аксиологическую шкалу архетипической модели «жизнь – смерть», где жизнь оценивается положительно, а смерть – отрицательно и, не давая прямой оценки, апеллирует к аксиологической системе читателя. Приведем в качестве иллюстрации текстовые фрагменты, в которых представлено описание обеих моделей.

Картезианская модель: *Пропозициональная же логика, <...> которая, возникла под воздействием критики языка в разлагающейся, умирающей австро-венгерской монархии, <...> пропозициональная логика, “узкий мир” которой <...> напоминает гроб,*

это логика смерти; ...искусственные логические языки позитивистов и предполагались как мертвые языки, языки, на которых вообще не разговаривают и уж, во всяком случае, такие языки, на которых невозможно обсуждать проблемы жизни и смерти. Дискретность, расчлененность соответствует разложению, геометризации, упрощению структуры, равновероятности, энтропии, то есть, в конечном смысле, смерти как формы [18].

Модель психоанализа: *...определенное высказывание, кусочек жизни; Речь – последняя ниточка, связывающая умирающего с жизнью; Существует распространенный сюжет, когда смерть отсрочивают или побеждают при помощи речи...; ...повседневная речь в гораздо большей степени наполнена жизнью, нежели смертью...; Так, если кто-то говорит “Такой-то умер”, в ответ уместно возразить: “Не может быть, я с ним только позавчера разговаривал”; “невнятный” язык жизни в той или иной мере использовали Гуссерль и Хайдеггер...; Живой язык – это такой язык, который может “работать” и с жизнью, и со смертью. Редукционистский мертвый язык не может и не призван работать ни с тем, ни с другим; Речевая деятельность в целом направлена на поддержание жизни [18].*

При этом в основе попыток познать язык должен лежать принцип дополнительности, т. к. каждая из моделей выполняет свою функцию и не может быть универсальной. Для презентации и одновременно иллюстрации этого положения автор прибегает в тексте к фольклорной метафоре: *два противоположных языка, как мертвая и живая вода в фольклоре, делали все, чтобы человек начала века привык к технике, к кино, к идеям теории относительности. Для того чтобы структурировать все это, понадобился мертвый язык*

математической логики, логического позитивизма и структурализма. Для того чтобы с этим жить, к этому приспособливаться, понадобился психоанализ и экзистенциализм [18].

Исторический научный текст выглядит гораздо более «научным» по отношению к текстам гуманитарного дискурса в силу того, что в нем обычно представлен значительный фактографический материал. Однако исторический текст, также как и другие виды гуманитарных текстов, представляет метафорическую систему, репрезентирующую модель объекта. Для иллюстрации этого положения рассмотрим систему текстовых метафор в работе С. Г. Кара-Мурза «Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века» [19]. Гражданская война метафорически представлена в тексте как «война Европы и Азии». Эта метафора является ключевой для автора и проходит в различных вариациях через весь текст: *Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является <...> зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... [19].* Для усиления эффекта «различности» мировоззрений автор даже «помещает» Россию на отдельный континент: *Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России... [19].*

Гражданская война – реальное историческое событие – в тексте становится метафорой, посредством которой осмысливается различие государственных систем. Один из подзаголовков в тексте выглядит следующим образом: *Два типа государственности, ставших врагами.* Метафорическая модель «нечто – человек» позволяет представить тип государственности как антропоморфное существо. Вторая модель репрезентируется в тексте лексемой *враги*, определяя тип отношений: враг – этот тот, с кем воюют и кого нужно победить.

Различие между государственными системами актуализируется представлением их посредством различных метафорических моделей. Государственная система Советов, поддерживаемая большевиками, интерпретируется автором через растительную и анимационную модели: *В России Советы выросли именно из крестьянских представлений об идеальной власти. ...Важно то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а цивилизационной* [19]. Органическую взаимосвязь мироощущения русского народа и Советов автор представляет как *вырастание*, заостряя таким образом внимание на том, что этот тип государственной системы был наиболее близким, естественным для русского крестьянина. Далее автор соединяет несколько структурных метафорических моделей, что позволяет, во-первых, представить процесс формирования нового государственного строя как объективный, протекающий естественным образом, на ход которого человек не оказывает влияния: *Та сила, которая стала складываться после Февраля... была выражением массового стихийного движения*; во-вторых, представить его сквозь призму категории «свое – чужое»; в-третьих, как конструктивный – связанный с созданием новой жизни.

Другой тип государственной системы – буржуазно-либеральный – интерпретируется в противоположность первому как «чужой», заимствованный и неорганичный русскому мен-

талитету. При этом конфликт в сфере мировоззрения представлен как взаимодействие объектов в физическом пространстве и «навязывание» «чужим» типом государственности направления движения в этом пространстве: *Понятно, что попытка отодвинутых в Октябре буржуазно-либеральных движений силой вернуть Россию на траекторию создания общества и государства по типу западного капитализма (хотя бы периферийного) не могла не вызвать гражданской войны* [19]. Эта метафора вносит новый смысловой нюанс в развитие взаимодействия между «своим» и «чужим» типом государственности и народом: народ, выбрав «свой», имманентный ему тип государственности – траекторию движения, двигается в нужном направлении, а представители «чужого» типа пытаются силой заставить двигаться в другом, ненужном направлении, что и вызывает конфликт. Имплитная оценка моделируемых объектов осуществляется в данном случае за счет опоры на базовый архетип «свои – чужие», который преломляется в различных метафорических моделях.

Итак, анализ текстов гуманитарного дискурса показывает, что гносеологическая метафора составляет ядро авторской модели изучаемого объекта. В отдельном тексте всегда моделируется новое представление об объекте, эксплицируется оно через систему текстовых метафор гносеологической направленности, которые базируются на архетипических моделях, аксиологически ориентированных, репрезентирующих устойчивую систему оценок тех или иных явлений, что, вероятно, можно расценивать как прагматическую ориентированность и даже суггестию научного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

2. **Тутнер Г. Б.** Прагматика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. – 1248 с.
3. **Кун Т.** Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 287 с.
4. **Степин В. С.** История и философия науки. – М.: Академический проект, 2011. – 423 с.
5. **Красильникова Л. В.** Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 137 с.
6. **Котюрова М. П.** Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2001. – вып. 7. – С. 244–258.
7. **Кржижановская Е. М.** Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: АКД. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2000. – 23 с.
8. **Шевцова Н. В.** Научный дискурс и его лингвистическая прагматика // Педагогический университетский вестник Алтая. – 2003. – № 4. – С. 113–116.
9. **Таюпова О. И.** Прагматика научно-популярного текста // Актуальные проблемы контрастивной лингвистики, типологии языков и лингвокультурологии в полиэтничном пространстве. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2011. – Ч. 2. – С. 135–143.
10. **Баженова Е. А.** Средства адресации в научном тексте [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – Вып. 4. – URL : <http://www.mediascope.ru/node/1240> (дата обращения 23.01.2015)
11. **Ладыжникова В. И.** Тематическое развертывание и прагматическое фокусирование в научном тексте [Электронный ресурс] // Вестник БФУ им. И. Канта. – 2010. – Вып. 02. – URL : http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6bf/aobrbyaswbmnrxahkqaor%20oc.lq_65-70.pdf (дата обращения 23.01.2015)
12. **Курбанова З. Ф.** Диалогичность научной речи в аспекте экспрессивности и прагматики: АКД. – Махачкала: изд-во Дагестанского гос. пед. ун-та, 2004. – 24 с.
13. **Шорыгина Л. А.** Неявная оценка в научных текстах, создаваемая стилистическим приемом метафоры // Вестник МГЛУ. – 2007. – № 521. – С. 28–35.
14. **Мишанкина Н. А.** Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2010. – 282 с.
15. **Лакофф Д., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
16. **Петров В. В.** Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 196–220.
17. **Boyd R.** Metaphor and Theory Change // Metaphor and Thought. – Cambridge: University Press, 1979. – P. 481–533.
18. **Руднев В. П.** Язык и смерть. (Психоанализ и «картезианская» философия языка XX века) // Логос. – № 1 (22). – 2000 – С. 111–138.
19. **Кара-Мурза С. Г.** Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. – М.: ЭКСМО, 2003. – 384 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.12)

Mishankina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philological Science,
Professor of the Russian as a Foreign Language Department, Institute of International Education and Language Communication,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.
E-mail: n1999@rambler.ru

PRAGMATICS OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract

The article discusses the pragmatic intentions of scientific humanitarian text and discourse which are realized both at the level of scientific communication and at the level of conceptual modeling of the scientific description object. The methodology of the research is based on the theory of conceptual metaphor proposed by Lakoff and Johnson where the metaphor is considered as a cognitive activity associated with analogy processes. The conceptual metaphor used by the scientific text author for research object representation becomes a focus of their pragmatic intentions and implicitly transmits them to the text receivers through the system of textual metaphors being as a basic tool of modeling. In this respect the scientific text preserving the obvious parameters of objectiveness expresses author's pragmatic (incl. evaluative) attitude. The academic texts in the sphere of philosophy, linguistics and history have become the source material for specification of the ways of metaphorical modeling of the scientific text pragmatic aspects.

Keywords

Language of science, scientific discourse, conceptual metaphor, metaphorical modeling, pragmatics.

REFERENCES

1. Kozhina M. N. *Stylistics of the Russian language*. Moscow, 1993. (In Russian)
2. Tutner G. B. *Pragmatics. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow, Kanon+ Publ., 2009. (In Russian)
3. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, Progress Publ., 1975. (In Russian)
4. Stepin V. S. *History and Philosophy of Science*. Moscow, Academic Project Publ., 2011. (In Russian)
5. Krasil'nikova L. V. *Genre of scientific review: Semantics and Pragmatics*. Moscow, Dialog-MSU Publ., 1999. (In Russian)
6. Kotyurova M. P. The creative individuality and citation. *Stereotyping and creativity in the text*. Perm, 2001, pp. 244–258. (In Russian)
7. Krzhizhanovskaya E. M. *Communicative and pragmatic structures of scientific text*. Perm, 2000. (In Russian)
8. Shevtsova N. V. Scientific discourse and linguistic pragmatics. *Altai Pedagogical University Bulletin*. 2003, pp. 113–116. (In Russian)
9. Tayupova O. I. Pragmatics of popular scientific text. *Actual problems of contrastive linguistics, language typology and linguistics in a multiethnic space*. Ufa, BSU Publ., 2011, pp. 135–143. (In Russian)

10. Bazhenova E. A. Means of addressing in scientific text. *Mediascop*. 2012, Issue 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1240> (In Russian)
11. Ladyzhnikova V. I. Thematic deployment and pragmatic focus in the scientific text. *IKBFU's Vestnik*. 2010, Issue 02. Available at: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6bf/aobrbwyaswbnmrx-ahkqaor%20oc.lq.65-70.pdf> (In Russian)
12. Kurbanova Z. F. *Dialogic scientific speech in terms of expressiveness and pragmatics*. Mahachkala, 2004. (In Russian)
13. Shorygina L. A. Implicit in the evaluation of scientific texts created by stylistic device metaphors. *MSLU Vestnik*. 2007, no. 521, pp. 28–35. (In Russian)
14. Mishankina N. A. *Metaphor in Science: paradox or norm?* Tomsk, Tomsk State University Publ., 2010. (In Russian)
15. Lakoff D., Johnson M. *Metaphors We live by*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. (In Russian)
16. Petrov V. V. Scientific metaphors: the nature and mechanism of their functioning. *Philosophical Foundations of scientific theory*. Novosibirsk, Science Publ., 1985, pp. 196–220. (In Russian)
17. Boyd R. Metaphor and Theory Change. *Metaphor and Thought*. Cambridge, University Press Publ., 1979, pp. 481–533.
18. Rudnev V. P. Language and Death. (Psychoanalysis and "Cartesian" philosophy of language of the twentieth century). *Logos*. 2000, no. 1 (22), pp. 111–138. (In Russian)
19. Kara-Murza S. G. *The Civil War (1918–1921). Lesson for the XXI Century*. Moscow, EXMO Publ., 2003. (In Russian)

© Г. И. Кустова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.13)

УДК 81.367.3 + 81.367.7

АГЕНТИВНЫЙ ИНФИНИТИВ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ИМЕН*

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

В статье рассматривается ресурсная конструкция (*Дай ножницы нитку отрезать*) и конструкция функционального несоответствия (*Я не сторож ваши вещи охранять*), в которых инфинитив связан с существительным. Конструкции сравниваются с целевым инфинитивом, который связан с глаголом. Целевая конструкция (*Х пришел поговорить [P]*) обозначает «Х хочет осуществления ситуации Р и Х же будет ее реализовывать», при этом инфинитив Р связан с главным глаголом. В ресурсной конструкции инфинитив связан с существительным R, которое не имеет инфинитивной валентности. Связь такого существительного с инфинитивом становится возможной при определенных условиях: существительное R – ресурс для реализации ситуации Р. Это существительное может обозначать как предмет (*ножницы, молоко, спички*), так и лицо (*няня, сторож, курьер*, например: *Они ищут сторожа склад охранять*). Семантически инфинитив Р соответствует внутреннему предикату существительного R. Аналогичная связь возникает в конструкциях функционального несоответствия, но они обязательно включают отрицание. В традиционных синтаксических классификациях эти конструкции обычно игнорируются или оказываются на периферии в силу «нестандартной» связи между существительным и инфинитивом.

Ключевые слова: конструкция, инфинитив, ресурс, цель, ирреальное следствие.

Аппарат морфологически ориентированных грамматик предусматривает два основных способа присоединения подчиненной предикации к существительному. Первый связан с собственной лексической валентностью существительного. В зависимости от семантики существительного есть разные варианты реализации этой валентности. Существительные с модальной семантикой присоединяют

инфинитив (*способность понять; возможность уехать*); существительные с валентностью содержания могут выражать пропозициональный акт а) придаточным, б) инфинитивом, в) событийным именем, например: а) *Мы отдали распоряжение, чтобы артиллерия всех калибров была по гусеницам* (Н. Хрущев. Воспоминания, 1971); б) *Министерствам и ведомствам давались распоря-*

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507а и № 14-04-00604а.

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; ведущий научный сотрудник лаборатории «Когнитивные исследования языка», Национальный исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: galinak03@gmail.com

жения **организовывать** в музее выставки агитационного характера (Наука и жизнь. 2007); в) Одновременно с приказом о выходе в резерв было получено **распоряжение о вызове** полковника Новикова в Москву (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

К слову сказать, инфинитив и *чтобы*-придаточное могут также выражать цель (что важно для нашей темы, так как речь пойдет об инфинитиве с целевой – в широком смысле – семантикой). Однако в этом случае они присоединяются или к глаголу (ср.: *зашел посоветоваться*), или к целому предложению (к предикации, ср.: *Зашел, чтобы посоветоваться*).

Кроме того, к существительному, в силу его грамматических свойств, может присоединяться атрибут, в том числе – выраженный определительным придаточным. Оно присоединяется к существительному с любой семантикой при условии кореферентности и на основе относительной связи (*тайник, о котором он не знал; распоряжение, о котором он не знал*).

Тем не менее, в русском языке есть конструкции, в которых инфинитив или *чтобы*-придаточное присоединяются к существительному, не имеющему «инфинитивной» (и вообще пропозициональной) валентности. Аппарат «морфологизованного» синтаксиса такой связи не предусматривает, поскольку для нее нет ни грамматических, ни семантических условий.

Есть, по крайней мере, три класса семантических моделей, в которых возникает связь существительного с инфинитивом или *чтобы*-придаточным:

- предложения со значением «потребности в объекте с заданным/желательным признаком» (*Где найдешь помощника, чтобы знал три языка? Где взять устройство, чтобы помещалось в карман?*);

- предложения со значением «потребности в ресурсе, поиска или наличия ресурса» (*Дай ножницы нитку отрезать/Негде взять ножницы, чтобы нитку отрезать; Ищут сторожа склад охранять*);

- предложения со значением «необоснованности ожиданий или несоответствия ожиданий реальности» (*Я не сторож ваши вещи охранять; Я не ребенок, чтобы в это поверить*).

В предложениях со значением «желательного признака» (*Где взять устройство, чтобы помещалось в карман?*) этот признак определяется желаниями субъекта потребности и не связан с функцией искомого предмета или лица: неизвестно, какова функция устройства, желательный признак (размер) с этой функцией не связан. Заметим, что в этой конструкции невозможен инфинитив – ни в составе придаточного, ни непосредственно при существительном. Ср.: **Где взять устройство, чтобы помещаться в карман?*; **Где найдешь помощника, чтобы знать три языка?* – **Где найдешь помощника знать три языка?*

Этот тип предложений интересен тем, что признак, эксплицируемый в придаточном, соответствует желанию субъекта (ср.: *«Я хочу, чтобы помощник знал три языка; чтобы устройство помещалось в карман»*), но в главной клаузе глагола или другого предикатного слова со значением «желания» и с соответствующей валентностью нет, а *чтобы*-придаточное присоединяется непосредственно к существительному (не имеющему пропозициональной валентности). Это не предусмотрено грамматическими описаниями (поскольку признак существительного должен выражаться атрибутивным придаточным), но, тем не менее, широко представлено в речи.

Конструкциям со *чтобы*-придаточными посвящена другая работа автора [6]. А далее

мы рассмотрим только конструкции с инфинитивом, хотя, как правило, у них есть вариант со *чтобы*-придаточным. Предложения типа *Дай ножницы нитку отрезать* будем называть **ресурсными конструкциями** с инфинитивом предназначения (в «Русской грамматике» используется формулировка «инфинитив, определяющий по цели, предназначенности» [9, § 2019]), а предложения типа *Я не сторож ваши вещи охранять* – **отрицательно-имплицативными конструкциями**.

Ресурсные конструкции с инфинитивом предназначения

В ресурсной конструкции говорится: а) о наличии/отсутствии у лица X (не всегда названного) ресурса Y для реализации ситуации P (*У нас нет денег заплатить за гостиницу; Есть мука пирог испечь?*) или б) о потребности X-а в ресурсе Y, поиске, получении и т. д. ресурса Y для реализации ситуации P (*Не забудь котелок уху варить*).

Ресурс – это средство для реализации цели субъекта. Зависимая предикация – инфинитив или *чтобы*-придаточное – как раз и обозначает эту цель субъекта, которая одновременно является предназначением ресурса. В качестве ресурса может выступать функциональный предмет, специально приспособленный и предназначенный для выполнения какого-либо действия, например: [*Дай*] *ножницы нитку отрезать/спички газ зажечь/мыло руки помыть/ручку телефон записать* и т. п. Однако это может быть окказиональной корреляцией, когда субъект подбирает предмет с подходящими свойствами для реализации цели (*принеси веток костер развести; забей гвоздик пальто вешать; дай одеяло окно занавесить*). Ресурс должен непосредственно участвовать в реализации ситуации-цели. Ср.: **выключи радио спать, *помой*

*руки ужинать, *надень шапку не простудиться*. Такие неправильные конструкции легко преобразуются в правильные целевые, например: *Надел шапку, чтобы не простудиться*. Это свидетельствует о том, что инфинитив в них относится не к существительному, а ко всей главной предикации.

Ресурсом может быть не только предмет, но и человек (*Наняли сторожа склад охранять; Взял помощника на письма отвечать; Ищут няню с ребенком сидеть*).

Ресурсные конструкции следует отличать от предложений, где есть слово с лексической валентностью ресурса (*достаточно, нужно, требуется, хватает* и под.), выражающих «необходимость, достаточность, оценку количества ресурса», например: *У нас хватит времени доехать до вокзала/чтобы доехать до вокзала (хватит **чего** – ресурс; хватит **на что** – цель); Нужно/достаточно полчаса, чтобы доехать до вокзала* и под. Эти предикаты и их валентности описаны в работах И. М. Богуславского [2], И. Б. Левониной [7]. А в ресурсных конструкциях, о которых идет речь в данной работе, нет слов с такой валентностью.

Ресурсные конструкции с инфинитивом предназначения отличаются также от конструкций с целевым инфинитивом. В собственно целевой конструкции главный предикат, к которому относится целевой инфинитив, обозначает «действие X-а, предпринятое для реализации цели P» (*пошел проводить сестру; остался поужинать*). В ресурсной же конструкции, так же как и в целевой, есть лицо X – субъект желания, потребности, цели и целевая ситуация P, обозначаемая инфинитивом, но главный предикат обозначает поиск ресурса Y, а не действие X-а, необходимое для реализации цели. При этом должна возникать импликация “X-у нужно P”, а в противном случае невозможно присоединить к ресурсу

целевую ситуацию. Второе отличие от целевого инфинитива – отсутствие требования ко-референтности субъектов главного глагола и инфинитива. Если ресурс – предмет, то X может быть субъектом целевой ситуации Р (ср.: *Взял ножницы нитку отрезать* – резать будет, скорее всего, сам X), хотя это не обязательно. Ср.: *Забей гвоздик пальто вешать* (пальто сможет вешать кто угодно). Если ресурс – лицо, то именно это лицо Y и будет реализовывать ситуацию Р в интересах X-а (*Наняли курьера почту доставлять*).

В ресурсных конструкциях инфинитив присоединяется именно к существительному, о чем свидетельствует невозможность его замены на другое существительное. Ср.: *принеси мыло руки помыть* vs. ?*принеси веток руки помыть*; *ищут сторожа склад охранять* vs. ?*ищут няньку склад охранять*.

Таким образом, существует очевидная корреляция между функциональными свойствами референта существительного и содержанием целевой ситуации. Даже если существительное-ресурс не функциональное (у слов *мыло*, *спички*, *ножницы* указание на функцию является главным семантическим компонентом), все равно оно может заполнять валентность подчиненного инфинитива. Ср.: *принеси веток костер развести* – *развел костер из веток*. Слово *ветки* само по себе не имеет валентности на *костер*, зато оно соответствует семантическим требованиям предиката *развести костер*, и *ветки* являются законным участником соответствующей ситуации.

Это означает, что в ресурсной конструкции участвуют либо функциональные существительные, у которых функция – часть семантики (то есть функциональные названия предметов и лиц), либо существительные, у которых целевая ситуация, обозначенная инфинитивом, входит во фрейм.

При этом способность существительных без пропозициональной валентности присоединять инфинитив появляется в ресурсной конструкции только при определенных семантических условиях – если в предложении есть смыслы ‘наличие’, ‘обладание’, ‘потребность’, которые обеспечиваются главным предикатом. Ср.: 1) *Дай спички газ зажечь*, но: **Потерял спички газ зажечь*; 2) *Взял помощника на письма отвечать*, но: **Поссорился с помощником на письма отвечать*.

Рассматриваемая конструкция, по сравнению с близкими к ней конструкциями, нетривиальна не только в синтаксическом отношении (из-за присоединения инфинитива к невалентному существительному), но и в семантическом.

В самом деле, предикат атрибутивного придаточного семантически не связан с определяемым существительным. Их отношения свободные, ср.: *Нянька, которая сидит с ребенком/нянька, которую мы знаем по даче/нянька, которой мы звонили* и т. д. У целевого инфинитива тоже нет семантической связи с главным предикатом – возможны разные по семантике инфинитивы, например: *Пришла нянька деньги получить/телефон узнать/на работу наниматься/с ребенком сидеть*. В конструкциях типа *Взяли сторожа склад охранять* инфинитив не только синтаксически, но и семантически связан – более того, семантически согласован – с существительным.

Определенная связь между ресурсом и целевой ситуацией характерна для ресурсной конструкции: ресурс и нужен для того, чтобы реализовать ситуацию Р, и, следовательно, должен быть пригоден (т. е. обладать необходимыми качествами, подходить) для ее реализации. Однако в конструкциях с **функциональными** существительными, т. е. существительными, которые содержат внутренний

семантический предикат, соответствующий функции лица или предмета (*сторож* – ‘сторожить’, *нянька* – ‘нянчить’, *нож* – ‘резать’, *лопата* – ‘копать’ и т. д. [1; 8]), связь ресурса и целевой ситуации более тесная.

Эффект семантического согласования (практически – дублирования) с инфинитивом внутреннего предиката существительного объясняется следующим: агенс глагольного предиката универсален, и поэтому он может выполнять любое действие, реализовывать любую глагольную ситуацию. Этим определяется его свободная номинация, например: *Курьер/Иван/сосед/знакомый доставляет почту*. Конечно, если выполняется, что существительное употребляется референтно. В предложениях типа *Курьеры развозят почту; Сторожа охраняют объекты* с нереперентными существительными ситуация, понимается, другая.

Функциональная номинация типа *нянька, сторож, курьер* и т. п. тоже называет агенса, но специализированного, выполняющего действия, предусмотренные функционалом имени. В отличие от действий «универсального» глагольного агенса, эти действия являются постоянными (свойством), а не актуальными.

Общей идеей ресурсной конструкции является «пригодность» ресурса для реализации целевой ситуации. Поэтому в случае свободной номинации (*найди кого-нибудь с ребенком посидеть*) функционал *Y*-а не определен номинацией и извлекается из инфинитива (‘найди того, кто пригоден, подходит для *P*’). Это касается и единичной ситуации, и постоянной функции, например: *Найди кого-нибудь вещи посторожить/склад сторожить; Найди кого-нибудь документы доставить/почту доставлять*. Однако если говорящий выбирает функциональную номинацию (*нянька, сторож, курьер*), то он тем самым задает

функционал референта (в силу общей пресуппозиции: ‘*Y* подходит для реализации *P*, сможет реализовать *P*’). И тогда уже функциональная номинация предопределяет выбор «функционального» инфинитива (аналогично – с функциональными предметами типа *нож, игла, лопата* и т. п.).

Ср.: *Нашли няньку с ребенком сидеть/сторожа склад охранять/курьера почту доставлять*. Но: *Нашли няньку склад охранять/курьера с ребенком сидеть/сторожа почту доставлять*.

Заметим, что таким высказываниям, конечно, можно придумать интерпретацию, тем не менее, они нарушают грайсовский принцип кооперации, а именно постулаты, относящиеся к категории способа [3], т. к. содержат «неестественную» номинацию.

Таким образом, в конструкциях с инфинитивом предназначения мы имеем дело со связью, которая не укладывается в традиционные грамматические классификации. Ее можно назвать **функциональным распространением**, или **функциональным присоединением**. Ее особенность – в семантическом согласовании между функциональным существительным и целевым инфинитивом, характерном именно для агентивной сферы. Это особый вид связи, промежуточный между валентным и свободным присоединением: менее сильная связь, чем валентная, но более сильная, чем свободная (обстоятельственная), поскольку, как и валентная, она ориентирована на семантику существительного. Следовательно, если представлять синтаксис как классификацию «морфологизованных» синтаксических единиц (моделей словосочетаний и предложений), то рассматриваемые конструкции оказываются в «классификационном провале».

Итак, возможность экскорпорировать внутренний функциональный предикат есть

именно у функциональных существительных, однако она реализуется в определенных условиях, когда референт существительного рассматривается именно с функциональной точки зрения, например, в ресурсных конструкциях; если семантического согласования нет, то тогда это уже не ресурсная конструкция.

Ср.: (1) *Искала сковородку рыбу пожарить* vs. (2) *Искала сковородку вернуть соседке, а нашла пропавшую кастрюлю*; (1) *Ищут няньку с ребенком сидеть* vs. (2) *По всему двору искала няньку ключи отдать*.

В примерах (2) нет никаких признаков ресурсной конструкции: нет субъекта интереса; *У* не является ресурсом (сковородка мыслится не как функциональный, а как просто физический предмет); отсутствует идея предназначения (соответственно, нянька мыслится просто как лицо, безотносительно к функции). Наконец, в примере (2) *искала няньку ключи отдать* существительное *няньку* употребляется референтно, в отличие от примера (1). Иначе говоря, имеет место не функциональное, а так называемое «денотативное» понимание референта *У*, и поэтому присоединяемый инфинитив никак не связан с семантикой *У* и отражает случайный признак референта существительного (в более ранних работах автора вводится понятие денотативного и семантического присоединения [5]; см. также и другие исследования [1; 10]). Таким образом, в примерах (2) употребляется обычный целевой инфинитив с кореферентным субъектом ('*Х искал*' – '*Х отдаст*').

Отрицательно-импликативная конструкция

Есть еще одна конструкция, в которой инфинитив семантически связан с функциональным существительным, прежде всего, с личным, но не только с ним. Приведем примеры: *Я не сторож вашу технику охранять*;

Я не прокурор тебя осуждать; *Я не прислуга за вами убирать*; *Я не повар на всех готовить*; *Я не банкир всем деньги раздавать* и т. п.

Ср. также: *Я вам не столовая всех кормить*; *Я вам не банк деньги раздавать*.

Попутно заметим: вариант этой конструкции с союзом *чтобы* (*Я не больной, чтобы сидеть дома*) С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов рассматривали в составе фразеологизованных моделей целевых придаточных [4].

На наш взгляд, общая грамматическая семантика этой конструкции – ирреальное следствие. Цель – это разновидность ирреального следствия, так что способы их выражения сходны: *чтобы*-придаточное и инфинитив; при этом ирреальное следствие, в отличие от цели, не требует контролируемости подчиненной предикации. Ср.: *Я не ребенок корью болеть*.

В разбираемых предложениях *чтобы* отсутствует, скорее, как результат компрессии, характерной для разговорной речи. Ресурсные конструкции с инфинитивом тоже имеют более разговорный характер, чем со *чтобы*-придаточным.

Наша конструкция «опровержения ожиданий» включает обязательное отрицание и присоединяется не к существительному-дополнению, а к существительному-сказуемому. Мы назвали эту конструкцию отрицательно-импликативной, так как в ней отрицается наличие ожидаемого следствия (поскольку отсутствуют необходимые условия, порождающие такое следствие).

Есть особенность, которая делает ресурсную и отрицательно-импликативную конструкции, при всем их сходстве, практически антонимичными. В ресурсной конструкции функциональное существительное-ресурс выступает именно как носитель функции (постоянного свойства), и рассматривается возмож-

ность использования его референта в соответствии с функцией. В отрицательно-импликативной же конструкции речь идет об актуальном, разовом действии, которое ожидается от субъекта главной предикации. Это действие является функциональным (узуальным) для определенной группы лиц (сторожей, прокуроров, прислуги, поваров, банкиров и т. д.), но при этом отрицается принадлежность субъекта главной предикации к группе лиц с данным функциональным свойством, а потому от него не следует ожидать и единичного действия.

К слову заметим: на самом деле, этот способ рассуждения является демагогическим, так как, если человек не сторож, это не значит, что он не может что-то посторожить; если человек не банкир, это не значит, что он не может дать денег в долг и т. д.

Отрицательная конструкция имеет расширения. В главной предикации может быть обозначение не только а) лица по характерному действию, но и б) места – пространства (обычно функционального, т. е. связанного с характерным действием), учреждения, или в) времени, например:

б) *Здесь не пляж в купальниках ходить; Здесь не ресторан блюда выбирать;*

в) *Сейчас не лето без пальто ходить.* У обозначений времени типа *лето*, конечно, нет внутренних предикатов – ср., однако, *каникулы, перерыв*, – но есть характерные импликации.

В этом случае подразумевается некоторая характерная ситуация, которая является типичным признаком данного места или времени и которая порождает соответствующие импликации: на пляже люди ходят в купальниках; в ресторане клиенты выбирают блюда. Поскольку субъектом характерной ситуации обычно бывает человек, такие предложения

часто имеют и личный вариант, например: *Вы не на пляже в купальниках разгуливать.*

Таким образом, импликация не всегда «материализует» именно функциональный предикат. Так, предикат ресторана – ‘есть’, а не ‘выбирать блюда’, – но и то и другое может стать импликацией (*Здесь не ресторан, чтобы есть/заказы делать/блюда выбирать*). Важно, что импликации порождаются существительным.

Подведем итоги

Валентная связь существительного с инфинитивом (*способность понять, просьба помочь*) семантически обязательна, даже если она синтаксически не выражена. При этом содержание пропозиционального зависимого прямо не вытекает из семантики существительного и может варьироваться в довольно большом диапазоне.

Связь функционального существительного с функциональным инфинитивом (или *чтобы*-придаточным), не обязательна, поскольку возникает только в определенной конструкции, но при этом семантически предсказуема, предопределена семантикой существительного. Парадоксальность такой связи в том, что внутренний предикат, с которым коррелирует «экскорпорированный» инфинитив, является словарным свойством существительного. И в этом состоит сходство с валентной связью. Кроме того, в ресурсной конструкции имеет место кореферентность актантов – объекта главного предиката и субъекта инфинитива, – что порождает сходство с атрибутивной (относительной) связью. Ср.: *нашли няньку сидеть с ребенком vs. нашли няньку, которая будет сидеть с ребенком.*

В морфологически ориентированной грамматике выделяются те лексико-грамматические разряды внутри части речи, которые

вливают на поведение морфологических категорий. Например, конкретные, вещественные, собирательные и абстрактные существительные взаимодействуют с категорией числа. Однако в идеале грамматика должна учитывать и те свойства слов, которые релевантны для синтаксиса и от которых зависит способность

слов употребляться в тех или иных синтаксических конструкциях. Таким образом, в синтаксически ориентированной классификации существительных разумно было бы выделять «предметные» (натуральные классы), функциональные (типа *нож, нянька*) – хотя бы потому, что они присоединяют инфинитив предназначения (но не только!), – и ситуативные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова Н. Д.** Функциональное значение // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 53–61.
2. **Богуславский И. М.** Сфера действия лексических единиц. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
3. **Грайс Г. П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
4. **Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.** Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
5. **Кустова Г. И.** Прилагательные в составе номинаций лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог–2010». – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 265–271.
6. **Кустова Г. И.** Конструкции с союзом *чтобы*: ресурсы и соответствия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог–2014». – М.: Изд-во РГГУ, 2014. – С. 307–317.
7. **Левонтина И. Б.** Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография: колл. монография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2006. – С. 163–238.
8. **Рахилина Е. В.** Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
9. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. II. Синтаксис. – 710 с.
10. **Partee Barbara H.** Динамический характер значения прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог– 2009». – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 593–597.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.13)

Kustova Galina Ivanovna, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
E-mail: galinak03@gmail.com

AGENTIVE INFINITIVE IN THE CONTEXT OF FUNCTIONAL NOUNS

Abstract

The article deals with constructions that include an infinitive connected with a noun: resource construction (*Dajnozhnicyñitkuotrezat'*) 'give me scissors to cut a thread' and "functional inconsistency" (*Ja ne storozhvashevshchiohraniat'*) 'I'm not your caretaker to watch over your things'. These constructions are compared with the goal infinitive.

In goal construction (*X prishelpogovorit'*), 'X came to talk to you' X wants P and X will do P. Infinitive is connected with a verb. In resource construction, infinitive P is connected with a noun R that has no infinitive valency. Such connection becomes possible under certain conditions: the noun R is a resource for the situation P. The noun R can refer to an object (*scissors, hammer, matches*) or person (*nurse, caretaker, courier*, cf.: *Oni ishchutstorozhaskladokhraniat'*). 'They want to hire a watchman to guard the store'. Semantically the infinitive P corresponds to the inner semantic predicate of the noun R. A similar connection occurs in the case of "functional inconsistency", but this construction must include negation.

Traditional classifications usually ignore such constructions because they belong to non-standard usage.

Keywords

Construction, infinitive, resource, goal, unreal consequence

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Functional meaning. N. D. Arutyunova. *Language and the human World*. Moscow, Jazyki russkoy kul'tury Publ., 1998, pp. 53–61. (In Russian)
2. Boguslavsky I. M. *The scope of the lexical units*. Moscow, Jazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russian)
3. Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and semantics*. Vol. 3, N.Y., Academic Press Publ., 1975, pp. 41–58. (In Russian)
4. Kriuchkov S. E., Maksimov L. Ju. *Modern Russian. Syntax of complex sentence*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 191 p. (In Russian)
5. Kustova G. I. Adjectives in nominations of Humans. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2010, pp. 265–271. (In Russian)
6. Kustova G. I. Constructions whis the conjunction *chtoby*: resources and correlations. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2014, pp. 307–317. (In Russian)

7. Levontina I. B. The concept “goal” and the semantics of Russian goal words. *Language picture of the world and systemic lexicography*. (Ed.) U. D. Apresjan. Moscow, Jazyki slavianskih kul'tur Publ., 2006, pp. 163–238. (In Russian)
8. Rakhilina E. V. *Cognitive analysis of concrete nouns: semantics and compatibility*. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, 416 p. (In Russian)
9. *Russian Grammar*. Vol. II. Syntax. (Ed.) N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, 710 p. (In Russian)
10. Partee Barbara H. The dynamics of adjective meaning. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2014, pp. 593–597. (In Russian)

© А. А. Чернобров

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.14)

УДК 811.111'373 + 811.161.1'373 + 008

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА АПЕЛЛЯТИВНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

А. А. Чернобров (Новосибирск, Россия)

Из прагматических соображений требуется идти на серьезные изменения в переводе. При переводе необходимо выходить за пределы собственно лингвистической системы. Ясно, что простое перенесение реалий в переведенный текст не всегда дает возможность полностью усвоить содержащуюся в тексте информацию. Поэтому переводчики прибегают к различным специальным приемам, конечно, при условии, если сама реалья известна и правильно понята ими, что бывает не всегда. Проанализировав обширный материал, мы пришли к выводу, что существуют следующие способы передачи английских реалий на русский язык: а) сохранность реалий в тексте с последующим комментарием; б) отказ от сохранения реалий, «описательный» перевод; в) сохранение реалий в тексте с добавлением изъясняющих слов; г) трансформация, т. е. замена одной реалии другой; д) элиминация, игнорирование реалий в тексте. Из всех вышеперечисленных способов передачи «непереводимых» реалий (содержащих или не содержащих личные имена) переводчики чаще используют описательный перевод. Однако, на наш взгляд, в большинстве случаев предпочтительным оказывается первый способ, т. е. послетекстовая сноска. Только таким образом можно полностью раскрыть импликацию, подтекст, скрывающийся за фоновыми словами.

Ключевые слова: язык и культура, перевод, эквивалентность перевода, нарицательные и собственные имена, прагматика.

Многие отрасли науки первоначально возникают из необходимости решения прикладных, прагматических задач. Именно так возникло лингвострановедение. Ключевыми здесь стали понятия лексического фона (*lexical background* [17]) и культурной грамотности [11].

Преподаватели русского языка как иностранного столкнулись с практическими трудностями в учебном процессе. Незнание иностранцами лексического фона русских слов,

главным образом реалий, делало невозможной адекватную коммуникацию. В то время как Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров создавали новую лингводидактическую теорию, некоторые теоретики говорили о прагматических трудностях перевода [1]. Сходные идеи высказывали и другие зарубежные лингвисты [4–6; 12–16]. Суть проблемы сводилась к тому, что из прагматических соображений требовалось идти на серьезные изменения в переводе [2–3; 9]. А. Д. Швейцер одним из первых

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: chern@sibmail.ru

подчеркнул, что при переводе необходимо выходить за пределы собственно лингвистической системы («Для перевода характерно неразрывное единство собственно лингвистических и не лингвистических аспектов» [9, с. 32]). Лингводидактическая проблематика соединилась с переводческой.

На первом этапе развития лингвострановедение понималось именно как сопоставительная дисциплина. Г. Д. Томахин писал: «<...> основным частным методом лингвострановедения является сопоставление семантики единиц конкретного языка (включая коннотации и национально-культурный фон с соответствующими единицами другого языка)» [8, с. 6–7].

Мы проанализировали многочисленные примеры из художественной литературы, содержащие трудности для перевода и понимания с лингвострановедческой точки зрения, но остановимся лишь на некоторых из них.

В художественных текстах крайне редко встречались прямые указания на восприятие того или иного имени. Имена сами по себе, мода на них, их коннотации, ассоциации, аллюзии, вкусы тех или иных слоев населения в выборе имен и т. д. почти никогда не становятся предметом обсуждения в художественных текстах. Рассмотрим такой редкий пример: мальчик и его мать выбирают имя для новорожденной сестры мальчика:

<i>My Mother's List:</i>	<i>My List:</i>
<i>Christabel</i>	<i>Clair</i>
<i>Zoe</i>	<i>Toya</i>
<i>Jade</i>	<i>Sharon</i>
<i>Frankie</i>	<i>Diana</i>
<i>India</i>	<i>Pandora</i>
<i>Rosie</i>	<i>Georgina</i>
<i>Caitleen</i>	
<i>Ruth</i>	

I only liked 'Rosie' and 'Ruth' out of my mother's list. She didn't like any in my list. She said, Pandora was a pretentious name...

...Christabel! It sounds like somebody out of Peter Pan. Nobody is called Christabell. The poor kid!

...My sister's name is Rosie Germaine Mole.

Everybody likes 'Rosie' but only my mother likes 'Germaine'. The registrar raised his eyebrows, and said, 'Germaine? As in Female Eunuch?'

My mother said, 'Yes, have you read it?' 'No, but my wife can't put it down' (Townshend S. Growing Pains of Adrian Mole. L., 1983. P. 115–136).

Из маминых имен мне только Розы и Руфь понравились, а ей из моих вообще ни одно не понравилось. Пандору раскритиковала. Чересчур, говорит, напыщенно!

...Мама сказала, что назовет ребенка Кристабель.

Кристабель! Где она его откопала, в «Питере Пэне», что ли?! Кто сейчас называет детей Кристабелями? Вот же не повезло бедняге.

...Мую сестру назвали Розы Джермина Моул.

Розы всем нравится, а Джермина – только маме. Мужик в мятой рубашке, который сестру записывал, когда эту Джермину услышал, аж глаза вытаращил.

– Это откуда такое? – спрашивает. – Из «Женщины-евнуха», что ли?

Мама так и просияла:

– Точно! Вы тоже читали?

– Бог миловал. А жена оторваться не могла (Таунсенд С. Страдания Адриана Моула / пер. Е. Е. Ивашиной. М.: Фантом Пресс, 2013. 448 с.).

Приведенный пример показывает, насколько субъективно может быть индивидуальное восприятие отдельных имен. В серии книг об Адриане Моуле необычно много аллюзий и упоминаний различных актуальных событий, персон и книг. Информационная революция конца XX – начала XXI вв. позволяет любознательному читателю найти в сети Интернет полный текст «Питера Пэна» в нескольких переводах или справку о нем в Википедии. Можно найти и текст феминистской книги Дж. Грир «Женщина-евнух» (1970), однако это не освобождает редактора и переводчика от обязанности пояснить суть фоновой информации, незнакомой русскому читателю. Информацию о некоторых английских личных именах см. также в словаре [10].

Нас интересовали случаи необычного употребления имен. Это может быть какой-то троп (метафора, метонимия, синекдоха и т. д.), окказионализмы или же скрывающиеся за именами различные импликации или подтекст.

Обратимся к примерам.

1. *Then James Forsythe, notwithstanding all his Jonahisms, was no saner man* (Galsworthy J. *The Man of Property*. М.: Progress, 1973. P. 93). Ср.: <...> не было человека, несмотря на всю его мнительность, более здравомыслящего, чем Джемс Форсайт (Голсуорси Дж. Собственник. М.: Правда, 1964. Т. I. С. 111.).

В этой фразе выразительным средством служит библейская аллюзия, которая к тому же послужила источником образования окказионализма. Пророк Иона символизирует человека, приносящего неудачу, т. к. в Библии (в книге Ионы) говорится о том, что он, отказавшись проповедовать в Ниневии, бежал на корабле в Фарсис. Ослушавшись Бога, он навлек бурю на этот корабль.

Тогда он попросил бросить его в море, и «утихло море в ярости своей». Видимо, в контексте романа имелось в виду чувство вины и раскаяния, испытываемое Джемсом. Переводчик передал слово *jonahisms* как *мнительность*.

2. *Don't start giving me St. Paul* (Osborne J. *West of Sher // Modern English Drama*. М., 1984. P. 301). Видимо, здесь герой намекает на склонность Св. Павла к нравоучительным проповедям, и понимать эту фразу следует так: «Перестань поучать меня!». Судя по примеру, актуализируемый в контексте характерный признак какого-либо лица не всегда прозрачен и иногда трудно установить, какой из них имеется в виду.

Религиозные контексты представляют особые трудности как для российских переводчиков, так и для читателей. Несмотря на декларируемое «религиозное возрождение», уровень религиозных знаний остается низким. Надо признать, что и на Западе можно встретить проявления невежества в религиозных вопросах, например:

I will look up 'Epiphany' in my new dictionary.

Epiphany is something to do with the three wise men. Big deal! (Townsend S. *The Secret Diary of Adrian Mole, Aged 13¾*. L., 1982. P. 15). Ср.: *Надо бы посмотреть в моем новом словаре, что за праздник такой – Крещение.*

А Крещение как-то связано с тремя стариканами, типа волшебниками. Делов-то! (Таунсенд С. *Тайный дневник Адриана Моула* (начатый в возрасте тринадцати с половиной лет) / пер. Е. Полецкой. М.: Фантом Пресс, 2001).

А в другом переводе – *А Крещение – это что-то про трех волхвов. Подумаешь, событие!* (Таунсенд С. *Дневники Адриана Моула* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/TAUNSEND/moul.txt>)

Слово *Eriphany*, думаю, следовало перевести как *Богоявление*. Во-первых, это один и тот же праздник, во-вторых, слово *богоявление* действительно могло быть непонятно подростку, в отличие от слова *крещение*, в-третьих, читателю неясно, как связаны крещение Христа, которое тот принял в тридцатилетнем возрасте, и приход ко Христу трех мудрецов-волхвов на двенадцатую ночь после Рождества. Не вдаваясь в богословские подробности, редактор должен пояснить, что в Западной церкви в этот день принято праздновать явление Бога миру, когда мудрецы, увидев в небе рождественскую звезду, пришли поклониться Ему. В Восточной церкви в тот же день празднуется крещение Христа в Иордане, принятое от Иоанна Крестителя. Богословы усматривают в этих двух событиях символическую связь, но ее суть не входит в фоновые знания и не должна поясняться в комментарии.

Кроме информативных потерь от незнания лексического фона, часто теряется и юмористический эффект. Например:

My cap was one I have worn for many years, a blue serge British naval cap with a short visor and on its peak the royal lion and unicorn, as always fighting for the crown of England (Steinbeck J. *Travels with Charley in Search of America*. N. Y., 1964. P. 37). Ср.: *Фуражку свою я ношу уже много лет. Это синяя английская капитанка с маленьким козырьком и кокардой, на которой лев и единорог все еще дерутся из-за английской короны* (Дж. Стейнбек Путешествие с Чарли в поисках Америки. М., 1965. С. 49.).

Во-первых, здесь необходим комментарий, что лев и единорог – это геральдические животные на английском королевском гербе, представляющие, соответственно, Англию и Шотландию. Юмористический эффект при пе-

реводе пропадает из-за того, что читатель может не уловить аллюзию на книгу Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». В главе VII Алиса, наблюдая сражение льва и единорога, вспоминает песенку:

The Lion and the Unicorn were fighting for the Crown:

The Lion beat the Unicorn all round the town.

Some gave them white bread, some gave them brown,

Some gave them plum-cake and drummed them out of town (Carroll L. *Through the Looking-Glass*. M., 1966. P. 149.).

Вел за корону смертный бой

Со львом единорог,

Гонял единорога лев

Вдоль городских дорог.

Кто подавал им черный хлеб,

А кто давал пирог,

А после их под барабан

Прогнали за порог

(перевод С. Маршака).

Книги Л. Кэрролла известны каждому англичанину, такие книги Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют «облигаторными» [1, с. 240]. Некоторые из этих книг уже стали явлениями мировой культуры и не требуют комментариев.

В той же книге Дж. Стейнбек упоминает и Л. Кэрролла напрямую, вспоминая эпитафию с нью-орлеанского кладбища:

'Alas that one whose darntly joy had often to trust in heaven should canty thus sudden to from all its hopes benivens and though thy love for off remore that dealt the dog pest thou left to prove thy sufferings while below'. It's wonderful, I said. Lewis Carroll could have written it. I almost know what it means.

Ср.: «Увы, увы, ты наповал на небо вкусивши гадостей земных и в одночасье ввысь воспарил от всех своих надежд, а нам свою

болонку преподнес, мол, ах, тяжка ты, доля в земной юдоли смертного». Изумительно! Так мог написать Льюис Кэрролл. Я почти все понимаю!

Что касается упоминания Л. Кэрролла, русский читатель вполне способен понять иронию автора, но попытка переводчика передать тарабарский стиль самой эпитафии, пожалуй, не удалась. Например, вместо *собачьей чумы* откуда-то появилась *болонка*.

Количество примеров подобного рода можно было бы увеличить, но тезис о важности учитывать подтекст, имплицитные оттенки смысла при переводе, на наш взгляд, не требует дальнейших подтверждений.

Ясно, что простое перенесение реалий в переведенный текст не всегда дает возможность полностью усвоить содержащуюся в тексте информацию. Поэтому переводчики прибегают к различным специальным приемам, конечно, при условии, если сама реалия известна и правильно понята ими, что бывает не всегда. Проанализировав обширный материал, мы пришли к выводу, что существуют следующие способы передачи английских реалий на русский язык:

- а) сохранность реалий в тексте с последующим комментарием;
- б) отказ от сохранения реалий, «описательный» перевод;
- в) сохранение реалий в тексте с добавлением изъясняющих слов;
- г) трансформация, т. е. замена одной реалии другой;
- д) элиминация, игнорирование реалий в тексте.

Проиллюстрируем каждый случай:

а) *Mrs Snell had her hat on... The Hattie Carnegie label was still inside it, faded but (it might be said) unbowed* (Salinger J. D. *Down at the Dinky* // J. D. Salinger. *Nine Stories*. Franny and Zooey. М., 1982. Р. 80). Ср.: *Миссис Снелл была*

в шляпе. Ярлык фирмы «Карнеги» еще держался на подкладке – поблекший, но, смело можно сказать, непобежденный (Дж. Д. Сэлинджер *В ялике* // Дж. Д. Сэлинджер. *Грустный мотив* / пер. Норы Галь. М., 1963. С. 22.).

В комментарии к английскому изданию поясняется, что «Х. Карнеги» – это одна из ведущих модельеров женской одежды в США. Цены в салоне очень высокие, поэтому очевидно, что шляпа была подарена миссис Снелл одной из ее работодательниц, так же как сумочка и спичечный коробок с эмблемой клуба "Stork Club".

В комментарии раскрывается импликация социального положения героини и сделаны умозаключения, к которым может прийти человек, знакомый с реалиями американской действительности.

б) *I looked through the Gideon Bible in my motel room for tales of great destruction* [Vonnegut K. *Slaughterhouse Five* // English Reader for Students. М., 1980. Р. 157]. Ср.: *Я поискал в Библии на столике в мотеле описание какого-нибудь огромного разрушения* (Воннегут К. *Бойня № 5* и другие романы / пер. Р. Райт-Ковалевой. М.: Художественная литература, 1978. 727 с. С. 40).

Как видим выражение *the Gideon Bible* переведено как *Библия на столике в мотеле*. Описательный перевод применен здесь потому, что русскому читателю неизвестно, что «Гедеонова Библия» – это дешевое издание Библии, бесплатно распространяемое Гедеоновым обществом с 1889 г. и имеющееся в каждом номере отеля и в каждой больничной палате в США.

Приведем еще один пример:

Her glasses were on a little Donald Duck night table, folded neatly and laid stems down (Salinger J. D. *Uncle Wiggily in Connecticut* // J. D. Salinger. *Nine Stories*. 1982. Р. 52). Ср.: *На столике, разрисованном утятами, лежали*

стеклами вверх очки с аккуратно сложенными дужками (Сэлинджер Дж. Д. Повести. Рассказы / пер. Р. Райт-Ковалевой. М., 1967. С. 283.).

В этом контексте описательный перевод не требуется из-за сближения лексических фонов имени в обеих языковых средах, описанного в предыдущей главе.

в) <...> *and for dessert you got Brown Betty which nobody ate, except maybe little kids in the lower school that didn't know any better and guys like Ackley that ate everything* (Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. М., 1979. P. 57). Ср.: <...> *а на сладкое – Рыжую Бетти, пудинг с патокой, только его никто не ел кроме малышни из первых классов да таких как Экли, который на все накидывается* (Сэлинджер Дж. Д. *Над пропастью во ржи* // Дж. Д. Сэлинджер. Повести. Рассказы. М., 1967. С. 36).

В этой фразе для правильного понимания текста переводчиком добавлены изъясняющие слова. В данном случае этот прием оправдан, но им не следует злоупотреблять, поскольку, во-первых, слишком длинные вставки отяжеляют текст; во-вторых, нельзя выдавать текст переводчика за слова автора.

Приведем еще один подобный пример:

She used to have a pipe and a can of Prince Albert, with half an apple cut up in it (Capote T. *The Grass Harp*. М., 1980. P. 48).

Ср.: *Раньше у нее была трубка, и жестянка была с табаком «Принц Альберт» – туда половинку яблока клали* (Кэпот Т. *Голоса травы* / пер. С. Митиной. М., 1971. С. 37).

В английском тексте изъясняющее слово перед наименованием «Принц Альберт» отсутствует. Подразумевается, что по контексту англичане должны понять, что речь идет о табаке.

г) *He is short and I am tall. We were Mutt and Jeff in the war* (Vonnegut K. *Slaughterhouse Five* // English Reader for Students. М., 1980. P. 147).

Он низенький, а я высокий. В армии нас прозвали Пат и Паташон (Воннегут К. *Бойня № 5* и другие романы / пер. Р. Райт-Ковалевой. М.: Художественная литература, 1978. 727 с. С. 27).

Как видим, в русском переводе пара клоунов Матт и Джефф заменена на другую пару, более известную русскоязычному читателю – Пат и Паташон. Иногда переводчики, видимо, по незнанию совсем упускают вторично-номинативную функцию имен:

д) *The driver turned around. "You got me, Mac" he said.*

He faced down again (Salinger J. D. *Raise High the Roof Beam, Carpenters* // J. D. Salinger. *Nine stories. Franny and Zooey*. М., 1982. P. 321). Ср.: *Водитель обернулся. – А кто его знает, Мак, – сказал он и снова стал смотреть вперед* (Сэлинджер Дж. Д. *Выше стропила, плотники* // Дж. Д. Сэлинджер. Повести. Рассказы. М., 1967. С. 183.).

В этом примере переводчица упустила такую деталь, что *Mac* – фамильярное обращение к незнакомому мужчине, между тем читатели воспринимают его как личное имя героя. Примечательно, что в двух примерах, найденных нами в художественной литературе, и двух, встретившихся в американских художественных фильмах, *Mac* – это обращение к водителю такси или шофера к пассажиру.

В третьем случае, найденном нами, имя *Mac* служило обращением к бармену: *"Hey, Mac, bring me two bottles of Pabst!"*

"One at a time?"

"No, all at once!" he shouted (Saroyan W. *Trains* // W. Saroyan. *Selected Short Stories*. М., 1975. P. 140).

Ср.: – *Эй, дай-ка мне две бутылки «Пабста»!*

– *По одной?*

– *Нет, все сразу!*

Обращение, видимо, следует заменить в переводе словом *командир* или *шеф*, которое употребляют в русской речи в аналогичных ситуациях. В комментарии к англоязычному изданию ошибочно указывается на то, что *Мас* – это обращение к шотландцу.

Проанализированные нами многочисленные примеры позволяют сделать вывод, что из всех вышперечисленных способов передачи «непереводимых» реалий (содержащих или не содержащих личные имена) переводчики чаще используют описательный перевод. Однако, по нашему мнению, в большинстве случаев предпочтительным оказывается первый способ, т. е. **послетекстовая сноска**. Только таким образом можно полностью раскрыть импликации, подтекст, скрывающийся за фоновыми словами, в то же время не искажая сам текст, не обедняя и не отягощая его.

Как видно из данных, приведённых в работе, различия национально-культурных фонов проявляются на двух уровнях языка: на лексическом уровне и на уровне текста (стилистическом). Если применять сосюрговскую дихотомию «язык – речь», можно сказать, что фоновая лексика – это языковой аспект лингвострановедения, а культуроведческая стилистика и переводоведение – это речевой аспект проблемы.

Таким образом, лексический, экспериментальный уровень с одной стороны, и текстовый, стилистический уровень с другой стороны, находятся в неразрывном, органическом единстве.

Далее остановимся на принципах транскрипции безэквивалентной лексики на русский язык. Этим вопросом с конца 1960-х гг. занималась А. В. Суперанская. В ее статье разобраны практические аспекты транскрипции [7]. Время показывает, что, несмотря на

детально разобранные трудности и ясные теоретические принципы, остаются некоторые вопросы.

В передаче английских собственных имен на русский язык можно выделить два периода: 1) транслитерации и 2) практической транскрипции.

В первый период фамилия *Wilde* передавалась как *Вильде*, *Salisbury* как *Салисбури* и т. д. От этого периода осталось традиционное произношение многих имен; *Лондон* и *Вашингтон*, пожалуй, наиболее частотные из них. Причина транслитерации имен очевидна: они заимствовались через письменные, а не устные источники. Грамотный «книжный» переводчик считал, что «правильная» передача слова – это возможно более точное отражение всех букв в слове. Показательно, что во французском языке транслитерация, пожалуй, даже чаще не совпадала с транскрипцией, чем в английском. Некоторые случаи транслитерации – *Дидерот*, *Гизот* и др. – ушли в прошлое, некоторые – *Мюрат* – остались. Искажение английских имен в русском языке в основном происходило не из-за транслитерации, а из-за французского языка. Смещение ударения, смягчение согласных, стягивание дифтонгов, другие изменения гласных – наиболее частые последствия «галльского» влияния. Ср.: *Liverpool* – *Ливерпóль*, *William Shakespeare* – *Вильям Шекспíр*, *Ruskin* – *Рескин* и др. Такое влияние французского языка также объяснимо: образованные дворяне в России гораздо чаще имели французских учителей и гувернеров, чем английских. Французский язык, в отличие от английского, входил в обязательный гимназический курс. А главное, прямое общение с носителями английского языка было не столь частым, и, следовательно, английские имена приходили в Россию «через вторые руки».

В XX в. с развитием техники, транспорта, связи и звукозаписи заимствование

имен стало прямым, и образованные люди стали считать, что грамотно переданное иностранное слово – это, прежде всего, правильно произнесенное слово.

Возникает вопрос: всегда ли стоит прибегать к транскрипции в передаче иностранных имен, как это принято в современную эпоху? По нашему убеждению, некоторые имена, звуковая форма которых прочно отложилась в ассоциативной памяти носителей русского языка, не следует изменять и вводить новое произношение. Имена *Шекспир*, *Генрих Гейне*, *Фрейд*, *Гексли* (биолог, родной дед английского писателя Олдоса Хаксли) должны

сохранить свое фонетическое лицо. Однако нежелательно распространение различных неправильных произносительных вариантов имен в тех случаях, когда нет устоявшейся традиции произношения. Трудно сказать, почему американская актриса Джессика Лэнг (*Lange*) стала известна в нашей стране как *Ланж*. Кстати, некоторые известные личности имеют по несколько искаженных вариантов имен и фамилий. В подобных случаях переводчикам следует строже придерживаться правил практической транскрипции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1991. – 260 с.
2. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
3. **Крупнов В. Н.** Творческая лаборатория переводчика. – М.: Международные отношения, 1976. – 150 с.
4. **Лабов У.** Исследование языка в его контексте // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. VII. Социолингвистика. – С. 96–181.
5. **Ладо Р.** Лингвистика поверх границ культур / перевод с англ. В. А. Виноградова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. Прогресс, 1989. – Вып. XXV. – С. 32–62.
6. **Нойберт А.** Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. / под ред. В. Н. Комиссарова. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 185–201.
7. **Суперанская А. В.** Принципы передачи безэквивалентной лексики // Великобритания: лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1978. – С. 457–480.
8. **Томахин Г. Д.** Теоретические основы лингвострановедения: дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1984. – 487 с.
9. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
10. **Collins First Names A–Z Guide.** – L.: Harper Collins Publ., 1993. – 276 p.
11. **Hirsch E. D., Kelt J. F., Trefil J.** Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. – Boston, 1988 – 669 p.
12. **Lado R.** Linguistics across Cultures. Applied Linnguistics for Language Teachers. With Preface by Ch. Fries. – N.Y., 1957. – 141 p.
13. **Neubert A., Shreve M.** Translation as Text. – Kent: Kent State University Press, 1992. – 169 p.
14. **Nida E.** Language Structure and Translation: Essays. – Redwood: Stanford University Press, 1975. – Pp. 185–188.
15. **Nida E.** The Theory and Practice of Translation. – Brill, 1969 (with C.R. Taber). – 216 p.
16. **Nida E.** Toward a Science of Translating. – Brill, 1964. – 333 p.
17. **Searle J. R.** Speech Acts. – Cambridge, 1969. – 203 pp.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.14)

Chernobrov Alexey Alexandrovich, Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Foreign Language Department, Novosibirsk State
Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: chern@sibmail.ru

PRAGMATIC DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF COMMON AND PROPER NAMES

Abstract

Pragmatic purposes sometimes require serious changes in translation. While translating it is necessary to go beyond the limits of purely linguistic units. Surely, simple transferring of the realities of another culture to the translated text is not enough to completely preserve all the information contained in the text. Therefore translators use special devices, on condition the culture specific unit is known and understood correctly by the translator, which is not guaranteed. Having analysed extensive material, we have come to a conclusion, that there might be five ways of transferring English culture specific units into Russian: 1) preserving the culture specific units in the text with the subsequent commentary; 2) “descriptive” translation without preservation of culture specific units; 3) preservation of culture specific units in the text with addition of explaining words; 4) transformation, i.e. replacement of one culture specific unit with more familiar ones; 5) ignoring of culture specific units in the text. Translators prefer to use descriptive translation, mostly ignoring all the other ways of translating the “untranslatable” culture specific units. But, in our opinion, in most cases the first way i.e. a post-textual commentary, is preferable. Only the commentary permits to completely reveal all the implications and ambiguities hidden behind the background words.

Keywords

Language and culture, translation equivalence, proper and common names, pragmatics

REFERENCES

1. Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. G. *Language and Culture*. 4th ed. Moscow, Russian Language Publ., 1991, 260 p. (In Russian)
2. Vlahov, S. Florin S. *The untranslatables in translation*. Moscow, Higher School Publ., 1986, 416 p. (In Russian)
3. Krupnov V. N. *In the Translator's Creative Laboratory*. Moscow, International Relations Publ., 1976, 150 p. (In Russian)
4. Labov W. The study of language in its social context. *Studium Generale*. 1970, no 23, pp. 30–87. (In Russian)
5. Lado R. *Linguistics across Cultures. Applied Linguistics for Language Teachers*. With Preface by Ch. Fries. N.Y., 1957, 141 p. (In Russian)
6. Neubert A., Shreve M. *Translation as text*. Kent, Kent State University Press Publ., 1992, 169 p. (In Russian)
7. Superanskaya. A. V. Principles of translation of untranslatable vocabulary. *The Dictionary of Great Britain*. Moscow, Russian Language Publ., 1978, pp. 457–480. (In Russian)
8. Tomakhin G. D. *Theoretical Foundations of Linguo-cultural Studies*. Moscow, 1984, 487 p. (In Russian)
9. Schweitzer A. D. *Translation and Linguistics*. Moscow, Military Publ., 1973, 280 p. (In Russian)

10. Collins *First Names A–Z Guide*. L., Harper Collins Publ., 1993, 276 p.
11. Hirsch E. D., Kelt J. F., Trefil J. *Dictionary of Cultural Literacy. What Every American Needs to Know*. Boston, 1988, 669 p.
12. Lado R. *Linguistics across Cultures. Applied Linnguistics for Language Teachers*. With Preface by Ch. Fries. N.Y., 1957, 141 p.
13. Neubert A., Shreve M. *Translation as Text*. Kent, Kent State University Press Publ., 1992, 169 p.
14. Nida E. *Language Structure and Translation: Essays*. Redwood, Stanford University Press Publ., 1975, pp. 185–188.
15. Nida E. *The Theory and Practice of Translation*. Brill, 1969 (with C.R. Taber), 216 p.
16. Nida E. *Toward a Science of Translating*. Brill, 1964, 333 p.
17. Searle J. R. *Speech Acts*. Cambridge, 1969, 203 p.

© С. Меркантини

DOI: 10.15293/2226-3365.1502.15

УДК 811.131

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ АППРОКСИМАТОРА *QUASI* И ЕГО СИНОНИМОВ

С. Меркантини (Милан, Италия)

В настоящей статье рассматриваются результаты исследования различных аспектов семантического анализа ряда синонимичных аппроксиматоров – *quasi*, *praticamente*, *pressoché*, *rosso meno*, *circa*, *a momenti*, *per poco non*. Под термином **аппроксиматор** в тексте понимаются языковые единицы, которые включают оценку описываемой ситуации говорящим как несоответствующей заданной им номинации. Анализ итальянских аппроксиматоров выполнен в рамках методологии Московской семантической школы (МСШ). В частности, в статье кратко представляются все возможные значения этого синонимического ряда аппроксиматоров (приблизительность, завершенность, результативность, нежелательность, смягчение и др.), однако подробно описываются лишь смысловые сходства и различия между синонимами в их употреблении в количественных контекстах. Сходства и различия, в свою очередь, проверяются посредством взаимозаменяемости синонимов в одном и том же контексте. По результатам анализа, в количественных контекстах слову *quasi* могут быть свойственны три семантических признака: 1) «в малой степени», 2) «в меньшей степени», 3) «в T_1 не P , а в T_2 P ».

Ключевые слова: аппроксимация, приблизительность, количественное значение, квантор, сочетаемость, взаимозаменяемость синонимичных средств, *quasi*, *praticamente*, *pressoché*, *rosso meno*, *circa*, *a momenti*, *per poco non*.

Слово *quasi* («почти») принадлежит к классу аппроксиматоров. Под термином *аппроксиматор* мы понимаем те элементы языка (лексические, морфологические, фразеологические, синтаксические, фонетические), которые в тексте выражают семантическую категорию аппроксимации [9, с. 34]. Главная черта аппроксимации состоит в том, что с помощью аппроксиматора говорящий определенным образом сомневается в правомерности данного им именованного и это его сомнение влечёт за собой определённую оценку [10, с. 4].

Лексема *quasi* принадлежит к классу аппроксиматоров со значением «**количественной** характеристики чего-либо». Она преимущественно указывает на «**близость** степени не-которого свойства ситуации к пределу» (*il serbatoio è quasi pieno – бензобак почти полон*), на «**неполноту** свойства» (*il serbatoio è quasi pieno*, значит, что бензобак не полон) или на «неполноту некоторого множества» (*i posti erano quasi tutti occupati – места были почти все заняты*).

Меркантини Симона – аспирант кафедры романской филологии, Московский городской педагогический университет. Факультет иностранных языков и литературы, Миланский католический университет, Милан, Италия.

E-mail: simona.mercantini@gmail.com

В нашей статье мы ограничимся этой количественной характеристикой значения слова *quasi*, однако количественное значение не единственное возможное. Перед тем как приступить к подробному его описанию, представим кратко ряд других возможных значений.

Круг синонимов *quasi*

В итальянских словарях выделяются до пяти разных значений лексемы *quasi*, которые иллюстрируются рядом синонимов [11–15]. Эти синонимы мы условно делим на 5 групп.

А. Слово *quasi* выражает оценку **приблизительности**. Оно может означать:

1) количество, точнее, «**приблизительное** указание на количество» (*pesa quasi un quintale – он весит почти 100 кг*);

2) «**приближение** к естественному **пределу** градуируемого свойства (*era seduta in un angolo quasi buio – она сидела в темноватом углу*) или состояния» (*era ormai quasi buio – было уже почти темно*);

3) «**приближение** к **результату** действия» (*abbiamo quasi deciso – мы почти решили*) или приближение к **завершению** процесса (*le mele sono quasi marcite – яблоки почти сгнили*).

В данном значении лексеме *quasi* дается толкование посредством других слов: *circa* («около»), *poco meno* («чуть меньше»), *pressoché* («почти что») / в орфографическом варианте *pressocché*.

Б. *Quasi* указывает на то, что «**нежелательное** действие **не наступило**», например: *il bambino quasi cadeva – ребенок почти («чуть не») упал*. Для этого значения в словарях выделяют следующие синонимы: *per poco non* и *a momenti* («чуть не»).

В. *Quasi* смягчает результат речевых и волевых действий [7, с. 84], предложений, сомнений и решений, например: *sono quasi pentito di aver comprato questa casa – я почти*

жалею, что купил этот дом. Это, третье, значение указывает на «низкий уровень уверенности» или на «высокий уровень осторожности» говорящего, и словари обычно предлагают его интерпретировать как синоним слова *forse* («≈ может быть»). Встречается обычно в форме редупликации (*quasi quasi vado al mare – почему бы мне не поехать на море*).

Г. Особый случай представляет собой употребление *quasi* в функции союза или в составе союзного сочетания *quasi che* («≈ почти что»). Здесь *quasi* вводит **сравнительные** предложения [3, с. 611–614] и синонимично *come se* («≈ как будто»), например: *Mi guardava quasi <come se> fossi un miraggio – он смотрел на меня как будто на видение*.

Д. В словарях отдельно отмечается употребление *quasi* в сочетании с существительными в **научных текстах** и допускаются три орфографических варианта: слитный, раздельный и дефисный, например: *quasi-particella – квазичастица* (физика), *quasi contratto – квазиконтракт* (юридические науки), *quasi ovunque – почти всюду* (математика) и т. д.

Количественное значение

Слова, которые в пункте А трактуются как синонимы *quasi*, имеют следующее общее толкование: *quasi P* – «рассматриваемое положение вещей близко к ситуации P».

Любопытно, что ни в одном из рассматриваемых нами словарей (толковом или синонимическом) не упомянута синонимичность со словом *praticamente* («≈ фактически»). Оно, однако, представляет для нас интерес, поскольку во многих контекстах является единственным заменяющим синонимом аппроксиматора *quasi*, например: *non hai mangiato quasi <praticamente> niente – ты почти <фактически> ничего не ел*; *quasi <praticamente> piangeva – он почти <фактически> плакал*.

Главный признак для всех этих языковых единиц по отношению к количеству, свойствам и состояниям – «указание на оценку говорящего неполноты признака» [5, с. 74; 1, с. 4], а главный признак для всех этих языковых единиц по отношению к действиям и процессам – «указание на их оценку говорящим как незавершенных».

Далее рассмотрим отдельно контексты, где встречаются эти значения.

I. Количественные контексты со значением «неполноты»

Данные аппроксиматоры (*quasi*, *praticamente*, *poco meno di*, *pressocchè*, *circa*) со значением «неполноты» преимущественно встречаются в количественных контекстах, в сочетании с **числами**.

Судя по примерам, разница, на которую указывают эти аппроксиматоры, является **очень небольшой**. Говорящий, скорее, скажет *Andrea vive a Mosca da quasi <praticamente, poco meno di, circa> 30 anni*, если он знает или считает, что Андрей уже живет в Москве хотя бы 27–28 лет. Каждый оператор предполагает разное восприятия ‘малости’, однако мы имеем в виду лишь одно фундаментальное различие: *da quasi <praticamente, poco meno di> 30 anni* – чуть меньше 30 лет; *da circa 30 anni* – более или менее 30 лет.

Quasi, *poco meno di (che)* и *circa* часто употребляются при округлении количеств (*erano quasi in <circa, poco meno di> duecento – их было почти двести*). Тем не менее обнаруживается различие между синонимами, поскольку для *circa* характерна сочетаемость с **приблизительными округлениями** десятков, сотен и тысяч, что не свойственно *quasi* и *poco meno che*, ср.: *erano circa <[?]quasi; [?]poco meno di> una cinquantina – было человек около пятидесяти*. Между тем округление показателя

возраста к ближайшему целому с числами типа *ventenne*, *trentenne* и т. д. выражается сочетанием с *quasi* и с *poco meno che*, а не сочетанием с *circa*, например: *un ragazzo quasi <poco meno che; [?]circa> ventenne – парню почти двадцать лет*.

Объясняется это спецификой значения лексемы *circa*, в которое входит признак «неизвестности»: *il biglietto costa circa 20 euro (билет стоит около 20 евро)* значит, что говорящему неизвестна настоящая цена билета. Иными словами, аппроксиматор *circa* указывает на любую точку вокруг предела (они все могут быть верными), в то время как *quasi* и *poco meno di (che)* – на то, что разница между числительным, заданным в упрощенной форме, и реальным числительным очень маленькая и потому нерелевантная.

Для оператора *quasi* также характерно описание **множества** объектов или их частей в сочетании с **кванторами** (*tutti*, *tutto*, *ogni*, *sempre*, *mai*, и т. п. – *все, всё, каждый, всегда, никогда*) [6, с. XXXI], например: *sono scesi dal treno quasi tutti – почти все вышли из поезда (множество объектов); quasi tutti i vagoni del treno sono vuoti – почти все вагоны поезда пусты (множество частей объекта)*. Контекст *quasi P*, где P – квантор **всеобщности** (*tutti*, *ogni*, *sempre*, и т. п.), указывает на то, как *quasi P* и P могут различаться не только признаком «в малой степени», но и признаком «в меньше степени». Так, *quasi P* может значить ‘меньше, чем P’, то есть P является «верхним пределом» [8, с. 814] и ситуация, о которой идет речь, приближается (или близка) к указанному предельному количеству «снизу» [4, с. 607].

На первый взгляд в антонимичных контекстах *quasi P*, когда P является или **отрицательным** квантором (*nessuno*, *niente*, *nulla* и т. п. – *никто, ничего*), или квантором **единственности** (*solo*, *unicamente* – *только, единственно*), должно быть значение ‘больше чем

P' (*quasi* характеризует «нижний предел» [8, с. 814] и описанная ситуация приближается к указанному предельному количеству «сверху». Тогда предложение *questo quadro non vale quasi niente* (*эта картина почти ничего не стоит*) можно было бы истолковать как 'картина стоит в малой степени **больше**, чем ничего' и у аппроксиматора *quasi* появлялось бы новое значение – 'в малой степени' и 'в больше степени'.

На основе подобных примеров А. Вежицкая в своей работе о слове *almost* делает вывод, что вопрос решается исключением значения 'в меньшей степени' из числа смысловых компонентов слова *almost* [4, с. 607].

Мы предлагаем все-таки включить в толкование слова *quasi* значение «в меньшей степени», т. к. оно выполняет **функцию смягчения** как в положительных, так и в отрицательных контекстах. Иными словами, если словосочетание *quasi bene* следует понимать как «еще немного хорошего и было бы совсем хорошо», то словосочетание *quasi male* также следует понимать как «еще немного плохого и было бы совсем плохо». Тогда кванторы **отрицания/единственности/свойства с отрицанием** типа *insignificante, inutile, disgustoso* следует считать верхним пределом ситуации, а словосочетания типа *un lavoro quasi inutile* (*работа почти бесполезна*) – истолковать как 'работа почти без пользы; если бы отсутствия пользы было бы немного **больше**, то была бы бесполезна' [8, с. 812].

Нашу гипотезу подтверждают примеры, где аппроксиматоры *quasi* и *poco meno che* взаимозаменяемы: *il suo era un lavoro quasi <poco meno che> inutile*. Аппроксиматор *poco* включает слово со значением «меньше» («чуть меньше, чем»). Тем не менее, он употребляется именно с отрицательными кванторами и со словами, называющими отрицатель-

ные качества. Таким образом, можно предполагать, что эти аппроксиматоры (*quasi* и *poco meno che*) связаны **всегда** с пределом характеризующей ситуации 'снизу' и имеют значение «в меньшей степени».

Во фразах типа *non è arrivato quasi nessuno* (*почти никто не пришел*) говорящий скорее подчеркивает отсутствие многих людей, чем присутствие немногих, и тогда эту фразу следует толковать как «не пришло много людей, а если бы не пришедших было бы немного больше, то не было бы никого».

II. Количественные контексты со значением развития

Для лексем *quasi, praticamente, poco meno, pressocchè* и *circa* также типично употребление в фразах типа *quasi P*, где P – обстоятельство времени. В таких контекстах *quasi*, в отличие от всех других аппроксиматоров, включает в свое значение смысловой компонент «скоро» и P является **результатом развития** характеризующего количества – *quasi P* («≈ имеющая место ситуация в момент T1 очень близка к ситуации P; ситуация P должна иметь место в момент T2; промежуток времени между T1 и T2 небольшой»), например: *Quanti anni ha suo figlio? Diciassette, quasi diciotto* – *Сколько лет твоему сыну? Семнадцать, почти восемнадцать*. Здесь другие варианты недопустимы: cfr. **Diciassette, circa diciotto*; ?*Diciassette, poco meno di diciotto*...

Это семантическое свойство слова *quasi* объясняет особенности его сочетаемости с частицей *ormai* со значением времени (усилительную длительную форму слова *ora* можно приблизительно перевести на русский язык *теперь уже*). Для *quasi* это более характерно, чем для *circa*, например: *nel 1940 aveva ormai quasi <?circa> sessant'anni* – *в 1940 ему было уже почти шестьдесят лет*.

Подведем итоги.

В количественных контекстах мы обнаружили три признака для слова *quasi*: 1) «в малой степени», 2) «в меньшей степени», 3) «в T₁ не Р, а в T₂ Р». Только первый признак является общим для всего ряда синонимов, например: *Andrea ha <quasi, praticamente, poco meno di, pressoché, circa> 30 anni* значит, что «разница между настоящим возрастом Андрея и 30-ю годами очень небольшая». Второй

признак является общим для *quasi, praticamente, poco meno, pressoché*, ср.: *Andrea ha <quasi, praticamente, poco meno di, pressoché> 30 anni* значит, что «ему меньше 30-ти лет». А третий признак входит в значение только одного синонима – *quasi*, ср.: *Andrea ha quasi 30 anni* значит, что «ему скоро будет 30 лет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Horn L. R.** Almost forever // Pragmatics and autolexical grammar. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011. – P. 3–21.
2. **Sadock J. M.** Truth and approximations // Proceedings of the 3rd annual meeting of the Berkeley linguistics society. – Berkeley: BLS, 1977. – Pp. 430–439.
3. **Serianni L.** Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. – Torino: UTET, 2010 – 750 p.
4. **Wierzbicka A.** Precision in vagueness: The semantics of English 'approximatives' // Journal of Pragmatics. – 1986. – № 10(5). – Pp. 597–614.
5. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. Лексическая семантика. – 2-е изд. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т. I. – 472 с.
6. **Апресян Ю. Д.** Лингвистическая терминология словаря для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – С. XXII–LII.
7. **Апресян Ю. Д.** Русская языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
8. **Григорьева С. А.** Синонимический ряд *почти* для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – С. 812–817.
9. **Дубовицкая Е. Ю.** Проблема различения смыслов «неопределенное количество», «приблизительное количество», «вероятное количество» и средства их реализации в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М.: Грамота, 2008. – № 2(2). – С. 33–36.
10. **Сахно С. Л.** Приблизительные номинации современного французского языка: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 191 с.
11. **Cortellazzo M., Zolli P.** Dizionario interattivo etimologico. – Bologna: Zanichelli editore, 1999.
12. **De Mauro T.** Dizionario italiano. – Torino: Paravia, 2000.
13. **De Mauro T.** Grande dizionario italiano dell'uso. – Torino: UTET, 2007.
14. **Devoto G., Oli G. C.** Il Devoto-Oli. Vocabolario della lingua italiana. – Milano: Mondadori Education, 2014.
15. **Zingarelli N.** Vocabolario della lingua italiana. – Bologna: Zanichelli, 2014.

Mercantini Simona, Senior Lecturer, Department of Romance Languages, Moscow City Teacher Training University, Moscow, Russian Federation. Senior Lecturer, Catholic University of the Sacred Heart, Milan, Italy.
E-mail: simona.mercantini@gmail.com

QUANTITATIVE COMPONENT IN THE APPROXIMATIVE *QUASI* AND ITS SYNONYMS

Abstract

In this article we explicate a number of Italian approximative particles such as *quasi*, *praticamente*, *pressoché*, *pocomeno*, *circa*, *a momenti*, *per poco non* and look at the difference in distribution and meaning of these synonyms. “approximators” in our paper are all modifiers that imply a certain degree of discrepancy of the speaker’s statement and the state of affairs it refers to. The examination of Italian approximators was carried out according to the principles stated by the Moscow semantic school. In this paper we present the most important semes conveyed by this set of synonyms (approximation, completeness, result, undesirability, mitigation etc.), further, we describe in detail the similarities and differences between synonyms in their distribution in quantitative contexts. The similarities and differences are verified by substitutions of different approximators in the same context. As a result of our analysis we display the three main meanings that are introduced in quantitative contexts by the modifier *quasi*: *quasi X = 1. A little different from X; 2. Less than X; 3. In T₁ it isn’t X, but in T₂ it is X.*

Keywords

approximation, quantitative meaning, quantifier, combinability, substitutability of synonyms, quasi, praticamente, pressoché, poco meno, circa, a momenti, per poco non.

REFERENCES

1. Horn L. R. Almost forever. *Pragmatics and Autolexical Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011, pp. 3–21.
2. Sadock J. M. Truth and approximations. *Proceedings of the 3-rd annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, BLS Publ., 1977, pp. 430–439.
3. Serianni L. *Italian grammar. Spoken and literary Italian language*. Torino, UTET Publ., 2010, 750 p.
4. Wierzbicka A. Precision in vagueness: The semantics of English 'approximatives'. *Journal of Pragmatics*. 1986, no. 10(5), pp. 597–614.
5. Apresyan Yu. D. *Selections. Lexical semantics*. Moscow, Shkola “Yaziky Russkoi Kultury” Publ., Editor Firma “Vost. Lit” Publ., 1995, vol. 1, 472 p. (In Russian)
6. Apresyan Yu. D. Glossary of linguistic terms. *The new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow, Wien, Yaziky slovyanskoi kultury Publ., Venskiy slavistichesky almanakh Publ., 2004, pp. XXII–LII. (In Russian)
7. Apresyan Yu. D. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. Main ed. Yu. D. Apresyan. Moscow, Yaziky slovyanskikh kultury Publ., 2006, 912 p. (In Russian)
8. Grigoreva S. A. Synonyms of *pochti*. *The new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow, Wien, Yaziky slovyanskoi kultury Publ., Venskiy slavistichesky almanakh Publ., 2004, pp. 812–817. (In Russian)

9. Dubovickaya E. Yu. Differences in meaning between “undetermined quantity”, “approximative quantity”, “probable quantity” and their display in contemporary English language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Moscow, Gramota Publ., 2008, no. 2(2), pp. 33–36. (In Russian)
10. Sakhno S. L. *Approximative words in contemporary French language: dissertation for a degree of candidate of philological sciences*. Moscow, 1983, 191 p. (In Russian)
11. De Mauro T. *Italian Distionary*. Torino, Paravia Publ., 2000. (In Italian)
12. De Mauro T. *Complete Dictionary of the use*. Torino, UTET Publ., 2007. (In Italian)
13. Devoto G., Oli G. C. *Il Devoto-Oli. Dictionary of Italian Language 2014*. Milano, Mondadori Education Publ., 2014. (In Italian)
14. Cortellazzo M., Zolli P. *Interactive etymological dictionary*. Bologna, Zanichelli editore Publ., 1999. (In Italian)
15. Zingarelli N. *Dictionary of Italian Language*. Bologna, Zanichelli Publ., 2014. (In Italian)

© Ю. В. Крылов

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.16)

УДК 81'37

НАРУШЕНИЕ НОРМ ЯЗЫКА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (ПРИЕМ И АНТИПРИЕМ)

Ю. В. Крылов (Новосибирск, Россия)

В статье представлен анализ нарушений различных норм языка на материале рекламных сообщений. Дается краткое представление о понимании эффективности рекламного сообщения, определяется различие между языковыми, речевыми и этическими нормами, представленными в коммуникации. Ключевым аспектом работы является различение ненамеренного нарушения нормы (орфографической или пунктуационной ошибки) и намеренного нарушения нормы как приема речи. При этом акцент сделан не на нарушение орфографических норм. Актуальность определяется тем, что разбираются примеры нарушений грамматических, графических, словообразовательных и синтагматических норм и предлагается их анализ с точки зрения эффективности использования такого коммуникативного приема. Эффективность анализируемых приемов, с опорой на теорию языковой коммуникации, оценивается на материале современной рекламы, что позволяет в результате получить актуальные выводы о нарушении норм языка в качестве специфического коммуникативного приема: виды нарушений противопоставляются с точки зрения эффективности в зависимости от фактора адресата (молодежная/немолодежная аудитория), а также в связи с легкостью прочтения и понимания речевого приема адресатом в целом.

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммуникация, языковые нормы, коммуникативный прием.

В статье мы рассматриваем нарушение языковых норм в рекламной коммуникации. При этом сам факт отступления от нормы языка в сообщении принимается как осознанное решение автора, как некий коммуникативный прием, влияющий на эффективность рекламной коммуникации.

Прежде всего, определим, что принимается как норма и какие виды норм выделяются. Лингвистика выделяет различные варианты нормативности. Так, можно сопоставить

нормы языковые и речевые, нормы собственно языковые и экстралингвистические (внеязыковые). Нормы языковые, будучи опосредованы узусом, восходят к системе и структуре языка. Это, по определению Ю. М. Михайловой, «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [9, с. 337].

Крылов Юрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: filin1402@gmail.com

Нормы речевые, или текстовые, – это правила построения письменного и устного текста, обеспечивающие его связность, цельность и однозначность, а также среднестатистические языковые характеристики текстов определенной стилевой и/или жанровой принадлежности.

Под нормативностью языка традиционно понимают «правила использования языковых средств в определенный период развития литературного языка, т. е. правила произношения, правописания, словоупотребления, грамматики. Норма – это образец единообразного, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений). Норма закрепляется в грамматических справочниках, соответствующих словарях» [12, с. 198].

Речевой нормой называется совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных в процессе общественной коммуникации и закреплённых конвенционально.

Нормативность языка – хорошо изученная и подробно описанная тема, однако не теряющая своей актуальности, поскольку, с одной стороны, лингвисты постоянно отмечают наличие отступлений от языкового канона в речи, с другой – сама норма языка меняется вслед за накапливаемыми изменениями живого языка. Как отмечает Н. И. Формановская, «языковая система, находясь в постоянном использовании, создается и видоизменяется коллективными усилиями тех, кто ее пользуется <...> Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведет к перестройке в нем, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта. Таким образом, язык в процессе

речевого функционирования развивается, изменяется, и на каждом этапе этого развития языковая система с неизбежностью содержит в себе элементы, которые не завершили процесс изменения. Поэтому различные колебания, варианты неизбежны в любом языке» [17, с. 47].

Нормированность речи – это ее соответствие литературно-языковому идеалу. Указанное свойство нормы было отмечено А. М. Пешковским: «Существование языкового идеала у говорящих, – вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере *создающая* самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования» [11, с. 54].

Речевые нормы, как известно, предполагают соблюдение определенной стилевой или жанровой принадлежности, что непосредственно связано с использованием различных риторических приемов. Риторический прием – понятие, которое с точки зрения системного подхода к определению понятий и терминов элокуции представляется целесообразным считать наиболее общим (родовым) в кругу таких понятий и терминов, как троп, фигура речи (*стилистическая фигура, риторическая фигура*), стилистический прием. Причем такое осмысление понятия «риторический прием» предполагает самое широкое понимание нормы и соответственно мотивированного условиями речевого общения отклонения от той или иной ее разновидности. Норму, в таком случае, Ю. М. Михайлова определяет как «понятие, обозначающее границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» [8, с. 579]. Отклонения от нормы (в таком ее пони-

мании) фиксируются в речи, но не обязательно являются нарушением собственно языковых норм, поскольку «отношения "нормативный язык/ненормативное содержание", – отмечает В. И. Болотов, – возможны при передаче различных абсурдов, бессмыслиц, нарушающих нормы психического абсолюта: при передаче ситуаций в фантастике и волшебных сказках и т. д., т. е. при нарушении социальных (статусных, ролевых, поведенческих, моральных, этических, религиозных и т. д.) норм» [2, с. 41].

Замечание, высказанное в работе В. И. Болотова, предполагает, что коммуникация ориентируется не только на собственно языковые, но и внеязыковые (социальные, этические и прочее) нормы. Они не фиксируются в справочной литературе, а закрепляются в национальной языковой картине мира и усваиваются субъектом в процессе воспитания и «проникновения» в культуру.

Соответственно, анализируя ситуации нарушения норм в рекламной коммуникации с точки зрения влияния на эффективность коммуникации, необходимо учитывать следующие аспекты нормативности:

- во-первых, разделять языковые и речевые нормы, допускающие некоторое отклонение от строгой языковой системы с целью создания риторического приема, соблюдения стилистической целостности, для учета факторов языковой ситуации;
- во-вторых, нарушение норм языка может носить намеренный характер – именно эти случаи рассматриваются в рамках статьи и принимаются как удачные или неудачные попытки сделать коммуникацию эффективной;
- в-третьих, помимо собственно языковых норм, выделяются различные социальные, этические, ролевые и прочие правила речевого поведения, нарушение которых также

может быть намеренным и нести определенную коммуникативную функцию.

Например, реклама пылесоса от торгового дома «Эльдорадо» (*Пыль сосу за копейки*) не нарушает никаких языковых норм, но за счет ассоциативных связей имеет явное нарушение этических, поведенческих стереотипов. Контекстная поддержка (изображение пылесоса) и указанный измененным шрифтом объект воздействия (пыль) не помогают снять ассоциативно неоднозначную интерпретацию высказывания. Поскольку в таких примерах нет нарушения языковых норм, то они остаются за рамками нашей работы.

Определив языковую норму в качестве границы для отбора языкового материала, зададим параметры эффективности коммуникации, по которым можно определить, выполняет ли свои задачи прием нарушения нормы.

Теме эффективности посвящено много работ в рамках теории языковой коммуникации. Почти все они сходятся в одном: результативность коммуникативного акта определяется достижением цели коммуникации желательным путем минимальных языковых усилий. Цели рекламного сообщения, с точки зрения маркетологов, могут быть различными: информирование о новинках на рынке, формирование имиджа товара, рассказ о новых функциях товара, представление места продажи товара, воспитание лояльности у потребителей и т. д. С точки зрения лингвистики все эти задачи подразумевают информационную функцию (сообщение новых сведений о товаре, его качествах, местах и времени его продажи), эмоциональную функцию (формирование у адресата положительной оценки товара) и волюнтаристическую функцию (формирование у адресата потребности в покупке товара).

Выделение функций рекламной коммуникации позволяет оценивать ее эффективность с точки зрения полной или частичной реализации этих функций.

Анализ языкового материала позволяет отметить, что наиболее частотными являются нарушения следующих языковых норм: 1) орфографические и пунктуационные; 2) графические (необычное написание кириллицы, использование латиницы); 3) деривационные («неправильное» словообразование, словотворчество); 4) синтагматические.

1. Больше всего «претензий» к рекламе лингвисты высказывают по поводу орфографических и пунктуационных норм. Эти ошибки не редкость в современной рекламе. Их наличие, видимо, можно объяснить отсутствием грамотных редакторов в рекламном процессе.

Рассмотрим пример – объявление «Реконструкция, строительство, приобретение» (Сбербанк России) (рис. 1).

Рисунок 1

Подобное встречается часто, но *преобретение* – это ошибка ненамеренная, вследствие безграмотности. Соответственно, ее невозможно рассматривать в качестве коммуникативного приема.

Приведем совершенно иной пример: в 2012 г. выведено на рынок пиво «Руски», причем в написании бренда допущены две ошибки (отсутствовали одна буква «С» и «Й»). Была запущена рекламная кампания со слоганом «Пиво по-«Руски»». Как впоследствии признали эксперты рынка, «потребители стали активно возмущаться допуском орфографических ошибок в рекламе пива и не покупали пиво на праздник. Через полгода после запуска доля рынка составила всего 0,4 %. Затраты на продвижение марки составили более 2 млн долл. Однако такой результат не оправдал ожиданий и через год пиво «Руски» сняли с производства (Коммерсант. 28.04.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1631241>).

Неэффективность данного коммуникативного приема определяется коммерческим провалом: потребители не покупали пиво, связывая отрицательные эмоции от безграмотного названия с самим товаром. Очевидно, что грубые орфографические ошибки вызывают негативную реакцию читателей, а неявные, негрубые, ошибки могут быть нешефированы читателями (например, слитное/раздельное/дефисное написание сложных слов, строчная/заглавная буква). Следовательно, нарушения орфографии и пунктуации русского языка, как правило, могут быть отнесены к антиприемам рекламной коммуникации.

Орфографическими нарушениями можно считать использование графем, отмененных реформой 1918 г., в написаниях слов, в соответствии с дореформенной орфографией (назовем этот прием «старая орфография») (рис. 2, 3).

Рисунок 2

Рисунок 3

К сожалению, незнание правил правописания (*лЕкарь* вместо *лѣкарь*) или необоснованная замена букв (*обувѣ* вместо *обувь*) создает отрицательный эффект восприятия у грамотных адресатов и никак не влияет на большую часть аудитории, которая не осведомлена о данных правилах. Успешным приемом можно считать использование торговым домом «КоммерсантЪ» конечного «Ъ» в качестве фирменного узнаваемого стиля с хорошо прочитываемым подтекстом: «вспоминая традиции дореволюционной коммерции». Однако дальнейшее тиражирование данного приема в других рекламах можно отнести к штампам, что, несомненно, не повышает, а понижает эффективность приема «старой орфографии».

2. Отрицательный эффект чаще всего наблюдается в случае нарушения графических норм: кириллица в рекламе может заменяться латиницей (Lada, UAZPatriot), соединяться с ней в одном слове (Ladamаркет, Mobelизация).

Название сети баров Санкт-Петербурга «СПБ» расшифровывается как «сеть пивных баров», одновременно обыгрывается традиционная аббревиатура названия города СПб (рис. 4). Использование в имени латиницы объясняется правовыми аспектами: название городов нельзя регистрировать как имя товара. При этом можно констатировать, что подобное смешение вызывает устойчивые ассоциации со знаком доллара в названии (более 50 % студентов из 132 человек отметили такую ассоциацию при опросе), что, в свою очередь, вызывает ассоциации с высокими ценами.

Рисунок 4

Второй пример прочитывается легче, но идея, смысл включения латиницы в текст остается неявным. Начертание букв может приобретать излишне вычурные формы, что может помешать прочтению (рис. 5).

Рисунок 5

В первом примере прочтение экзотического названия «*Киану*» требует относительно большого времени и напряжения (рис. 6), а во втором – смешение кириллицы и латиницы объясняется, видимо, адресованностью этой рекламы молодежной аудитории (рекламируется портал, на котором расположены архивы музыкальных треков) (рис. 7).

Рисунок 6

Рисунок 7

Очевидно, что данный коммуникативный прием эффективен в случае молодой аудитории, которая ориентирована на западную культуру, знает иностранный язык и воспринимает его в речи как символ качества.

Достаточно успешным приемом нарушения русской графики можно считать логотип новосибирской фирмы «Граф» (рис. 8).

Рисунок 8

В этом случае не возникает вариантов в прочтении литеры «А» несмотря на то, что она перевернута.

3. Распространенным приемом является нарушение словообразовательных норм: создание новых слов или разрушение существующих путем добавления аффиксов,

объединения нескольких слов в одно, аббревиации.

Если в первом примере в результате неудачной аббревиации неясным остается вид товара (ЦСП) (рис. 9), то во втором – можно считать неудачным адрес сайта компании (uvttk), поскольку начальные (uv) неочевидны для понимания и запоминания (рис. 10).

Рисунок 9

Рисунок 10

Неудачным сложением слов можно посчитать и следующий пример (рис. 11).

Буквы «А» и «У» частично накладываются друг на друга, что оставляет для адресата вариативность прочтения: *формула/форма-ла/формула/формула*. Обыгрывание слов *форма* и *формула* можно признать неудачным при такой подаче.

Рисунок 11

Противоположным примером, т. е. удачным приемом словотворчества, можно считать название магазинов спортивной атрибутики «Спортугалия». Сочетание слов *спорт* и *Португалия* для любителей спорта очевидно (Португалия – одна из стран, имеющих сильную сборную по футболу). Прочтение слова не вызывает затруднений. Все опрошенные респонденты опознают специфику магазина по названию.

4. Примеры нарушения синтагматических и синтаксических норм частотны в наружной и политической рекламе. На щите (рис. 12) представлены фразы: *Александр Суворов – великий полководец: «Не числом, а умением мы освоим “Науку побеждать”»*; *РОДИНА ПЕНСИОНЕРЫ ЖИЗНЬ Преодолеем! Защитим! Победим!*».

Рисунок 12

В первом случае нарушаются правила цитирования: «Наука побеждать» – книга А. В. Суворова, посвященная военному делу. Используя кавычки, т. е. выделяя название книги, реклама призывает осваивать собственно не саму науку победы, а книгу известного полководца, которая к политической борьбе отношения не имеет. Смысл фразы разрушается из-за обилия цитат. Вторая фраза, напротив, содержит минимум знаков пунктуации, что тоже затемняет ее смысл: наблюдается призыв «преодолеть и победить» РОДИНУ, ПЕНСИОНЕРОВ и ЖИЗНЬ? Если их необходимо защищать, то «преодолеть и победить» надо кого-то, от кого защищают. Антиприемом в данном случае становится нарушение синтагматических норм, пренебрежение пунктуацией и синтаксическим строем предложения.

Оценивая нарушение норм языка как коммуникативный прием, сделаем ряд выводов.

Во-первых, нарушения русской орфографии, чаще всего, непреднамеренные казусы, которые нельзя рассматривать в качестве «приема». Иначе говоря, нарушение русской орфографии, если это заметно в тексте, является антиприемом, вызывая отрицательную оценку у аудитории. Если же ошибка не опознается, то прием неэффективен, поскольку не сработал.

Во-вторых, прием «старая орфография» возможен, поскольку ассоциативно отсылает к традиционности, стабильности. Однако его использование требует знаний дореформенной орфографии и тиражирование этого приема порождает штамп, что меняет его эффективность с плюса на минус.

В-третьих, смешение кириллицы и латиницы как прием встречается относительно часто в рекламных текстах и рекомендовано для текстов молодежной аудитории.

В-четвертых, изменение графического начертания букв не должно затруднять прочтения слова, в противном случае становится антиприемом коммуникации.

В-пятых, нарушения деривационных процессов могут быть эффективным коммуникативным приемом в том случае, если не противоречат русской фонетике и опираются на ассоциативные связи.

В-пятых, нарушение синтагматических или синтаксических норм, в основном, является антиприемом в связи с затемнением смысла высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Амири Л. П.** Словообразовательная игра: к вопросу о количественном соотношении окказиональных существительных, прилагательных и глаголов в текстах рекламного дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 44–54.
2. **Болотов В. И.** Проблемы теории эмоционального воздействия текста: дисс. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1985. – 402 с.
3. **Винокур Т. Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
4. **Головин Б. Н.** Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1980. – 336 с.
5. **Горбачевич К. С.** Нормы современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 208 с.
6. **Горбачевич К. С.** Вариантность слова и языковая норма. – Л.: Наука. – 238 с.
7. **Кемеров В. Е.** Норма // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1998. – 579 с.
8. **Михайлова Ю. Н.** Некоторые синтаксические особенности рекламного текста // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. 13. – № 1. – С. 212–216.
9. **Перфильева Н. В.** «Свит мама», или как это по-русски? О новых приемах языковой игры в текстах СМИ и рекламы // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 1. – С. 28–31.
10. **Пешковский А. М.** Объективная и нормативная точка зрения на язык // А. М. Пешковский. Избр. тр. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 50–62.
11. **Русская грамматика** / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
12. **Руднева А. В.** Русский язык. – М.: Эксмо, 2013. – 224 с.
13. **Семенюк Н. Н.** Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1990. – С. 337–338.
14. **Скворцов Л. И.** Теоретические основы культуры речи. – М.: Наука, 1980. – 351 с.
15. **Сковородников А. П., Копнина Г. А.** Об определении понятия «риторический прием» // Филол. науки. – 2002. – № 2. – С. 75–80.
16. **Соколова В. В.** Культура речи и культура общения. – М.: Просвещение, 1995. – 192 с.
17. **Формановская Н. И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. – 328 с.
18. **Grice H. P.** Logic and conversation // Syntax and semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – Pp. 41–58.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.16](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.16)

Krylov Yuriy Vladimirovitch, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: filin1402@gmail.com

VIOLETION OF LANGUAGE NORMS IN ADVERTISING DISCOURSE (LANGUAGE DEVICES AND ANTI-DEVICES)

Abstract

This article presents an analysis of violations of various norms of language on the material of advertising messages. It gives an idea of understanding the effectiveness of the advertising message. Its impact is determined by the difference between the language, speech and ethical standards of communication. The key aspect of the work is the distinction between unintentional violations of norms (in spelling, punctuation) and intentional violations of norms as a stylistic device. The emphasis is not on the violation of spelling rules. The author's attention is focused on violations of certain grammar, graphic, word formation and syntagmatic norms. He examines such irregularities and questions the effectiveness of this language device. The analysis is based on the theory of linguistic communication. The material under analysis is modern advertising that gives enough opportunity to come to valid conclusions. All types of violations are described in terms of efficiency depending on the addressee factor (youth or adult audience). The ease of reading and understanding the stylistic device by the audience is also taken into account.

Keywords

Advertising discourse, communication, norms of the language, communicative reception.

REFERENCES

1. **Amiri L. P.** Word-formation game: the issue of a proportion of occasional nouns, adjectives and verbs in the text of the advertising discourse. *M. A. Sholokhov Moscow State Humanitarian University Bulletin. Philology.* 2011, no. 3, pp. 44–54. (In Russian)
2. **Bolotov V. I.** *Problems of the theory of the emotional impact of the text.* Tashkent, 1985, 402 p. (In Russian)
3. **Vinokur T. G.** *Principles of the stylistic use of language units.* Moscow, Science Publ., 1980, 240 p. (In Russian)
4. **Golovin B. N.** *Principles of speech culture.* Moscow, Higher School Publ., 1980, 336 p. (In Russian)
5. **Gorbachevich K. S.** *Norms of modern Russian literary language.* Moscow, Science Publ., 1978, 208 p. (In Russian)
6. **Gorbachevich K. S.** *Variability of speech and the language norm.* Leningrad, Science Publ., 1978, 238 p. (In Russian)
7. **Kemerov V. E.** Norma. *Modern Philosophical Dictionary.* (Ed.) V. E. Kemerov. London, Frankfurt, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk, Panprint Publ., 1998, 579 p. (In Russian)
8. **Mikhailova U. N.** Some syntactic features of the advertising text. *Personality. Culture. Society.* 2011, vol. 13, no. 1, pp. 212–216. (In Russian)

9. **Perfilieva N. V.** “Sweet Mama”, or how does it sound in Russian? The new methods of language game in the texts of media and advertising. *Bulletin of the Russian People's Friendship University*. Ser.: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2010, no. 1, pp. 28–31. (In Russian)
10. **Peshkovskiy A. M.** Objective and normative viewpoints of view on language. A. M. Peshkovskiy. *Selected Works*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 50–62. (In Russian)
11. *Russian grammar*. Ed. N. Y. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1, 783 p. (In Russian)
12. **Rudnev A. V.** *Russian language*. Moscow, Eksmo Publ., 2013, 224 p. (In Russian)
13. **Semeniuk N. N.** Norma language. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 337–338. (In Russian)
14. **Skvortsov L. I.** *Theoretical Foundations of speech culture*. Moscow, Science Publ., 1980, 351 p. (In Russian)
15. **Skovorodnikov A. P., Koptina G. A.** On the definition of “rhetorical device”. *Philology*. 2002, no. 2, pp. 75–80. (In Russian)
16. **Sokolova V. V.** *Culture of speech and communication culture*. Moscow, Education Publ., 1995, 192 p. (In Russian)
17. **Formanovskaya N. I.** *Communicative and pragmatic aspects of interaction units*. Moscow, Russian Language Institute A. S. Pushkin Publ., 1998, 328 p. (In Russian)
18. **Grice H. P.** Logic and conversation. *Syntax and semantics*. (Ed.) P. Cole, J. L. Morgan. N. Y., Academic Press Publ., 1975, vol. 3, pp. 41–58.

© О. А. Маркасова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.17](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.17)

УДК 81'374 + 81'26

ПОНЯТИЕ «ГРАМОТНОСТЬ» В НАИВНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ПОИСК КРИТЕРИЕВ И СРЕДСТВ ДОСТИЖЕНИЯ

О. А. Маркасова (Новосибирск, Россия)

*В статье исследуется современная интерпретация понятия «грамотность» в научной и наивной картине мира. Обращение к различным лексикографическим данным позволяет обосновать мысль о трансформации понятия в обществе, что связано с неопределенностью требований к современному человеку. По данным словарей, слово **грамотный** имеет три значения. Однако анализ контекстов из интернет-коммуникации, а также материалов Национального корпуса русского языка показывает максимальную орфоориентированность наивных пользователей языка: понятие грамотности сводится к владению орфографическими и пунктуационными нормами. Это утверждение противоречит развивающимся в научном дискурсе теориям развития функциональной и культурной личности. Такая же тенденция прослеживается и при выборе критериев словаря: для носителей языка актуальны универсальные многотемные словари-справочники. Обобщенная грамотность обуславливает изменение классификационного статуса словарей: исчезает оппозиция «энциклопедический словарь – толковый словарь». Автор статьи обращает внимание на активное обсуждение этой проблемы в блогосфере и новую для лингвистики специфику онлайн-комментирования.*

Ключевые слова: грамотность, лексикография, картина мира, семантика, языковые изменения.

При кажущейся прозрачности идеи «грамотности» в нашем достаточно цивилизованном обществе остаются серьезные лакуны в определении этого параметра в картине мира носителей языка, и, как следствие, – ряд дефектных (с точки зрения лингвистики) манипуляций понятием «грамотности».

Отметим парадоксальное соотношение двух тенденций в обществе.

С одной стороны, наблюдается неуклонное падение того, что принято называть грамотностью (обратим внимание на название

статьи Александра Рязанцева «“Тотальный диктант – 2013”: процент грамотных падает» [1]). Об этом говорят результаты ЕГЭ, наблюдения корректоров и редакторов. С другой стороны, резко увеличилось количество мероприятий, посвященных грамотности: это и сам факт проведения «Тотального диктанта», расширение сети репетиционных услуг «Грамотность – залог успешной карьеры», размещение в Интернете тестов и упражнений. По активности вхождений на форумы можно отметить интерес пользователей к истории ликбеза.

Маркасова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: ssom@hotmail.ru

При всей частоте употребления слов **грамотный** и **грамотность** (а именно эти дериваты следует рассматривать подробно) следует отметить, что в современной лингвистике нет увлечения этими терминами до тех пор, пока она не популяризирует какие-либо методики, ориентированные на широкий круг людей, или инициированные общественные акции. Так, например, в социальной сети размещается объявление о шестивии грамотных студентов: *Ребята, у нас скоро праздник. (Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источника. – О. М.) 25 мая – День филолога, а чтобы хорошо его отметить, нужно сделать хорошее дело: отлично провести Парад Грамотности*¹.

Лингвисты же чаще говорят о культуре речи и навыках правописания, о речевой компетентности, об уровне реализации языковой личности, о владении нормой и пр.

В речи же носителей массового сознания высказывания о грамотности всегда обнаруживают ссылки на лингвистическую природу вещей (носитель языка чувствует себя языковедом), но при этом лексическая единица **грамотность** подвергается неточному толкованию и в плане выражения, и в плане содержания. В плане выражения отметим обусловленные этимологическими процессами поиска внутренней формы слова и паронимические сбивы. Например: 1) *Однажды мой сын, прибежав из школы, радостно воскликнул:*

*«Мама, мне сегодня вручили грамоту, значит, я грамотный человек!»*²; 2) *Группа людей, которых бесит, что в тексте разных групп придираются к грамматике, вместо содержания текста*³; 3) *«Центр грамотности» в ВК: Грамматика повелевает даже царями. Жан Батист Мольер*⁴; 4) *В гневе писал может, там и про грамматикку забываешь*⁵; 5) **ВОПРОС: Как правильно писать "грамотно" или "грамотно"? почему? ОТВЕТ: Грамотно - от грамотный грамматически – от грамматический Грамота. Др.-рус. переформление заимств. из греч. grammata «буквы» > «письменность, грамота, письмо, указ». грамматика. Заимств. в XVII в. из лат. яз., где grammatica < греч. grammatikē, суф. производного от grammata "буквы" (ед. ч. gramma — производное от graph!3; "пишу")**⁶.

В плане содержания единицы обнаруживаются диахронные колебания и синхронные разночтения, что размывает понятие об объекте.

В «Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона читаем: «Под словом **"грамотный"** (Здесь и далее выделение наше. – О. М.) обыкновенно подразумевают человека, умеющего **читать** и **писать** или только **читать** на каком-либо языке. В более точном смысле это слово применяется лишь к людям, умеющим **читать** и вместе с тем **писать**, в отличие от людей **"полуграмотных"**, т. е. умеющих только **читать**» [2].

¹ Готовим Парад грамотности. Качественно [Электронный ресурс] – URL: <http://vk.com/club53666123> (дата обращения 20.11.2014).

² Арт-ассорти [Электронный ресурс] – URL: <http://art-assorty.ru/2681-gramota-i-gramotniy-chelovek.html> (дата обращения 25.03.2014).

³ Группа ВКонтакте [Электронный ресурс] – URL: <http://vk.com/club5092926> (дата обращения 14.09.2014).

⁴ Центр грамотности [Электронный ресурс] – URL: <http://vk.com/gramocentr> (дата обращения 14.09.2014).

⁵ Форум спбгу.ру [Электронный ресурс] – URL: <http://www.spbgu.ru/forums/index.php?showtopic=9056&hl> (дата обращения 14.11.2014).

⁶ Ответы@mail.ru [Электронный ресурс] – URL: <http://otvet.mail.ru/question/39489501> (дата обращения 14.11.2014).

Такое определение, казалось бы, можно отнести к исторически обусловленным, однако современный материал из Википедии – свободной энциклопедии – повторяет толкование: «**Гра́мотность** – степень владения **человеком** навыками **письма** и **чтения** на **родном языке**».

«Большая советская энциклопедия» оперировала дополнительными качествами, кроме владения навыками письма и чтения: «Г. как определённая степень владения навыками устной и письменной речи является одним из важнейших показателей культурного уровня населения. Вопросы определения понятия “Г.”, его статистического обозначения во время переписей населения в конце XIX в. и первой половине XX в. неоднократно рассматривались на европейских и международных совещаниях по демографической статистике и программам переписей населения. Генеральная конференция ЮНЕСКО (10-я сессия, Париж, 1958) рекомендовала всем странам при проведении переписей населения считать грамотными лиц, умеющих читать **с пониманием прочитанного и написать краткое изложение о своей повседневной жизни**» [3].

Н. Н. Сметанникова, вице-президент Русской ассоциации чтения, руководитель московского отделения Международной ассоциации чтения (IRA), пишет: «Роль чтения и письма как социально-значимого явления была зафиксирована в понятии “грамотность”, включенном Всемирной Организацией Здравоохранения в 12 показателей, характеризующих здоровую нацию. Прилагательное “грамотный” (греч. *Literatus*), было введено Цицероном, который назвал так образованного человека. В средние века грамотным называли умевшего читать на латыни, после 1300 г. – того, кто хоть немного умел читать на латыни, а после Реформации – того, кто мог читать и

писать на родном языке. Отголоски “классического” определения проявлялись вплоть до 1790-х гг., когда неграмотными считали того, кто не знал греческого языка и латыни (Oxford English Dictionary). В конце XX в. стали различать просто грамотных, т. е. тех, кто мог читать и писать, и высокограмотных, т. е. тех, кто мог читать серьезную литературу, такую, как, например, произведения Фолкнера и Витгенштайна» [4].

В таком понимании грамотность соотносима с такими уровнями речевой способности, как правильность, интериоризация, насыщенность. Высокая грамотность предполагает наличие у субъекта уровня адекватного выбора и адекватного синтеза текста [5], следовательно, должна включать и коммуникативную компетентность.

В конце 2013 г. в Высшей школе экономики были оглашены результаты продолжавшегося двадцать лет Международного исследования грамотности взрослого населения PIAAC и назван уровень базовых компетенций граждан разных стран. Данные были получены от 157 тыс. респондентов разного возраста из 24 стран, в том числе от 5 тыс. россиян. Грамотность рассматривалась в широком практическом смысле: грамотность чтения, математическая грамотность, способность к решению задач в технологически насыщенной среде (цифровые технологии, Интернет и др.). Такая грамотность получила название **функциональной**.

Вводится также термин **культурная грамотность**, предложенный американским культурологом Э. Д. Хиршем и обозначающий «систему знаний из разных областей культуры, науки, искусства, которая необходима человеку для того, чтобы адекватно воспринимать поступающую информацию, адекватно на нее реагировать и ориентироваться в окружающем мире» [6].

Фрагментарность и неопределенность не только научного, но и бытового понятия можно заметить при обращении к данным толковых словарей. Так, по Малому академическому словарю (далее – МАС), **грамотность** – «1. Умение читать и писать. || *перен.* Наличие соответствующих знаний в какой-л. области. 2. *Свойство по прил.* грамотный (во 2 знач.)», а **грамотный** – «1. Умеющий читать и писать. || *перен.* Обладающий необходимыми сведениями, знаниями в какой-л. области; сведущий. 2. Не содержащий грамматических и стилистических ошибок. || *перен.* Выполненный со знанием дела; не нарушающий основных требований, предъявляемых наукой» [7].

Два лексических значения слова *грамотность*, как показывает многочисленный языковой материал, сегодня обнаруживают диффузность: в ряде контекстов лексико-семантическое варьирование неочевидно. Например, анонс пособия Т. Я. Фроловой «Грамотность за 12 дней» актуализирует сразу два значения: *Новая система обучения практической грамотности позволяет повторить, систематизировать и обобщить знания по орфографии и пунктуации, сформировать устойчивые навыки грамотного письма, создать базу, на основе которой можно продолжить углубленное освоение норм русского правописания*⁷. Интерпретация результатов орфографического теста «Грамотный ли вы человек?» на сайте «Умклайдеть[ком]», несмотря на иронию, говорит о таком же смешении: *Подведём итоги. У вас набрано: 22 очка. Ни одной ошибки! Вы можете преподавать в Академии наук! 21. Вы можете преподавать в институте. 20. Вы*

*можете преподавать в школе. 18–19. Неплохой результат. 16–17. Маловато будет. Надо больше читать! Менее 16. Может, вы иностранец?*⁸

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой обнаруживаем перегруппировку в семантической структуре слова, ср.: «**Грамотность**. 1. Умение читать и писать. 2. Отсутствие грамматических и стилистических ошибок, соответствие нормам литературного языка. 3. Владение необходимыми знаниями, сведениями в какой-л. области. // Образованность, просвещенность» [8]. Как видим, появилось третье значение, которое автором МАС мыслилось лишь как переносное употребление первого.

«Толковый словарь русского языка конца XX века» зафиксировал новое словосочетание *компьютерная грамотность* [9]. Сегодня наблюдается атрибутивная свобода сочетаний, например: *грамотность финансовая, юридическая, пассажирская, гражданская, сексуальная, конная* и др. Синтагматический потенциал анализируемого слова позволяет актуализировать сему ‘компетентность, профессионализм’.

В то же время в словаре Т. Ф. Ефремовой сужена семантическая зона второго значения МАС: нет переносного употребления «выполненный со знанием дела; не нарушающий основных требований, предъявляемых наукой», хотя именно семантика «качество» много лет стабильна в арготизме **грамотный**. Ср.: «**Грамотный, -ая, -ое**. Хороший, отличный, высокого качества. *Грамотная девочка* (красивая). *Грамотные часики* (дорогие, точные)» [10].

В последнее время из арга слово в подобном употреблении попадает в жаргоны.

⁷ Мир книг [Электронный ресурс] – URL : <http://mirknig.com/knigi/deti/1181217354-gramotnost-za-12-zanyatij.html> (дата обращения 14.11.2014).

⁸ Умклайдеть[ком] [Электронный ресурс] – URL : http://umclidet.com/hroniki01/un_Test_1.htm (дата обращения 10.06.2014).

Например, в seo-блоге читаем: *С понятием перелинковки многие вебмастера и сеошники знакомы. Под этим термином подразумевают простановку внутренних ссылок с одних страниц сайта на другие для передачи большего веса более значимым страницам. Однако при непосредственной работе с сайтом возникает множество вопросов и главный из них: «Что такое грамотная перелинковка?», подразумевая тот факт, что существует также «неграмотная». Давайте попробуем разобраться в грамотности внутренней перелинковки страниц сайта⁹.*

Сложность функционирования разных лексико-семантических вариантов в контекстах разных стилей и жанров приводит и к нестандартности парадигматических отношений слова **грамотность** в русском языке. Предлагаемые словарями синонимов следующие лексические единицы: *знакомство, знание, информированность, квалифицированность, компетентность, осведомленность, подготовленность* – подобны слову в значении «владение необходимыми знаниями, сведениями в какой-л. области» [11]. А антонимы в словарях антонимов чаще соотносятся со словом в значении “умение читать и писать”, например: *безграмотность, неграмотность, малограмотность, невежественность* [12]. Интересно, что в «Русском ассоциативном словаре» зафиксированы пять реакций **грамотный** на следующие стимулы: *врач (2), судья (2), инженер (1)* – «владение необходимыми знаниями, сведениями в какой-л. области». В то же время от стимула **грамотный** идут реакции: *речь (11), женщина (8), девочка*

(4), работа (4), девушка (3), запись (3), ученица (3), учительница (3), бабушка (2), бумага (2), грамота (2), деревня (2), крестьянка (2), отличница (2), умная (2) и ряд аналогичных единичных реакций, выявляющих смыслы «умение читать и писать» и «отсутствие грамматических и стилистических ошибок, соответствие нормам литературного языка» [13].

Действительно, несмотря на расширение и детализацию семантики слова **грамотность**, это слово с открытой валентностью понимается носителями языка достаточно поверхностно. В эксперименте, проведенном организаторами «Тотального диктанта», участники опроса показали орфоориентированность массового сознания. Из почти 500 человек, которые отвечали на вопросы экзаменаторов «Тотального диктанта», больше половины участников на вопрос о критериях грамотности ответили о способности правильного чтения и письма [14].

Орфографическая неграмотность видных деятелей становится неким каузатором оценочного высказывания. Например, Е. Ваенга стала предметом обсуждения читателей её блога, скриншоты выкладывались в Сеть¹⁰. Политические форумы часто заканчиваются аргументом: *А как ты пишешь?* Участники форумов ставят точку репликой: *Но такой неграмотей, в жизни не встречала таких¹¹.*

Статья А. Ловцова «**Зачем человеку грамотность?**», опубликованная на сайте Shkolazhizni.ru 25 июля 2011 г. стала одной из ярких публикаций интернет-среды. Автор пишет: «Грамотность как индикатор “свой-чу-

⁹ Devaka [Электронный ресурс] – URL : <http://devaka.ru/articles/literate-linking> (дата обращения 18.12.2014).

¹⁰ Boshsoz [Электронный ресурс] – URL : <http://boshsoz.com/obshchestvo/11278-vaenga->

prodolzhaet-xamit-delaya-oshibki-v-kazhdom-slove (дата обращения 18.12.2014).

¹¹ Woman.ru [Электронный ресурс] – URL : <http://www.woman.ru/relation/medley4/thread/4465508/> (дата обращения 23.08.2014).

жой”. Всегда приятно поговорить с культурным человеком, обладающим правильной, образной речью. <...> Мы всегда неосознанно совершаем выбор, с кем дружить, с кем проводить время, и не последнюю роль в этом выборе играет грамотность. <...> Современное общество настолько жаждет роскоши человеческого общения, что за эту роскошь готово принимать любые эрзацы социальных сетей. А на этом поле, где произрастают чаты, форумы, твиттеры, блоги и рулящие комменты, уже невозможно закрыться от троллей и прелестной безграмотной школоты» [15].

Небольшой материал вызвал много откликов – 193 комментария на странице. Посетители страницы, начиная с философских суждений о компетенции грамотного человека в современном мире, в конечном счете, уходят в непрофессиональный формальный анализ правильности письма оппонента, допуская при этом свои ошибки:

В. Жигунов Профессионал 26 июля 2011 в 1:27: *Татьяна Гусева, когда Вы перестанете ставить запятые после «однако», «хотя» и в середине «тем более что», а также вокруг «действительно», Ваши суждения о грамотности станут несколько более убедительными.*

Т. Гусева Дебютант 26 июля 2011 в 01:29: *Виктор Жигунов, не думала, что так вас задену. И запятые ставить перестану, как только эти слова перестанут быть вводными. Однако если вы требуете перестану выделять запятыми немедленно только не раздражайтесь я даже точку ставить не буду чтобы вас порадовать*

В. Жигунов Профессионал 26 июля в 01:37 *Татьяна Гусева, меня?! Ну что Вы... Только развеселили¹².*

Дискуссионность понятия «грамотность» в текущем веке дала импульс новым проявлениям пуризма в онлайн-пространстве. Сегодня в социальной сети «ВКонтакте» немало групп, ставящих перед собой цель – «сохранение грамотности». Например, группа «За грамотность!», насчитывающая 1 622 участников, представляет свой статус так: *Посвящается всем, кому небезразличен родной, русский язык, язык своей страны, да и будущее тоже...*¹³ Группы «Центр грамотности», «Русский язык. Грамотность населения», «Фикрайтеры – за грамотность!» – открытые объединения, приглашающие всех желающих участвовать в движении грамотных людей. Самое радикальное общественное движение – *Grammar Nation* (92 133 подписчика). Один из участников форума *Netlore* пишет: *Беда-беда... «Грамматический нацизм» – это, увы, в корне неправильное понятие. Собственно ГРАММАТИЧЕСКИХ ошибок из тех, в которые тычут т. н. grammar nazi, – чуть менее чем 5 %, все остальные – орфографические или пунктуационные. Так-то. Вывод: grammar nazi следует самоубиться о пособия Розенталя¹⁴.* В этом комментарии снова подчеркивается этимологически обусловленное смешение слов **грамматический** и **грамотный**.

Апелляция к словарю в современном дискурсе представляет собой поиск авторитетного источника информации, однако выбор инструментария, необходимого для повышения грамотности современного носителя

¹² Школа жизни [Электронный ресурс] – URL : <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-47419/> (дата обращения: 12.10.2014).

¹³ Открытая группа «За грамотность» [Электронный ресурс]. – URL : <http://vk.com/club107497> (дата обращения: 12.10.2014).

¹⁴ Netlore. Антология сетевого фольклора [Электронный ресурс] – URL : http://www.netlore.ru/Grammar_Nazi (дата обращения: 12.10.2014).

языка, – проблема не менее актуальная, нежели поиск самих критериев грамотности. Коммерческий подход к изданию словарей вызвал лексикографический «бум» на книжном рынке. Качественные и спорные образцы словарей разных типов одинаково ярко анонсируются издателями. дезориентированный в книжном пространстве пользователь стремится приобрести справочные материалы, гарантирующие ему максимальную коммуникативную компетентность. См., например, словарь «Грамотный ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это» [16]. Как справедливо указывает И. А. Зайковская, «традиционная оппозиция *словарь – энциклопедия* практически нерелевантна в рамках наивной картины мира, а граница между собственно лингвистической и иной (энциклопедической, лингвокультурологической) информацией в словаре постепенно стирается вследствие устойчивой тенденции последних десятилетий к универсализации словаря» [17, с. 5]. Классическая типология словарей, предложенная Л. В. Щербой [18], трансформируется. Так же как смешиваются научные и бытовые подходы к грамотности, смешивается научное и бытовое знание, представленное в словарях. Такое положение вещей в мозаичном информационном пространстве кажется предсказуемым и справедливым: Википедия, не отвечающая требованиям лексикографии, за счет гиперссылок, объема словника, мобильности обновления информации стала самым популярным источником знаний. Тем не менее, в энциклопедию помещаются бытовые сведения, возможные лишь в толковом словаре, что придает ресурсу квазинаучность.

Смешение в наивной картине мира таких понятий, как «справочник», «словарь», «энциклопедия», очевидно при обращении к блогам – подмена слова возможна в пределах узких контекстов. Этим обусловлена и ставшая

популярной двойная номинация *словарь-справочник*. Использование слов в функции замещения говорит о тенденции синонимизации слов.

Выборка из Национального корпуса русского языка и поиска в блогосфере выявили некоторые регулярные контекстные повторы, свидетельствующие о выборе универсального словаря. Так, отмечено превалирование сочетаемости слова **словарь** с прилагательными **хороший/плохой, большой/карманный, толковый и орфографический**. В более чем 70 % (621 вхождение в газетный корпус НКРЯ и в 106 743 блога) слово **словарь** используется без определений, хотя можно отметить его неполную информативность. Не случайно в обратном ассоциативном словаре некоторые стимулы, вызывающие реакцию *словарь*, не имеют предметной направленности: *обо всем (1) общественный (1) общий (1) основной (1)* [13]. Из составителей словарей респонденты называют только В. Даля и С. Ожегова – остальные словари и энциклопедии не соотносятся с субъектом-автором, что делает их в массовом сознании объективизированными единицами.

Неумение человека пользоваться словарем, а также факультативность обращения к нему отражается и в сочетаемости слова с глаголами пользования. Большинство проанализированных контекстов содержат такие глаголы: *заглянуть, посмотреть, залезть, взять, полистать*. Приведем примеры: *Советую заглянуть в толковый словарь и вспомнить значение слова, о котором наши современные режиссеры предпочитают не вспоминать* (Александр Анничев); *Шесть слов / это немного / можно в словарь не лазить* (Разговоры дома // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект). Словарь невозможно **читать, изучать**, как энциклопедию, –

свидетельствуют контексты. Как отмечает Л. Г. Бабенко, «заглянуть – образная семантическая модель: человек воспринимает зрением какой-то текст быстро и выборочно (отдельные листы, страницы и т. п.), словно смотрит внутрь чего-л. Быстро, недолго с целью увидеть что-л. определенно нужное» [19, с. 167].

«Словарь сочетаемости слов русского языка» подтверждает узкую сочетаемость слова **словарь** с глаголами «использования», по сравнению с широкой – с глаголами «разработки»: *писать, составлять, создавать, редактировать, готовить [к изданию], издавать, переиздавать, печатать, выпускать в свет критиковать, рецензировать, исправлять, рекомендовать кому/чему-л., купить, использовать словарь. Пользоваться словарём* [20]. Появившееся же недавно слово **гуглить** (дериват названия поискового ресурса) включает в значение семы, актуальные

для непрофессиональных пользователей: ‘быстро’, ‘в разных ресурсах’. Такой поиск может осуществляться не в специализированных справочных ресурсах, а на случайных страницах при онлайн-комментировании. Приведем пример диалога на сайте «Школьные знания»: *Объясните слово «привилегия». Ksenyama хорошист. Исключительное право, личное право, преимущество*¹⁵.

Быстрота обращения к лексикографической информации, предоставляемой сетевыми ресурсами, ведет к ещё одной модернизации понятия «грамотность». В зафиксированном словарном толковании не всегда оправдывают себя процессуальные слова **умение, владение**. Думается, что оперативность поиска все больше входит в качества грамотного человека XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Рязанцев А.** «Тотальный диктант – 2013»: процент грамотных падает // «Русский мир. ру» [Электронный ресурс]. – 2014. – № 12. – URL : <http://www.russkiymir.ru/publications/86156> (дата обращения: 12.10.2014).
2. **Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона:** в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами [Электронный ресурс]. – СПб., 1890–1907. – URL : <http://enc-dic.com/brokgause/Gramotnost-95447.html> (дата обращения: 14.10.2014).
3. **Большая советская энциклопедия** [Электронный ресурс]. – М., 1969–1978. – URL : <http://www.big-soviet.ru/132/22604/Грамотность> (дата обращения: 14.10.2014).
4. **Сметаникова Н. Н.** Грамотность, единственное или множественное число? К вопросу о функциональной неграмотности [Электронный ресурс]. – URL : http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=77 (дата обращения: 05.11.2014).
5. **Богин Г. И.** Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. – Л., 1984. – 33 с.
6. **Губернская Т. В., Ефремов В. А.** Олимпиады по русскому языку и проблемы культуры речи учащихся [Электронный ресурс] // The Emissia.Offline Letters: электронное научн. изд. (научно-педагогический интернет-журнал). – 2013. – URL : <http://www.emissia.org/offline/2013/2111.htm> (дата обращения: 14.10.2014).

¹⁵ Школьные знания.com [Электронный ресурс]. – URL : <http://znaniya.com/task/2938947> (дата обращения 20.11.2014).

7. **Словарь** русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т. I. А–Й. – 698 с.
8. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
9. **Толковый** словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
10. **Елистратов В. С.** Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
11. **Словарь** синонимов: справочн. пособие / ред. А. П. Евгеньева. – М.: Наука, 1976. – 648 с.
12. **Львов М. Р.** Словарь антонимов русского языка / ред. Л. А. Новиков. – М.: Русский язык, 1985. – 384 с.
13. **Русский** ассоциативный словарь: в 2 тт. / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. I. От стимула к реакции. – 784 с.
14. **Кошкарева Н. Б., Исаченко О. М.** Мониторинг состояния грамотности населения г. Новосибирска по результатам акции «Тотальный диктант» // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья: Тр. и мат-лы второй Всероссийск. научно-практической конф. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 54–64.
15. **Ловцов А.** Зачем человеку грамотность? [Электронный ресурс] // Школа жизни.Ру. – 25.07.2011. – URL : <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-47419/> (дата обращения: 12.10.2014).
16. **Грамотны** ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это / Сост. В. А. Пушных, Н. Н. Шевченко. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – 87 с.
17. **Зайковская И. А.** Ассоциативно-семантический потенциал и текстовые реализации лексической парадигмы «словарь»: автореф. дисс. ... канд. филол. н. – СПб., 2011. – 20 с.
18. **Щерба Л. В.** Опыт общей теории лексикографии // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265–304.
19. **Русские** глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: Флинта, 2002. – 464 с.
20. **Словарь** сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Астрель : АСТ, 2002. – 816 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.17](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.17)

Markasova Olga Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Modern Russian Language Department,
Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian
Federation.
E-mail: ssom@hotmail.ru

THE NOTION OF “LITERACY” IN THE NAIVE LANGUAGE CONSCIENCE: IN SEARCH OF CRITERIA AND THE MEANS OF ACHIEVING

Abstract

The modern interpretation of the notion “literacy” in the scientific and everyday picture of the world is examined in the article. Lexicographical data permit to find vivid signs of some transformation of the notion in our society caused by ambiguous demands to modern people. According to dictionaries the word “literate” has 3 meanings. But the contexts of the Internet communication analysis as well as the Russian National Corpus materials show that the naïve Russian language users reduce the notion of literacy to basic knowledge of spelling and punctuation standards. This statement is in contrast with the theories developed by psychologists, anthropologists and professional linguists. These are the theories of the development of a more functionally specialized cultural personality. The same generalizing tendency is seen in choosing criteria for a dictionary: universal many-volume dictionaries and reference books are preferred. Generalized literacy causes changes in categories of dictionaries. The opposition “encyclopedia vs language dictionary” is disappearing. The author of the article draws attention to the intense discussion of the problem in blogs and a new lexicographic phenomenon of online editing and commenting.

Keywords

Literacy, lexicography, picture of the world, semantics, linguistic changes.

REFERENCES

1. Ryazantsev A. “Total dictation – 2013”: the percent of the literate is going down. *Russian world.ru*. 2014, no. 12. Available at: <http://www.russkiymir.ru/publications/86156> (accessed: 12.10.2014) (In Russian)
2. *Thesaurus by F. A. Brokgaus and I. A. Efron: 86 volumes with illustrations and additional materials*. St. Petersburg, 1890–1907. Available at: <http://enc-dic.com/brokgaus/Gramotnost-95447.html> (accessed: 14.10.2014) (In Russian)
3. *Big Soviet Encyclopedia*. Moscow, 1969–1978. Available at: <http://www.big-soviet.ru/132/22604/Грамотность> (accessed: 14.10.2014) (In Russian)
4. Smetannikova N. N. *Literacy, singular or plural? On the issue of functional illiteracy*. Library.ru, Sociologist’s page. Available at: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=77 (accessed: 05.11.2014) (In Russian)
5. Bogin G. I. *The model of linguistic personality and the attitude to different types of texts*. Leningrad, 1984, 33 p. (In Russian)

6. Gubernskaya T. V., Efremov V. A. The Russian Language Olympiads and the problems of students' speech standards. *The Emissia. Offline Letters. Electronic Scientific Publishing (Scientific and Pedagogical Internet Journal)*. 2013. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2013/2111.htm> (accessed: 14.10.2014) (In Russian)
7. *The Dictionary of the Russian Language*. In 4 vol., (ed.) A. P. Evgenyeva. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1999, vol. 1. А—Й, 698 p. (In Russian)
8. Efremova T. F. *The New Dictionary of the Russian Language. Lexicon and word-formative Dictionary*. Moscow, 2000, 1233 p. (In Russian)
9. *The Explanatory Dictionary of the Russian language of the late 20th century. Linguistic changes*. (Ed.) G. N. Sklyarevsky. St.-Petersburg, 1998. – 700 p. (In Russian)
10. Elistratov V. S. *The Dictionary of the Russian argot. Materials of 1980–1990*. Moscow, 2000, 694 p. (In Russian)
11. *Dictionary of Synonyms: reference book*. (Ed.) A. P. Evgenyeva. Moscow, 1976, 648 p. (In Russian)
12. L'vov M. R. *Dictionary of antonyms in Russian language*. (Ed.) L. A. Novikov. Moscow, 1985, 384 p. (In Russian)
13. *The Russian dictionary of language associations* In 2 vol., (ed.) Yu. N. Karaulov. Moscow, AST-Astrel Publ., 2002, vol. I. Tarasov. From stimulus to reaction, 784 p. (In Russian)
14. Koshkaryova N. B., Isachenko O. M. Monitoring of literacy of the Novosibirsk population based on the results of the «Total dictation». *The Russian Language as the factor of stability of the state and the moral health of the nation*. Works and materials of the second All-Russia scientific and practical conference. Tyumen, 2010, part 1, pp. 54–64. (In Russian)
15. Lovtsov A. Why Do people Need literacy? *School of life.Ru*. 25.07.2011. Available at: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-47419/> (accessed: 12.10.2014). (In Russian)
16. *Are you Literate, or 5000 words which will help check up it*. (ed.) V. A. Pushnuh, N. Shevchenko. Tomsk, 1994, 87 p. (In Russian)
17. Zaykovskaya I. A. *Assosiative and semantic potential and textual realisations of a lexical paradigm "dictionary"*. St.-Petersburg, 2011, 20 p. (In Russian)
18. Shcherba L. V. An Essay on the general theory of lexicography. Scherba L. V. *Language system and speech activity*. Leningrad, 1974, pp. 265–304. (In Russian)
19. *Russian verbal Sentences: An Experimental syntactic dictionary*. (Ed.) L. G. Babenko. Moscow, 2002, 464 p. (In Russian)
20. *The Russian dictionary of word compatibility*. (Ed.) P. N. Denisov, V. V. Morkovkin. Moscow, 2002, 816 p. (In Russian)

© А. Е. Козлов

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.18](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.18)

УДК 821.161.1 + 821.0 + 81'44

ПРОСПЕКТИВНЫЙ СМЫСЛ СЛОВА КАТАСТРОФА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

*Статья посвящена изучению перспективных смыслов, образуемых словом **катастрофа** в художественном творчестве Ф. М. Достоевского, в частности в его романе «Подросток». Изучение статьи «Катастрофа» в современном «Словаре языка Достоевского» позволяет выявить его узусное значение, однако, анализируя перспективные смыслы романа, кажется необходимым обратиться к аналитике повествовательного дискурса или нарратологии. Впервые Ф. Достоевский употребляет слово катастрофа в «Петербургской летописи». В последующих произведениях оно маркирует кульминационные точки развития фабулы («Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»). Тем не менее, в романе «Подросток» слово катастрофа в меньшей мере связано с фабульным уровнем; оно маркирует своеобразный «иллокутивный капкан», в который попадает главный герой, обращаясь к письму. Аркадий Долгорукий, находящийся, по оценке В. А. Викторovichа, «ниже понимания ситуации», оказывается во власти собственного текста, что значительным образом изменяет содержательные акценты его произведения. Происходящий нарративный излом соответствует слову катастрофа в романе. Этот нарративный эксперимент в контексте творчества Ф. М. Достоевского представляет значимый переход от ранее избранных стратегий творчества к невозможным *qui pro quo* «Братьев Карамазовых».*

Ключевые слова: Достоевский, нарративный эксперимент, дискурс, перспекция.

Изучение значений слова и словосочетания в структуре художественного произведения составляет одну из ключевых задач лингвистики текста. Появление словарей писателей и создание корпусов контекстного поиска отчасти способствует решению этой задачи. Однако использование корпуса, как и словаря языка писателя, представляет вспомога-

тельную операцию, на основании которой не всегда можно прийти к корректному выводу. Во многом это объясняется спецификой материала: не вызывает сомнений, что корпус отражает определенную информационную доминанту, в то же время исследование периферии зачастую требует обращения к источникам, не вошедшим в этот корпус. Специальные слова-

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, ст. преподаватель, кафедра русской литературы и теории литературы, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

ри, в силу организации материала, тоже не всегда могут отражать семантическую ёмкость отдельного слова в художественном тексте.

Рассмотрение конкретного лексического значения и его реализации в тексте имеет смысл в монологических произведениях. Так, к примеру, говоря о заглавиях полемических и семейных романов 1960-х гг., несложно установить соответствия между концептуальным содержанием и лексическим значением ключевых слов. В романе Н. С. Лескова «Некуда» *некуда* маркирует невозможность продолжения пути, своеобразные сюжетные типики, в романе «На ножжах», в соответствии с заглавием, многократно обыгрывается фразеологизм *быть на ножжах/стать на ножи*. Аналогичным образом в «Тысяче душ» А. Ф. Писемского заглавие соответствует мере искушения главного героя Калиновича, «Взбаламученное море» (как и «В водовороте») символизирует изменчивый и обреченный мир. Однако в полинарративных произведениях фиксация ключевого слова часто не дает нужного результата в силу своего контекстного окружения. Такие названия, как «Мёртвые души», «Дым», «Новь», «Обрыв», в силу полижанровости и внутренней полифонии художественных текстов можно назвать гиперсемантическими: их описание эквивалентно описанию сюжета, который, в отличие от фабулы, не может быть пересказан. В этом случае использование только лингвистических методов кажется недостаточным: для выявления концептуального смысла необходим анализ повествовательного дискурса, или нарратологии.

¹ В большинстве новостных обзоров «Современника», «Отечественных записок», «Вестника Европы» и «Времени» рассматриваемое слово, как правило, характеризовало происшествия в семейной и частной жизни; для обозначения стихийных

Слово *катастрофа*¹ является объектом исследования в настоящей статье и, в нарратологическом смысле обозначая событие или происшествие, занимает особое место на условной шкале событий, происходящих внезапно, консеквентно и интеллигибельно [17, с. 21]. Именно такое значение отражено в словаре языка Ф. М. Достоевского: «...внезапное изменение нормального порядка вещей, событие с трагическими последствиями, беда» [7, с. 301].

Катастрофизм жизненного пути Ф. М. Достоевского, отмеченный И. Анненским [1], и катастрофический характер развития событий в фабуле его основных произведений, названный Л. Гроссманом вихревым [6], позволяет сделать вывод о том, что данное слово занимает особое место в языке писателя. Слово *катастрофа* встречается уже в первых произведениях Ф. М. Достоевского (впервые – в «Петербургской летописи»). «Это *кошмар* петербургский, это олицетворенный *грех*, это *трагедия*, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всеми неистовыми *ужасами*, со всеми *катастрофами*, *перипетиями*, *завязками* и *развязками*, – и мы говорим это вовсе не в шутку» (*курсив наш. – А. К.*) [8, с. 31]. Слова, выделенные в цитате, свидетельствуют о внутреннем тождестве, возникающем между эмпирическим и художественным мирами. Указывая на возникающее здесь напряжение, М. Бахтин писал: «В основе трагической катастрофы у Достоевского всегда лежит солипсическая отъединенность сознания героя, его замкнутость в своем собственном мире» [2, с. 45]. Подчеркивая неустойчивость, «развинченность» и «расхлябанность» художественного

бедствий обычно использовались другие слова. Отсутствие этого материала в Национальном корпусе русского языка делает эту интерпретацию затруднительной.

мира Ф. М. Достоевского, Д. С. Лихачёв считал закономерным катастрофические исходы, избираемые романистом: «Неслучайно великий экспериментатор Достоевский так любит скандалы и катастрофы, различные нарушения норм “приличного” поведения, разного рода неловкости (от самых мелких до самых крупных) и разоблачения»² [15, с. 61].

Это слово в романах Ф. М. Достоевского неоднократно повторяется, варьируется; и каждое повторение способствует «наращению» семантики, обретая в сознании читателя новые сюжетологические оттенки. Чтобы в этом убедиться, достаточно соотнести фабульную канву с соответствующим словом-маркером.

1. «Игрок»:

- 1) Полина приходит к Игроку, и на следующий день покидает его;
- 2) игрок уезжает с содержанкой генерала;
- 3) бабушка проигрывает все деньги.

2. «Преступление и наказание»:

- 1) Порфирий Петрович допрашивает Раскольникова, приготовив «сюрприз»;
- 2) отношения между Свидригайловым и Дуней расстраиваются;
- 3) Раскольников признается в убийстве старухи-процентщицы и ее сестры.

3. «Бесы»:

- 1) вечер в поддержку гувернанток, выступление Кармазина и Верховенского;
- 2) Лиза уезжает со Ставрогиным;
- 3) пожар в доме Лебядкиных, смерть Лебядкиных;
- 4) самоубийство Ставрогина.

4. «Братья Карамазовы»:

- 1) смерть Фёдора Павловича Карамазова;
- 2) обвинение Дмитрия Карамазова;
- 3) безумие Ивана Карамазова.

Очевидно, что в большинстве контекстов слово *катастрофа* связано с перспективой художественного текста: в его значении «свёрнут» прогноз дальнейшего развития сюжета. В то же время автор маркирует такие события избирательно. Например, в «Преступлении и наказании» катастрофой названы не убийство старухи-процентщицы или смерть Мармеладова, а бред и пароксизмы Раскольникова; в «Бесах» катастрофическими событиями называются происшествия, осуществление которых зависит от деятельности Ставрогина, поэтому самоубийство Кирилова и убийство Шатова, составляющие ключевые сцены романа, маркированы иначе. Наиболее «катастрофичным» является сюжет «Братьев Карамазовых», при этом большинство словоупотреблений (около 18) – в речи скотопригоньевского повествователя, прокурора и адвоката, – связано с убийством Фёдора Павловича и судебным процессом; рассматриваемое слово здесь одновременно ретроспективно и перспективно. Характерно, что главный герой, как и читатель, наделен способностью предчувствовать и предугадывать будущие потрясения: «Всем существом своим Алеша стремился в монастырь к своему “великому” умирающему, но потребность видеть брата Дмитрия пересилила всё: в уме Алеши с каждым часом нарастало убеждение о неминуемой ужасной катастрофе, готовой совершиться. В чем именно состояла катастрофа, и

² Любопытной выглядит и оценка Ф. М. Достоевского как «великого экспериментатора», что заставляет вспомнить «великого инквизитора» и импровизатора из «Египетских ночей».

что хотел бы он сказать сию минуту брату, может быть, он и сам бы не определил» [10, с. 250]. Одна из заключительных глав в «Братьях Карамазовых», в знак наращивания подобной семантики, названа «Внезапная катастрофа».

Как уже отмечалось, словом *катастрофа* Ф. М. Достоевский избирательно описывает сюжетные ситуации. Вряд ли подобную избирательность можно в полной мере объяснить авторским небрежением словом [12]; по-видимому, таким неклассическим образом решается художественная задача. Теряя устойчивую маркировку, событие тем самым утрачивает интеллигентность, становится неравновесным и внутренне неустойчивым. На условной шкале событийности такое событие может быть одновременно внезапным/неожиданным/невозможным и в то же время закономерным/ожидаемым/возможным.

Таким образом, дефиниция, данная в словаре, представляет узуальное значение и, безусловно, не может в полной мере отражать информацию о его модификациях. Учитывая, что словарь языка писателя часто характеризует языковую эпоху в целом [4], укажем, что приведенное выше толкование в большей мере свидетельствует о возможных интерпретациях адресата и читательских интенциях.

Наибольшее количество вопросов в этом контексте оставляет роман Ф. М. Достоевского «Подросток». Как замечает А. А. Казаков, «<...> у этого произведения экспериментальная структура, рискованно эксперимен-

тальная: для него характерны неформленность, неоконченность, разнонаправленность сюжетных линий» [12, с. 182]. Этот роман при первом прочтении предстает наиболее монологичным: герой-повествователь активно навязывает свое видение событий и свою оценку, заглушая иные «звучащие голоса».

В отличие от всеведущего повествователя «Преступления и наказания», в речь которого инкорпорированы отдельные высказывания Родиона Раскольникова, Аркадий Долгорукий находится в состоянии дискурсивной неустойчивости. Нарративный эксперимент в «Подростке» достигает своего максимума: здесь небрежение словом становится не только конструктивной чертой повествовательного дискурса, но и прямой характеристикой языковой личности. Кроме того, «небрежение» обусловлено социально и психологически: Аркадий не может писать лучше в силу своего образования и воспитания. В. А. Викторovich, цитируя Д. С. Лихачева, отмечает, что повествователь «Подростка» часто находится «ниже понимания значения событий» [3, с. 9]. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить многочисленные ошибки, допускаемые Аркадием в изложении ветхозаветных историй. Вольно излагая ветхозаветные сюжеты, Аркадий фактически пере-сочиняет их, сообщая им новое содержание, противоположное библейскому. Подобный эффект наблюдается и в записях Аркадия о его собственной жизни³.

История, рассказанная в «Подростке», представлена на суд читателя недостоверным

³ В своей исповеди, точнее, рассказывании истории, Аркадий часто неосознанно обращается к эстетическим средствам описания действительности. Аналогичный эффект достигнут Ф. М. Достоевским в романе «Бесы» в главе «У Тихона», где нравственному преступлению, придается ложное

художественное оформление. Ставрогин выступает в роли автора и творца своего греха, поэтому его разоблачение и изобличение (деструкция эстетического наполнения) практически эквивалентны личной катастрофе и гибели героя.

повествователем. Как замечает Г. Хорст-Юрген, «"Подросток" – это единственный роман, в котором напряжение между *я* вспоминающим и *я* вспоминаемым играет формообразующую роль. Это означает: ситуация письменной фиксации присутствует постоянно» [19, с. 9]. Чем больше Аркадий пишет, тем больше он вовлекается в процесс письма и тем меньшее соответствие получает слово и описанный факт.

Остановимся на одном афористическом высказывании в романе: «Самовар очень пригодился, и вообще самовар есть самая необходимая русская вещь, именно во всех катастрофах и несчастиях, особенно ужасных, внезапных и эксцентрических» [9, с. 305]. Соединенные вместе реалии русского быта и метафора жизненных потрясений образуют оксюморонную рифму. Неуместность этой рифмы следует из общего контекста: Аркадий рассуждает о терапевтическом действии чаепития, описывая мать, ставшую свидетелем самоубийства собственной дочери.

На фабульном уровне слово отражает следующие события:

- 1) болезнь Аркадия Долгорукого;
- 2) Аркадия обвиняют в воровстве и выгоняют с рулетки;
- 3) Аркадий спасает Катерину Ахмакову.

Данные сюжетные значения явным образом противоречат семантике слова в романе. Очевидно, что большинство происходящих катастроф в жизни Аркадия (как и умопомрачение Верилова) связано с судьбой Екатерины Ахмаковой. По всей видимости, Ф. М. Достоевскому была важна возникающая здесь рифма (Екатерина = *катастрофѣ*), и катастрофа как таковая должна была нести очищение в жизни героя. В этом отношении было бы закономерным назвать главной катастрофой в жизни Аркадия предательство, ко-

гда он, распаленный мстительным и сладострастным чувством, заключает сделку с Ламбертом. Однако этот катастрофический ход не находит оценки в словах повествователя.

Вместо этого окончательной катастрофой «Подростка» становится состязание с Версиловым, исходом которого становится ранение Андрея Петровича. К этому моменту повествователь, давший обещание избегать романного письма, в нарушение всех заветов, описывает происходящее с увлечением романиста:

«Вдруг *он* замахнулся на *нее* револьвером, но, как бы догадавшись, обернул револьвер и навел *его ей* в лицо. *Я* мгновенно, изо всей силы, схватил *его* за руку и закричал Тришатову. Помню: *мы* оба боролись с ним, но *он* успел вырвать *свою* руку и выстрелить в *себя*. *Он* хотел застрелить *ее*, а потом *себя*. Но когда *мы* не дали *ее*, то уткнул револьвер *себе* прямо в сердце, но *я* успел оттолкнуть его руку кверху, и пуля попала *ему* в плечо. В это мгновение с криком ворвалась Татьяна Павловна; но *он* уже лежал на ковре без чувств, рядом с Ламбертом» [9, с. 680]. И эти однотипные предложения с обилием внутреннего действия, и множество повторяющихся местоимений, которые полностью вытесняют имена героев из повествования, и, наконец, многократно использованные противительные союзы свидетельствуют об особом увлечении письмом. Иронизируя над этим свойством, Р. Опиц пишет: «<...> несмотря на финал, напоминающий Шекспира, с вооруженным шантажом, обмороком, врывающейся вооруженной помощью, поражением шантажиста, попыткой убийства, неудавшимся самоубийством, внезапным сумасшествием (и все это на одной странице!), все они остаются в живых» [18, с. 49]. По-видимому, письмо становится подлинным бытием героя и навязывает ему

иные, возможно, альтернативные исходы ситуаций, имеющие место в бытии.

Вовлечение в процесс письма наиболее ярко продемонстрировано в метасюжетных отступлениях, где повествователь рассуждает о сущности романа. Весь нарратив построен на борьбе с романном словом, однако, собираясь его уничтожить, Аркадий не может найти альтернативы и вместо уничтожения, признавая своё поражение, снова возвращается к роману. На наш взгляд, именно эта дискурсивная неустойчивость и маркируется в романе словом *катастрофа*.

Действительно, главной катастрофой романа становится не фабульная ситуация предательства и раскаяния, не сюжетная ситуация состязания сына с отцом, а метасюжетная ситуация порабощения факта эмпирической действительности художественным словом. Осознание собственной дискурсивной неустойчивости порождает тот тип катастрофы, который кажется уместным называть в отношении романа «Подросток» *нарративным*. Происходящий нарративный излом, в результате которого Аркадий становится романистом, а его дневниковые записи – романом, отражает сюжетную ситуацию ложного ухода Аркадия Долгорукого.

В этом отношении слово *катастрофа* утрачивает свой обычный проспективный смысл. Событию присваивается предельное значение, которое не соответствует отражаемому факту. Сам Ф. М. Достоевский чрезвычайно ценил это умение, эстетическое видение: «Но ведь в том-то и весь вопрос: чей глаз и кто в силах? Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только приметить факт, нужно тоже в

своем роде художника» [11, с. 400]. Знаменательно, что за три года до публикации «Подростка» Ф. М. Достоевский писал в одной из своих рецензий: «У искусства есть пределы и правила, и монолог мог бы быть покороче. Может быть, не совсем верен и тон Маши в конце драмы, уже после катастрофы: лучше было бы, если б она говорила капельку менее» [11, с. 123]. По нашему представлению, эта общая неверность тона, создающая эффект мелодраматизации, очень точно передана в романе «Подросток». Нарастание этого эффекта свидетельствует об изменении повествовательных интенций и включении в повествование реального читателя.

В начале произведения Аркадий пишет: «<...> тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут, то есть не для похвалы читателя» [9, с. 139]. Далее он поясняет: «...я пишу не для издания; читателя же, вероятно, буду иметь разве через десять лет, когда всё уже до такой степени обозначится, пройдет и докажется, что краснеть уж нечего будет. А потому, если я иногда обращаюсь в записках к читателю, то это только прием. Мой читатель – лицо фантастическое» [9, с. 220]. И, наконец, сделан вывод: «Я несколько не надобен читателю» [9, с. 477]. Однако по мере изменения прагматики письма меняется и фигура читателя. Неожиданно, наряду с моделируемым, идеализированным адресатом, в конце произведения у романа оказывается «реальный» читатель, дающий оценку. Николай Семёнович, избранный в качестве такой фигуры (возможна отсылка к Н. Лескову, к которому Ф. Достоевский относился настороженно⁴), сужает значение сделанного Аркадием. Вторая нарративная ката-

⁴ В пользу этого предположения говорит эпиграмма 1874 г.: «Описывать все сплошь одних попов //

По-моему, и скучно и не в моде; // Теперь ты пишешь в захудалом роде; // Не провались, Л-в» (цит. по: [5, с. 491]).

строфа заключается в том, что всё появившееся в мучительном акте письма, всё пережитое и испытанное Аркадием, есть только **материал**, представляющий исключительно **историческую ценность**.

Таким образом, «Подросток» демонстрирует своего рода иллюкутивный капкан, в который попадает Аркадий Долгорукий: желая писать достоверно, повествователь оказывается во власти созданного; именно язык сопротивляется эмпирическому материалу, снижая и низводя до нуля общую достоверность повествуемого. Подобный прием был испытан Достоевским в его незаконченной повести «Нечочка Незванова». В противоположность Макару Девушкину, который не мог пересоздавать действительность, неточности в повествовании Нечочки сообщают происходящему иной биографический смысл. Подобное свойство повествования Е. Г. Новикова назвала **письмом подростка о письме** [16]: по мнению исследователя, такой тип нарратива актуализирует архетип авторского самосознания и творчества.

Представленные наблюдения позволяют сделать выводы. Во-первых, семантическая

ёмкость отдельно взятых слов не может исчерпываться дефиницией из словаря писателя. Словарь определяет только узусальные значения, но в структуре художественного текста значение отдельного слова может расширяться, обрастать коннотациями, изменяться до противоположного. Во-вторых, в настоящее время становится очевидной необходимость в словаре, который бы мог отражать взаимосвязь отдельных слов и словосочетаний с сюжетологическими смыслами художественного текста. Это актуально в первую очередь для прозаических художественных текстов и важно в аспекте аналитики художественного дискурса.

Анализ романного слова «Подростка» показывает, как отдельно взятые слова, отражающие реальность, начинают искажать ее, тасуя и меняя факты. И это, с одной стороны, демонстрирует общую недостоверность повествования и некомпетентность повествователя, а с другой – показывает переход от **исправительного наказания** к жестокой и изощренной игре с читательскими ожиданиями, потенциальная энергия которой в полной мере будет реализована в **невозможных qui pro quo** «Братьев Карамазовых».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анненский И.** Книги отражений. – М.: Наука, 1979. – 680 с.
2. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 320 с.
3. **Викторович В. А.** Роман познания и веры // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. – Коломна, 2003. – С. 17–28.
4. **Виноградов В. В.** Словарь языка Пушкина. – М.: Гос. изд-во иностранных и научных словарей, 1956. – 806 с.
5. **Виноградов В. В.** Достоевский и Лесков в 70-е годы XIX века // Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961. – С. 487–555.
6. **Гроссман Л. П.** Поэтика Достоевского. – М.: ГАХН, 1925. – 192 с.
7. **Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н.** Словарь языка Достоевского. И–М. – М.: Азбуковник, 2012. – 848 с.
8. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1988. – 530 с. – Т. 2
9. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1990. – 815 с. – Т. 8.

10. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1991. – 358 с. – Т. 10.
11. **Достоевский Ф. М.** Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1994. – 429 с. – Т. 13.
12. **Казаков А. А.** Ценностная архитектоника произведений Достоевского. – Томск: ТГУ, 2012. – 254 с.
13. **Ковалёв О. А.** Нарративные стратегии в творчестве Ф. М. Достоевского. – Барнаул, 2011. – 316 с.
14. **Константинова Н. В.** «Поприщинское письмо» в нарративных стратегиях Ф. М. Достоевского // Вестник Удмуртск. ун-та. – Ижевск, 2008. – № 5–1. – С. 27–38.
15. **Лихачёв Д. С.** «Небрежение словом» у Достоевского // Литература – реальность – литература. – Л., 1984. – С. 44–59.
16. **Новикова Е. Г.** «Маленький герой» и «Подросток»: письмо подростка о письме // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. – Коломна, 2003. – С. 109–113.
17. **Тюпа В. И.** Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. – Тверь, 2001. – 158 с.
18. **Опиц Р.** Эксперимент Достоевского с повседневностью: роман «Подросток» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. – Коломна, 2003. – С. 28–53.
19. **Хорст-Юрген Г.** «Подросток» Ф. М. Достоевского // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. – Коломна, 2003. – С. 7–16.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.18](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.18)

Kozlov Alexey Engen'evich, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian Literature and Literary Theory, Institute of Philology, Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

«THE RAW YOUTH» OF F. DOSTOEVSKY: PROSPECTIVE SEMANTICS OF THE CONCEPT «CATASTROPHE»

Abstract

The article deals with prospective senses of the word “catastrophe” in Dostoevsky’s novel “The Raw Youth”. Modern dictionaries of the author’s discourse can present trivial semantics of the word, but prospective semantics aren’t presented there. Analysis of the immanent lexical sense of the word is not always correct; so it is necessary to apply methods of narratology. Often the word “catastrophe” marked the extremum of narration, culmination (in “the Idiot”, “the Posessed”, “The Brothers Karamazov” etc). For the first time Dostoevsky used this word in his “Petersburg Notes”, where the empiric reality and art structure are compared. But this word has different semantics in “The Raw Youth”, which is closely connected with an illocutionary trap and destruction of discourse. Arkady Dolgoruky can’t reflect the true situation in writing. He fails to understand it properly being in the trap if his own text. During the novel Arcady makes attempts to destroy ‘the art discourse’, but he returns again to narration ‘as art’. Probably, the failure is expressed by the word ‘catastrophe’. We can say that the word catastrophe is the awareness of a narration catastrophe. This narration experiment is a new stage of games with the reader culminating in complex qui pro quos in “The Brothers Karamazov”.

Keywords

Dostoevsky, narration experiment, discourse, prospection

REFERENCES

1. Annensky I. *The books of reflections*. Moscow, 1979, 680 p. (In Russian)
2. Bakhtin M. M. *Problems of the Dostoevsky poetics*. Moscow, 1972, 320 p. (In Russian)
3. Viktorovich V. A. A Novel of perception and faith. *The “Raw Youth” by Dostoevsky: opportunities of interpretation*. Kolomna, 2003, pp. 17–28. (In Russian)
4. Vinogradov V. V. *Dictionary of the Pushkin discourse*. Moscow, 1956, 806 p. (In Russian)
5. Vinogradov V. V. Dostoevsky and Leskov in the 70-th of XIX century. *Some problems of authorship and theory of style*. Moscow, 1961, pp. 487–555. (In Russian)
6. Grossman L. P. *Poetics of Dostoevsky*. Moscow, 1925, 192 p. (In Russian)
7. Ginsburg E. L., Karaulov J. N. *Dictionary of the Dostoevsky discourse*. И–М. Moscow, 2012, 848 p. (In Russian)
8. Dostoevsky F. M. *Collected works.: in 15 vol.* Leningrad, 1988, 530 p., vol. 2. (In Russian)
9. Dostoevsky F. M. *Collected works.: in 15 vol.* Leningrad, 1990, 815 p., vol. 8. (In Russian)
10. Dostoevsky F. M. *Collected works.: in 15 vol.* Leningrad, 1990, 358 p., vol. 10. (In Russian)
11. Dostoevsky F. M. *Collected works.: in 15 vol.* Leningrad, 1990, 429 p., vol. 13. (In Russian)
12. Kazakov A. A. *Axiological architectonics of the Dostoevsky creation*. Tomsk, 2012, 254 p. (In Russian)

13. Kovalev O. A. *Narrative strategies in the Dostoevsky novels*. Barnaul, 2011, 316 p. (In Russian)
14. Konstantinova N. V. Poprishin's style of narration in the narrative strategies of Dostoevsky. *Review of Udmurt University*. Izhevsk, 2008, no. 5–1, pp. 27–38. (In Russian)
15. Likhachev D. S. Neglect of words in Dostoevsky's. *Literature – Reality – Literature*. Leningrad, 1984, pp. 44–59. (In Russian)
16. Novikova E. G. «The Small hero» and «The Raw youth»: an adolescent's letter about writing. *The “Raw youth” of Dostoevsky: potentiation of interpretation*. Kolomna, 2003, pp. 109– 113. (In Russian)
17. T'upa V. I. *Narratology as analytics of discourse*. Tver', 2001, 158 p. (In Russian)
18. Opiz R. Experiment on the everydayness: novel “Raw Youth”. *The “Raw Youth” by Dostoevsky: opportunities of interpretation*. Kolomna, 2003, pp. 28– 53. (In Russian)
19. Haurst-Jurgen G. The “Raw Youth” by Dostoevsky. *The “Raw Youth” by Dostoevsky: opportunities of interpretation*. Kolomna, 2003, pp. 7– 16. (In Russian)

© Е. И. Баранчева

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.19](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.19)

УДК 811.161.1'1(075.8) + 81'255.4

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА

Е. И. Баранчева (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена вопросам передачи прагматического потенциала переводного текста. Цель статьи – определить способы передачи прагматического потенциала английских глаголов, описывающих ситуацию речевого обмена. Отмечается, что в процессе перевода иноязычного текста могут возникать коммуникативно-прагматические сдвиги, сигнализирующие о переводческой интерпретации прагматического потенциала оригинального текста. Далее предпринимается анализ контекстов, включающих глаголы речевого обмена, их переводов на русский язык: сопоставление оригинальных текстовых фрагментов с переводами позволяет выявить разницу прагматических значений языковых единиц и различные способы контекстуального эквивалентного перевода изучаемой лексики. Особое внимание в статье уделяется примерам нелокальной передачи прагматического компонента оригинального текста в переводном тексте, случаям категориально-морфологических трансформаций, контекстам переводного текста, содержащим синонимические ряды эмоционально-окрашенных лексических единиц.

Ключевые слова: прагматическое значение лексических единиц, анализ переводного текста, перевод и прагматика текста.

Настоящая статья появилась в ходе работы по обучению письменному переводу студентов-филологов и связана с анализом трудностей перевода при передаче прагматических значений языковых единиц в текстах различных жанров. Среди лингвистов и теоретиков перевода получила распространение идея о том, что адекватный перевод – это всегда жертва со стороны переводчика, потеря части значений оригинала (менее значимых) за счёт воспроизведения других, более значимых (см. работы В. Н. Комиссарова [8–9], А. Д. Швейцера [16], И. С. Алексеевой [1], Л. С. Бархударова [3] и др.) Стремление к эквивалентности

текстов на разных уровнях вынуждает переводчика определить те компоненты смысла, которые нужно выразить максимально точно и полно, и те, которыми можно пожертвовать в процессе перевода. Рассматривая прагматические значения лексических единиц при переводе, многие исследователи отмечают больше случаев расхождений прагматических значений, чем значений референциальных (см. работы А. Д. Швейцера [17], В. С. Виноградова [4], Г. Д. Томашина [15], С. Влахова и С. Флорина [5]).

Проблематика данной статьи активно разрабатывалась многими отечественными и

Баранчева Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

зарубежными лингвистами, а также теоретиками перевода (см. работы В. Н. Комиссарова [8], А. Нойберта [13], Р. К. Миньяр-Белоручева [10], Л. А. Черняховской [16], В. Г. Гака [6], Г. Г. Почепцова [14]). Очевидно, что прагматическое воздействие на адресата включается в любую коммуникацию, однако способы передачи такого воздействия в переводном тексте, по мнению многих исследователей, приобретают особое значение. Так, В. Н. Комиссаров утверждал, что «установление необходимого прагматического отношения рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода» [9, с. 210].

Для современной теории перевода актуально рассмотрение переводного текста в коммуникативно-прагматическом аспекте с учетом всех экстралингвистических факторов его функционирования и степени его воздействия на адресата. Насыщение текста прагматически маркированными языковыми средствами (экспрессивной, эмотивной, образной и стилистически окрашенной лексикой) необходимо автору для апелляции к эмоциональному восприятию текста читателем. Решение проблем передачи прагматического уровня текста связано с пониманием образного, национально и культурно специфичного способа отражения действительности в лексике определенного языка. Как замечал А. Д. Швейцер, переводимый текст должен быть транспортирован в культуру получателя, но одновременно должен сохранить в своем переводном варианте «инокультурный» колорит [17].

Успешность передачи экспрессивно-стилистической уникальности оригинала напрямую влияет на степень и характер прагматического эффекта в процессе восприятия текста читателем. Однако, на наш взгляд, любой

«успех» переводчика не отменяет двух фактов: 1) различие культурных и коммуникативных норм носителей разных языков значительно ограничивает возможность равных коммуникативных эффектов; 2) в процессе перевода возникают некоторые смысловые и стилистические «сдвиги», связанные с интерпретацией переводчиком текста. Переводчик нередко «уходит» за рамки семантической точности, пытаясь передать эмоциональный фон текста, его стилистические характеристики, коммуникативную задачу и особенности авторского восприятия действительности. С одной стороны, переводчик должен воспроизводить прагматику оригинала, с другой – отражать особенности того лингво-культурного сообщества, для которого создается переводной текст. По словам Т. В. Евсеевой, прагматическая адаптация как способ деятельности переводчика предполагает создание «эквивалентного, когерентного и понятного читателю-инофону текста, предназначенного для полноценной замены оригинала» [8, с. 4].

Проследим, какие коммуникативно-прагматические «сдвиги» при переводе может претерпевать лексика, описывающая ситуацию речевого обмана.

Объектом данной статьи послужили английские глаголы/глагольные сочетания со значением «речевого обмана» (*to deceive, to tell lies, to lye, to cheat, to break somebody's word, to pretend, to play double, to act lie, to pray lie, to fool, to joke, to kid, to invent tales, to rack a brain for a lie, to frame a bit of lie* и др.) и их русские аналоги из переводных текстов, собранные с помощью параллельного подкорпуса НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>) *обманывать, врать, привирать, сочинять небылицы, наврать с три короба, надувать, накалывать, надуть в уши, прикидываться, мошенничать, жульничать, обжулить, обжегорить* и др.

В ряде контекстов мы обнаружили описание ситуации речевого обмана, в котором глаголы могут передавать широкий спектр обманных действий, а не только вербальный обман. Для таких глаголов вербальный обман является отправной точкой, чтобы реализовать иные негативно оцениваемые цели. Лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) со значением «речевого обмана» соседствуют в семантическом пространстве языка с ЛСВ, обозначающими обман в широком смысле – «жульничество, мошенничество, надувательство» в самых разнообразных вариациях (подробнее об этом [2, с. 272]).

Внеязыковая ситуация «говорения неправды» часто отображается с помощью языковых единиц, значения которых «прагматически нагружены». Семантика глаголов речевого обмана может включать эмоциональную оценку, информацию об участниках коммуникации, способе и инструменте обманного действия, цели и мотиве речевого обмана, времени, которое необходимо для совершения действия или его этапов, а также результате, к которому приводит данное действие. В семной структуре изучаемых глаголов также могут быть выделены периферийные, неосновные компоненты ситуации: контроль субъекта над ситуацией обмана или отсутствие такого контроля, скорость (легкость, «профессионализм») обманных действий и др. Эти компоненты оказывают влияние на структуру высказывания с данными глаголами, на их лексическое окружение.

Проанализируем, каковы особенности отображения ситуации речевого обмана в английских и в русских текстах, какова возможная интерпретация переводчиками коммуникативно-прагматических характеристик английского текста.

Доминантой группы со значением речевого обмана оказывается нейтральный глагол

to deceive, однако наиболее частотны такие лексические единицы (далее – ЛЕ), как *to tell lies* и *to lye*. Глагол *to deceive* может реализовать несколько связанных значений: 1) «сознательно вводить в заблуждение, обманывать, сбивать с толку»; 2) *to deceive oneself* – «обманывать себя/тешить себя надеждами» (*she was deceiving herself with the dreams*); 3) «изменять» (значения даются здесь и далее по «Новому Большому англо-русскому словарю» [12]).

В нашей выборке нейтральный глагол *to deceive* встречается в 387 контекстах и переводится или глаголом *обмануть* (в первом значении *to deceive* см. примеры 1–3), или ЛЕ *ввести в заблуждение, обольщаться, обманывать себя, обманываться* и др. (во втором значении см. примеры 4, 5):

1) *I won't try to deceive you, Mr Mason.* (Erle Stanley Gardner. *The Case of the Blonde Bonanza*) // *Не буду даже стараться обмануть вас, мистер Мейсон.* (Э. С. Гарднер);

2) *How was I to imagine the Grand Master would go to such ends to deceive me <...>* // *Откуда мне было знать, насколько далеко пойдет Великий мастер в стремлении обмануть меня <...>* (Д. Браун);

3) *I was deceived. Everything is lost.* // *Меня обманули! Все пропало!* (Д. Браун);

4) *"Therefore <...>, you lied to her". – "I let her deceive herself"* // *«Следовательно <...>, вы ей наврали»? – «Я позволил ей ввести в заблуждение саму себя»* (Э. С. Гарднер);

5) *Besides, he thought, everything kills everything else in some way. <...> I must not deceive myself too much. He leaned over the side and pulled loose a piece of the meat of the fish where the shark had cut him.* // *«К тому же, – подумал он, – все так или иначе убивают кого-нибудь или что-нибудь. <...> Не обольщайся, старик»* (Э. Хемингуэй).

В редких контекстах данная глагольная единица получает эквивалент *лгать*, например: *Oh what a tangled web we weave, when first we practise to deceive!* // *Один лишь только раз солжешь — потом клубок не расплетишь?* (М. Ли).

Пассивные конструкции с глаголом *to deceive* (*I was deceived* = *меня обманули*) могут подвергаться смысловому преобразованию, переводческому контекстному «додумыванию» и получать другие эквивалентные соответствия при переводе, например: *He was deceived, and continued to report to the outside world that there was no food shortage on Animal Farm.* // *Он проглотил наживку и доложил людям, что на Скотном Дворе с кормами полный порядок* (Дж. Оруэлл).

В тексте данного перевода негативно оценивается уже объект обмана – человек, которого легко обмануть. Ср.: *его обманули* → *он проглотил наживку*.

Следующие контексты с данным глаголом реализуют значения «не речевого обмана», «измены» (третий ЛСВ *to deceive* = *изменять*): 1) *He deceives me, he leaves me, he is brutal and cynical with me...* // *Он мне неверен, он уходит от меня, он циничен со мной и жесток...* (Джон Фаулз); 2) *Come, Scarlett! Don't play the deceived wife.* // *Полно, полно, Скарлетт! Нечего разыгрывать обманутую жену.* (М. Митчелл).

В данных контекстах мы наблюдаем частичное совпадение денотативных значений глаголов *to deceive* и *обманывать, изменять*.

Самые частотные глаголы, встретившиеся в выборке? – *to lie* («лгать, обманывать // быть обманчивым») и *to tell lies* («лгать, говорить неправду»). Глагол *to lie* встречается 154 раза (в различных временных формах), а глагольное сочетание *to tell lies* – только 16. В нашей выборке синонимичные глаголы *to lie* // *to tell lies* употребляются в оригинальных

текстах для описания различных видов речевого обмана и могут быть переведены русскими эквивалентами: *врать, лгать, обманывать*. Ср. в переводе контекстные соответствия глагола *to lie*: *to lie* → *врать, лгать*:

1) *If she does not lie perhaps it is true that she has smelt such a thing. – Que va that I should lie, – Pilar said* // *Может быть, она действительно чувствует этот запах, если только не врет. – С какой стати мне врать, – сказала Пилар.* (Э. Хемингуэй); 2) *I lied to Boring. He lied to me and I lied to him. – Whenever it suits your advantage, you're willing to lie?* // *Я наврал Бoring. Он наврал мне, а я ему. – Если только вы можете получить преимущество, вы готовы лгать?* (Э. С. Гарднер);

Обманывать встречается в одиночных контекстах неречевого поведения, например: *You have lied to me, and that is more than I ever did to you.* // *Ты меня обманул, а ведь ты знаешь, что я никогда не обманывала тебя.* (Т. Драйзер)

Относительно реже встречается аналитическая глагольная единица *to tell lies*. Она поддерживается серией аналогичных конструкций, с помощью которых описываются обманные действия и в которых компонент *lie* (буквально «ложь») стоит в позиции прямого объекта: *to act a lie* (*подвести, обмануть* – буквально «действовать, вести себя лживо»), *to pray a lie* (*неискренне молиться, врать во время молитвы*), *to live a lie* (*жить двойной жизнью*). Прагматика перевода здесь зависит от типа текста и регистра речи. См. разницу в переводе писем Честерфилда и речи героев М. Твена: *It is the man who tells, or who acts a lie, that is guilty, and not he who honestly and sincerely believes the lie* // *Виновен тот, чьи слова или поступки заведомо лживы, а не тот, кто честно и искренне в эту ложь поверил* (лорд Честерфилд).

Ср.: *You can't pray a lie – I found that out.*
// *Нельзя врать, когда молишься, – это я понял* (М. Твен).

Речевой обман в большинстве случаев оценивается носителями языка негативно. Однако в русских оригинальных текстах мы можем наблюдать усиление негативной оценки, причем путем введения серии экспрессивных глаголов (*лгать, сочинять, заливать, надуть, обжулить, обвести вокруг пальца, приквать, наврать с три короба, жульничать*); в переводных же текстах негативно оцениваются обман и субъекты обмана, как правило, при помощи эмоционально окрашенных существительных (*чушь, небылицы, враньё, ересь, враки, выдумки, ворох лжи* и др.) и прилагательных (*несуветная, откровенная, наглая, гнусная, бессовестная, неприкрытая ложь*).

В оригинальном тексте встречается нейтральная или менее негативно окрашенная лексическая единица (например, *lie/lies*), тогда как переводной русский текст часто более экспрессивен, прагматически нагружен. Такая замена может быть оправдана контекстом (в текстах описываются эмоционально-напряженные диалоги между главными героями), усиление же экспрессивности повествования в русском переводном тексте влечет за собой и усиление перлокутивного эффекта при восприятии фрагментов текста и текста в целом. В некоторых контекстах ложь героев описывается метафорически, лексемой *rubbish* (буквально «мусор»). В русском тексте этой метафоре соответствуют негативно окрашенные переводные эквиваленты. Эмоциональное напряжение диалогов и оценка речи героев как лживой может передаваться в переводном тексте нелокально (дистантно), то есть путем не только нахождения прямого прагматически окрашенного эквивалента переводимой лексемы, но и насыщения всего фрагмента текста

или диалога лексемами с ярко выраженным прагматическим компонентом. См. примеры с экспрессивными лексическими единицами: 1) *What utter rubbish! How dare you tell such lies?*
// *Какая несуетная чушь! Как ты смеешь так врать?* (М. Твен);

2) *And the Professor ... didn't tell them not to be silly or not to tell lies, but believed the whole story* // *И профессор ... не сказал им, чтобы они не болтали глупостей и не сочиняли небылиц, но поверил во все, что услышал от них* (К. С. Льюис);

3) *How can you say such a lie?* // *Да как вы осмеливаетесь говорить такую ересь? ... I never heard such a lie in all my life!* // *Столь бессовестной лжи я еще не слыхала отродясь!* (М. Митчелл);

4) *"It's Thursday" – the priest said. "It's a lie. It's Friday!"* // *Сегодня четверг, – сказал священник. «Враки. Сегодня пятница»* (Э. Хемингуэй);

5) *"I thought it was all a lie" – he said.* // *«Я считал, что все это выдумка» – сказал он* (Г. Уэллс);

6) *Now, Tom Sawyer, what kind of a lie are you fixing YOUR mouth to contribute to this mess of rubbish?* // *Ну а ты, Том Сойер, какое враньё ты собираешься добавить к этому вороху лжи?* (М. Твен);

7) *O God, what a lie it was!* // *Боже мой, какая это была гнусная ложь!* (Е. Bronte);

8) *That's a lie, and a loud one, – said the Friar...* // *Это ложь, а попросту – брехня, – сказал монах* (В. Скотт).

Достаточно частотными являются контексты, где говорение неправды, обман передается как созидательное действие: ложь выдумывают, изобретают (*make up lies*), сочиняют, конструируют (*invent tales, frame a bit of lie*), напрягают мозги (*rack a brain for a lie*), например:

1) *I was racking my brain for a lie, but Alex stepped in before I could think of anything remotely plausible.* // Я судорожно напрягла мозги, но Алекс нашелся раньше, чем я успела что-нибудь придумать (Л. Вайсбергер); 2) *He sometimes wondered where Benjamin had picked up enough knowledge of the abbey's history to invent such tales.* // Иногда аббат удивлялся, откуда Бенъямин знает столько всякого из истории аббатства, что может сочинять настолько правдоподобные сказки (У. М. Миллер).

Подобные контексты имеют меньший прагматический потенциал: лексемы не окрашены негативно, перевод осуществляется только путем нахождения сходных образов в языке реципиента текста. Лексемы оригинала *lie* («ложь») и *to lie* («обманывать») могут не получать буквального соответствия в переводе, и переводчики обращаются к более нейтральным лексемам (*история, выдумывать*). См. примеры:

1) *No man would make up such a far-fetched lie over some female who obviously doesn't want a bar of him.* // Ни один мужчина не станет выдумывать такую запутанную историю ради женщины, не желающей иметь с ним ничего общего (М. Ли); 2) *He didn't play any sports, so he had to make up a story about falling down the basement stairs.* // Спортом он отродясь не занимался, и пришлось ему выдумывать, будто он свалился с лестницы, что у нас в подвале (К. Воннегут).

Для английской языковой картины очень важной является концептуальная оппозиция «честное – нечестное/обманное поведение», поэтому весьма разработанной лексической парадигмой являются глаголы обманного действия широкого плана, в том числе и речевого. Мы уже упоминали глагольные словосочетания *to act a lie* (*подвести, обмануть* – буквально «действовать, вести себя лживо»), *to*

pray a lie (*неискренне молиться, врать во время молитвы*), *to live a lie* (*жить двойной жизнью*). Этот ряд можно дополнить лексемами *to cheat* (*жульничать, мошенничать, надувать, обманывать, списывать* – «о любом действии, которое было совершено не силами самого субъекта»), *to pretend* (*притворяться*), *play double* (*врать, играть в двойную игру, лицемерить*), *to be under hand* (*иметь какое-либо тайное, скрытое дело*), *break one's word* (*обманывать, нарушая данное ранее слово*). Например:

1) *I tried to pretend it didn't mean there was no hope ...* // Я пыталась врать, что не все еще потеряно <...> (Х. Филдинг);

2) *I play fair and square. There's nothing under hand about it, which can't be said of most businesses, whether of the big corporations or of the cheating, lying, little corner-grocerymen. I play the straight rules of the game, and I don't have to lie or cheat or break my word.* // Я веду честную игру. Без всякого надувательства, а этого нельзя сказать почти ни про кого из дельцов, будь то заправила крупной корпорации или хозяин мелочной лавочки, обвешивающий покупателя. Я играю по правилам, и мне не нужно ни врать, ни мошенничать, ни обманывать (Дж. Лондон).

В последнем примере различные глагольные лексемы, описывающие негативно оцениваемые обманные действия или обманное поведение, получают в переводном тексте эквивалент *врать*. Эта глагольная лексема имеет выраженную негативную окраску, будучи прагматически нагруженным словом, и может стоять в начале синонимического ряда (*врать, мошенничать, обманывать*), определяя общую эмоциональную оценку образа героя. В этом же примере глагольная форма *lying* (буквально «обманывающий») имеет контекстный уточняющий перевод *обвешивающий* (речь идёт о хозяине мелкой лавочки).

Контексты, в которых описывается разоблачение во лжи, просьбы к прекращению обмана, призывы говорить правду, включают как лексемы с семантикой обманного/честного речевого поведения, так и лексемы с общим значением «смех, шутка, игра»: *to joke* (*шутить, острить/подшучивать, дразнить*), *to kid* (*разыгрывать, дурачить/подшучивать, подтрунивать/обманывать*). Однако глагол *врать* (*Будет врать-то!*), как прагматически нагруженный, может быть выбран переводчиком вместо прямого перевода *shucks* («вздор, ерунда») или может употребляться в призыве говорить правду (*не врать*), например:

1) – *Oh, shucks! – I ain't joking, either. – Well, then, – I says – joking or no joking, if you hear anything said <...> // Будет врать-то, – говорю, – шутишь ты, что ли? – Ну ладно, – говорю, шутишь или нет, а если услышишь какой-нибудь разговор<...>* (М. Твен);

2) *Honor bright, now – no lies. – Honor bright, your majesty, I'm telling you the truth // – Только по-честному – не врать! – По-честному, ваше величество, я вам правду говорю* (М. Твен).

Рассмотрим контекст: – *Honest injun, now, hain't you been telling me a lot of lies? – Honest injun, – says I. – None of it at all? – None of it at all. Not a lie in it, – says I. – Lay your hand on this book and say it. I see it warn't nothing but a dictionary, so I laid my hand on it and said it. // Скажи, – «честное индейское», что ты не наврал мне с три короба. – Честное индейское, нет, – говорю я. – Совсем ничего не приврал? – Ровно ничего. Как есть ни единого*

словечка, – говорю я. – Положи руку вот на эту книжку и скажи еще раз (М. Твен).

В данном переводном контексте передается попытка разоблачить ложь, за которым следует просьба поклясться в том, что сказанное является правдой: такой диалог детей совершенно оправданно содержит эмоционально оценочную лексику (*наврать, приврать*), диминутив (*ни единого словечка*) и форму детской клятвы (*честное индейское*). Показательна элиминация в переводе информации о форме клятвы (клятва на словаре, а не на Библии), что, вероятно, можно отнести к форме прагматической адаптации оригинального текста для советского читателя (перевод 1950 г.).

Анализ особенностей отображения ситуации речевого обмана в английских текстах и в соответствующих русских переводах позволяет сделать вывод о различных путях переводческой интерпретации коммуникативно-прагматических значений английского текста. Необходимость адаптации оригинального текста для определенного лингво-культурного сообщества, учета особенностей восприятия прагматически маркированного слова читателем, а также воспроизведения прагматики оригинала ставит перед переводчиком и редактором переводного текста многочисленные задачи – от сопоставления понятийных (денотативных) значений, стоящих за единицами текста, до анализа разницы коммуникативных норм и различий концептуальных систем, отраженных в прагматике оригинального и переводного текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 167 с.

2. **Баранчева Е. И.** Языковая репрезентация ситуации речевого обмана в русском и в английском языках. «Я предана словам, их сочетаньям в переливах речи...» // Проблемы интерпретационной лингвистики: межвузовск. сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – С. 265–275.
3. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение. – М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 352 с.
6. **Гак В. Г.** Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
7. **Евсеева Т. В.** Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – 24 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Прагматические аспекты перевода // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1982. – Вып. 193. – С. 3–14.
9. **Комиссаров В. Н.** Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
10. **Миньяр-Белоручев Р. К.** Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
11. **Мюллер В. К.** Англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1991. – 848 с.
12. **Новый** Большой англо-русский словарь: в 3 тт. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – М.: Русский язык, 2003. – 2500 с.
13. **Нойберт А.** Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 185–202.
14. **Почепцов Г. Г.** Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин: изд-во Калининск. гос. ун-та, 1980. – С. 5–10.
15. **Томахин Г. Д.** Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностраный язык в школе. – 1980 – № 4. – С. 84–89.
16. **Черняховская Л. А.** Перевод и смысловая структура – М.: Международные отношения, 1976. – 298 с.
17. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
18. **Longman dictionary of contemporary English: in 2 vol.** – М., 1997. – 734 p.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.19](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.19)

Barancheeva Ekaterina Igorevna, Candidate of Philological Sciences,
Associate professor of Russian Language Department, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: barancheeva_ek@yahoo.com

PRAGMATIC POTENTIAL OF THE TRANSLATED TEXT

Abstract

The current article is devoted to the issues of pragmatic potential transferring in the translated text. The purpose of this paper is to define the means of transferring of pragmatic potential for the English verbs describing the situation of deceiving. It's noted that the process of translation can require the communicative and pragmatic shifts that signalize about the interpretation of pragmatic potential by the translator. The author analyzes the contexts including the verbs of deceiving: the comparison of original and translated text fragments reveals the differences in pragmatic meanings of lexical units and different ways of equivalent contextual translation for the chosen lexical units. The particular attention is drawn to the examples of non-local transferring of pragmatic component in translation, the article also describes the cases of morphological transformation and the contexts with the series of emotive lexical unites.

Keywords

Pragmatic meaning of lexical units, the translation analysis, text translation and text pragmatics.

REFERENCES

1. Alekseyeva I. S. *Introduction in translation studies*. Saint-Petersburg, Philological Faculty of SPGU Publ., 2004, 167 p. (In Russian)
2. Barancheeva E. I. Language representation of the situation of verbal deceiving in Russian and English. "Ya predana slovam, ih sochetanyam v perelivah rechi...". *Problems of interpretative linguistics: collection of scientific articles*. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014, pp. 265–273. (In Russian)
3. Barkhudarov L. S. *Language and translation*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1975, 240 p. (In Russian)
4. Vinogradov V. S. *Introduction in translation studies*. Moscow, Institute of general secondary education Publ. (Russian Academy of Education), 2000, 224 p. (In Russian)
5. Vlahov S., Florin S. *Untranslatable in translation*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1980, 352 p. (In Russian)
6. Gak V. G. *Comparative lexicology: on the material of French and Russian*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1977, 264 p. (In Russian)
7. Yevseeva T. V. *Translated literary text with comments: structural, cognitive, functional and pragmatic features*. Author's abstract of the thesis for the degree of candidate of science in philology. Rostov-on-Don, South Federal University Publ., 2007, 24 p. (In Russian)
8. Komissarov V. N. Pragmatic aspects of translation. *Collection of scientific works of Moscow State Pedagogical Institute of foreign languages*. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute of foreign languages Publ., 1982, vol. 193, pp. 3–14. (In Russian)
9. Komissarov V. N. *Modern translation studies*. Moscow, ETS Publ., 2002, 424 p. (In Russian)

10. Minyar-Beloruhev R. K. *General theory of translation and oral interpretation*. Moscow, Voenizdat Publ., 1980, 237 p. (In Russian)
11. Muller V. K. *English-Russian dictionary*. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1991, 848 p.
12. *New large English-Russian dictionary in three volumes*. (Eds.) Y. D. Apersyan, E. M. Mednikova. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 2003, 2500 p.
13. Neubert A. Pragmatic aspects of translation. *Issues in translation theory of foreign linguistics*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1978, pp. 185–202. (In Russian)
14. Pocheptsov G. G. Text pragmatics. *Communicative, pragmatic and semantic functions of speech unities*. Kalinin, Kalinin State University Publ., 1980, pp. 5–10. (In Russian)
15. Tomakhin G. D. Background knowledge as a main subject of language and country studies. *Foreign language in school*. 1980, no. 4, pp. 84–89. (In Russian)
16. Chernyakhovskaya L. A. *Translation and the structure of meaning*. Moscow, Mezhdunarodniye otnosheniya Publ., 1976, 298 p. (In Russian)
17. Schweizer A. D. *Translation and linguistics*. Moscow, Voenizdat Publ., 1973, 280 p. (In Russian)
18. *Longman dictionary of contemporary English*. In 2 volumes. Moscow, 1997, 734 p.

© И. В. Столярова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.20](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.20)

УДК 81.42 + 801.7

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ «ВОСПИТАТЕЛЯ» (на материале современного художественного дискурса)

И. В. Столярова (Санкт-Петербург, Россия)

В статье рассматривается проблема манипулирования при помощи речи сознанием, и общественным, и отдельного человека. На материале рассказа Л. Юзефовича «Гроза. 1987 г.» показывается, что степень успешности манипуляции в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического и речевого воздействия, насколько манипулятор гибок в их использовании. Отмечаются некоторые черты речевого портрета современного учителя. На материале анализируемого произведения показывается, что отношение к подросткам со стороны «воспитателя»-манипулятора конкретизируется в желании распоряжаться ими, стремлении получить одностороннее преимущество. Идентифицируясь со своей социальной группой, воспитатель становится проводником ее нормирующего воздействия и снимает с себя значительную долю ответственности. Пользуясь авторитетом сообщества, он увеличивает возможность воздействия на других для достижения собственных целей. Привлеченный языковой материал иллюстрирует агрессивные намерения выступающего с воспитательной лекцией инспектора ГАИ. Анализируются конструкции несобственно-прямой речи говорящего, публицистические речевые штампы, интригующая интонация и прочая «убедительная лживость». Иллюстрируются методы управления аудиторией: метод ложной вины и пристыжения. Манипуляция наносит ущерб самому манипулятору, который, апеллируя к низменным мотивам, невольно повышает их значимость в собственных глазах. Происходит деформация личности манипулятора. В заключение сделаны выводы о том, что недостаточный уровень общей и речевой культуры, отсутствие психологической подготовки не позволяют «воспитателю» достичь цели и преодолеть в целом негативное отношение подростков.

Ключевые слова: манипуляция, речевое воздействие, несобственно-прямая речь, речевой штамп, речевая культура.

Общечеловеческие ценности и социальные интересы, нередко противореча друг другу, вступают в тесные связи между собой и воплощаются в живом человеческом общении. Проблема манипулирования при помощи

речи сознанием, и отдельного человека, и общественным, – одна из самых интересных и жизненно важных.

Манипуляция изначально подвергалась детальному рассмотрению преимущественно

Столярова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: stolirina@gmail.com

в политологических работах. Проблему манипуляции исследуют многие ученые: Е. Л. Доценко [1], Д. А. Волкогонов [2], Г. Шиллер [3], В. Н. Сагатовский [4], Г. А. Ковалев [5] и др. По определению Г. Шиллера, **манипуляция** – «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения» [3, с. 57].

Объектом манипулирования могут быть психические качества, побуждения, моральные нормы, нравственные ценности. Степень успешности манипуляции в значительной мере зависит от того, насколько широк арсенал используемых манипулятором средств психологического и речевого воздействия, насколько манипулятор гибок в их использовании. Как отмечает Е. Л. Доценко, отношения, с одной стороны, могут ориентироваться на признание самооценки другого человека как свободного, ответственного, имеющего право быть таким, как он есть; в таком случае установка на ценность другого конкретизируется в стремлении к сотрудничеству. С другой стороны, отношения базируются на обесценивании человека, на основе веры в неравенство людей, на ощущении собственного превосходства над другими [1, с. 100]. Наибольший интерес в теоретическом и практическом аспектах представляет то, что находится между этими полюсами.

Успеху речевой манипуляции способствует красноречие, которое ведет к установлению с партнерами диалогических отношений. Выступающему необходимо иметь склонность к речевому воздействию, к интерпретации действительности. Вопросам места языка в мире человека, искусства речи, речевых форм популяризации, новоязу посвящают свои работы многие исследователи: Н. Д. Арutyюнова [6], М. М. Бахтин [7], Е. А. Земская [8], Т. Г. Винокур [9], А. К. Михальская [10],

Ю. Н. Караулов [11], В. В. Одинцов [12], П. Соппер [13], Т. М. Николаева [14] и др.

Говоря о речевом портрете современного учителя, В. А. Козырев и В. Д. Черняк обращают внимание на то, что речевое поведение является визитной карточкой личности, и отмечают преобладание в педагогической среде среднелитературного типа речевой культуры, для которого характерна так называемая ортологическая пассивность, т. е. невнимание к языковой норме и ее нарушениям, собственная речевая небрежность, неумение и нежелание ставить вопросы о фактах языка и речи. Исследователи также акцентируют внимание на жаргонизации речи учителя, даже выраженной конфликтогенности, нагнетании отрицательной экспрессии [15, с. 41]. И. В. Столярова обращает внимание на приверженность учителей к употреблению пословиц, устойчивых выражений, позволяющих дистанцироваться от возникающих актуальных проблем [16, с. 134].

Учитель нередко прибегает к манипуляции – психологическому воздействию, направленному на неявное побуждение подопечных к совершению определенных манипулятором действий. Как отмечает Е. Л. Доценко, для манипуляции характерны искусственность, ловкость, мастерство исполнения [1, с. 47]. Манипуляция – психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им.

Сюжет рассказа Л. Юзефовича «Гроза. 1987 г.» построен на противостоянии, конфликте двух сторон – воспитателя и воспитуемых. Наставником является Родыгин, инспектор ГАИ, пришедший в школу с лекцией о правилах безопасности на дорогах. Лектор из ГАИ, уверенный в себе и похожий, по мнению некоторых учителей, на крокодила в музее,

полностью убежден в правильности избранной линии поведения. Он безапелляционно декларирует пятиклассникам прописные истины, не обращая внимания на реакцию школьников. Его манипуляции просты и грубы: *Он еще с полминуты улыбался, усыпляя бдительность, потом вдруг рывкнул: – А ну, встать! Родыгин неутомимо, как метроном, отбивал такт, постукивая указательным пальцем по ребру столешницы. В конце концов, дело пошло.*

В мотивационном плане отношение к другому как объекту конкретизируется в желании распоряжаться им, стремлении получить одностороннее преимущество, непременно добиться своего. Родыгин выступает перед школьниками как представитель власти. Человек, идентифицируясь с той или иной группой, становится своеобразным проводником ее нормирующего воздействия и извлекает немало преимуществ для себя: он обнаруживает, что гораздо удобнее жить без груза ответственности, лежащего теперь почти целиком на сообществе, чьим представителем он является. За эти преимущества человеку приходится платить утратой свободы и индивидуальности [1, с. 69]. Член сообщества получает подкрепление для своей самооценки: в своих глазах он есть то, что он представляет, – государство, ГАИ. Отсюда – стремление доказывать свою значимость другим. Он, пользуясь авторитетом сообщества, увеличивает свои возможности воздействия на других для достижения собственных целей, например, удовлетворения невротических потребностей. (Попад в критическую ситуацию, Родыгин определяет себя как *душу непонятую, оболганную, запертую в старом зябнущем теле.*)

Лектор не использует традиционные речевые средства установления контакта, вызывающие ответную реакцию адресата: обраще-

ния, вопросы, вводные компоненты, выражающие уверенность в сочувствии, в согласии аудитории с мнением оратора, призывающие ее к вниманию и пониманию (*видите ли, понимаете ли* и т. п.), разнообразные частицы (*не так ли, же* и др.), слово *да*, *мы*-совместности.

Сам не зная того, инспектор ГАИ придерживается **американизированного риторического идеала** (по классификации А. К. Михальской [10, с. 135]), который диалогичен только по форме, но не по содержанию. Ораторы, следующие ему, не умеют беседовать, они заранее знают ответы на поставленные вопросы, создают видимость живого диалогического общения, искусно манипулируя аудиторией. За время общения со школьниками Родыгин выработал свою тактику: *Все свои беседы Родыгин начинал с тихой лирической ноты, призванной создать атмосферу взаимного доверия, после переходил к деловой части, а в заключение пересказывал несколько занимательных, но тематически выдержанных историй с последних страниц журнала «За рулем».* Родыгин, даже наедине с собой, мыслит книжными штампами, оценивая свою деятельность: несобственно-прямая речь полна казенных выражений. Приведем примеры: 1) *наглядно-образное мышление пятиклассников требовало большей конкретики, поэтому Родыгин рассказал о происшествии, свидетелем которого был якобы лично;* 2) *на своих беседах он всегда ставил перед детьми проблемные ситуации, обучал, воспитывая, и воспитывал, обучая, как делают лучшие учителя-методисты;* 3) *судьба послала ему замечательное наглядное пособие для рассказа о вреде курения;* 4) *все свои беседы он старался закончить таким образом, чтобы после них оставались одновременно два противоположных чувства – полноты и незавершенности сказанного. Недостаточно просто изложить тему и сде-*

лать выводы, нужно еще внушить слушателям понятие о неисчерпаемости предмета. Родыгин виртуозно владел этим искусством.

Родыгин полностью игнорирует интересы и намерения аудитории, стремится добиться своего, в то же время, заботясь о производимом впечатлении; его скрытое воздействие опирается на автоматизмы и стереотипы.

Родыгин использует различные способы манипуляции: интригующую интонацию, чтобы переключить внимание слушающих, отвлекающую жестикуляцию, а также доверительный тон, который в таких случаях неизменно завораживал его самого, – тон человека, не только имеющего доступ к закрытой информации, но из уважения к данной аудитории позволяющего себе сказать то, чего в другой аудитории он бы, конечно, говорить не стал. Инспектор отдает себе отчет в манипулятивных действиях. Известный юрист начала XX в., П. С. Пороховщиков (Сергеич), употребляет выражение *убедительная лживость*, говоря о «дивной власти живой речи» [17, с. 218]. Родыгин иногда чувствует «легкие уколы совести», может «слегка смутиться», если сам передергивает с ответом. У этого человека, кажется, нет сомнений в справедливости и полезности своего поведения: *Программа беседы была исчерпана, но Родыгин полагал для себя делом чести закончить ее строго со звонком. Шумная благодарность маленьких слушателей, отпущенных по домам раньше срока, не трогала его сердце.*

Несмотря на внушаемость школьной аудитории, ей свойственна критичность восприятия, все большая осознанность стратегий манипулирования общественным сознанием, понимание того, что с нею «что-то делают при помощи речи». Выступающий также не может не учитывать заведомо отрицательное отноше-

ние к нему части аудитории, потому что в основе его деятельности лежит не столько стремление к взаимодействию с адресатом, сколько подавление его, по выражению Л. П. Якубинского, «естественной диалогической реакции» [18, с. 22]. Взаимоотношения выступающего и слушателей – это отношения, основанные нередко на противоборстве. Стратегия речи разрабатывается в расчете на конкретную аудиторию. И. А. Стернин рассматривает следующие параметры аудитории: небольшая (20–25 человек)/большая; хорошо подготовленная/мало подготовленная; женская/мужская; детская/подростковая/молодежная; настроенная по отношению к оратору положительно/равнодушно/отрицательно; однородная/разнородная [19, с. 107]. Выступление в небольшой аудитории может приобрести характер беседы, когда оратор привлекает слушателей к совместному рассуждению, а его аргументация должна быть особенно тщательной. В большинстве своем дети не понимают иронии и подтекста, но ценят событийность изложения. В речевом общении с ребенком должна присутствовать похвала, необходимая для его нормального развития. Дети неспособны долго сосредоточиваться на предмете речи, поэтому оратор должен заботиться о ее конкретности, эмоциональности, увлекательности, разнообразить приемы подачи доступного материала.

Инспектор использует один из методов управления аудиторией – метод ложной вины. Это особый вид тактики запугивания: манипулятор намекает добросовестной жертве, что она недостаточно внимательна, слишком эгоистична или легкомысленна. Это приводит к тому, что жертва начинает испытывать негативные чувства, попадает в состояние неуверенности, тревоги или подчинения [1, с. 99]. Приведем пример.

Филимонов встал. Маленький ушастый мальчик в школьной форме, ему показалось, что привычный мир остался далеко внизу, а сам он, как выдернутая из воды рыбина, прорезал головой спасительную пленку и теперь, хватая ртом воздух, задыхался от ужаса и одиночества.

Пристыжение как метод управления также порождает в жертве страх и неуверенность в себе. Манипулятор использует эту тактику, чтобы заставить других чувствовать себя малозначимыми и поэтому подчиниться ему: *За дверью царила могильная тишина, как во время контрольной работы за полугодие. Векшина теребила свой ключик, вид у нее был какой-то пришибленный.* Родыгину кажется, что он «компанейски подмигивает» девочке, а вместо этого Векшина с ужасом видит его «перекосившееся лицо с жутко зажмуренным глазом». Похвала, поверхностное сочувствие, притворный смех, улыбка – эти, на взгляд Родыгина, «положительные подкрепления» вызывают у школьников обратную реакцию.

Речь ведущего воспитательную беседу наполнена речевыми штампами публицистического и официально-делового стиля: 1) *придут годы, – сказал он, возвращаясь к доске, – вы все вырастаете, будете честно трудиться, и сами сможете приобрести автомобиль в личное пользование;* 2) *но одно запомните со школьной скамьи <...>;* 3) *обошлось без человеческих жертв, но жители целого микрорайона остались без хлеба. А ведь утром им идти на работу.*

Т. Г. Винокур отмечает, что «штамп», «шаблон», «трафарет» имеют негативно-оценочное значение и относятся, главным образом, к бездумному и безвкусному использованию выразительных возможностей языка [9, с. 98]. Беда манипулятора в том, что манипуляция наносит ущерб ему самому. Как

пишет Е. Л. Доценко, технология манипулятивного воздействия требует от манипулятора известной внутренней раздвоенности. Как правило, таковая уже имеется, поскольку именно желание справиться со своими же затруднениями ведет человека к использованию для этой цели других людей. Однако изменение других не проходит для него бесследно, поскольку достигается это посредством активной эксплуатации собственной противоречивости. Таким образом, используя другого, манипулятор наносит вред не только ему, но и самому себе [1, с. 103]. Родыгин живет в плену расхожих формул, не решаясь осознать свои возможности и желания. В конце школьного эпизода, когда Родыгин под ливнем гонится за Векшиной, в него ударяет молния. *Болела голова, ныла ушибленная лопатка, ступни почему-то покалывало, словно сквозь микропоровые подметки с подковками в них стреляло растворенное в почве небесное электричество. В то же время он не мог отделаться от чувства, что никакой молнии не было, а это пепельно-черное пятно под ногами выжжено жаром его души, непонятой, оболганной, запертой в старом зябнущем теле.* В этом признании – все отчаяние и безысходность нереализованной, страдающей личности, манипулятора, не решающегося заглянуть в себя.

Манипулятивная опасность может распознаваться на уровне как чувств, так и понимания. Эмоциональная оценка необязательно осознается, но так или иначе оказывает влияние на поведение человека. Интуитивное понимание манипуляции позволяет детям, сначала настроенным враждебно и воинственно, а в итоге – снисходительно, простить несимпатичного лектора, например: 1) – *Его убило молнией, – сказала Векшина с таким убийственным спокойствием, что Надежде Степановне стало страшно;* 2) – *Ой, Надежда Степановна! – вдохновенно кляузничала*

соседка Векшиной. – Он нам такое говорил, вы не поверите! Рассказывал, как детям ноги отрезают, и что всех будут сажать в тюрьму. Вместе с женами; 3) – Вы нам все очень интересно рассказывали, – сказал веселый мальчик, большую часть беседы просидевший под столом, и с пулеметным звуком выплюнул косточки.

Манипуляция как выражение неуважительного отношения к подросткам терпит крах, причиняя моральный ущерб самому манипулятору. Однако намечается переход от крайне несимметричных отношений (когда одна сторона пытается полностью властвовать над другой) к равноправным, человеческим. Это происходит вопреки поведению Родыгина и основывается на доброжелательности и сочувствии детей.

Родыгин, грубый манипулятор, не может подстроиться под особенности своей аудито-

рии, неловко пытается использовать так называемое «присоединение по...» – стратегиям поведения, эмоциональному состоянию. У него есть потребность в объединении, в общении со своими подопечными, но внутренняя ограниченность, косность не позволяют отойти от привычных стереотипов. Он терпит неудачу в стремлении создать у подростков иллюзию свободы выбора; неловкие попытки найти мотив, позволяющий проникнуть в психическую сферу, «влезть в душу», не приводят к успешной коммуникации. Прямолинейные социальные обобщения также вызывают отрицательную реакцию у слушателей. Недостаточный уровень общей и речевой культуры, отсутствие психологической подготовки не позволяют манипулятору достичь цели и преодолеть негативное в целом отношение подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – 3-е изд. – М.: Речь, 2003. – 304 с.
2. **Волконогов Д. А.** Психологическая война. – М., 1983. – 352 с.
3. **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием / пер. с англ; науч. ред. Я. Н. Засурский. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.
4. **Сагатовский В. Н.** Социальное проектирование (к основам теории) // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. – Томск, 1980. – С. 83–89.
5. **Ковалев Г. А.** О системе психологического воздействия. (К определению понятия) // Психология воздействия (проблемы теории и практики): сб. науч. тр. / ред. А. А. Бодалев. – М., 1989. – 153 с.
6. **Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
8. **Земская Е. А.** Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 34–47.
9. **Винокур Т. Г.** Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – 4 изд. – М.: URSS, 2009. – 169 с.
10. **Михальская А. К.** Основы риторики: Мысль и слово. – М., 1996. – 278 с.
11. **Караулов Ю. Н.** О состоянии современного русского языка // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 8–19.
12. **Одинцов В. В.** Речевые формы популяризации. Методика лекторского мастерства и ораторского искусства. – М.: Знание, 1982. – 80 с.

13. **Сопер П.** Основы искусства речи: пер. с англ. – 2 изд. – М.: Прогресс, 1992. – 416 с.
14. **Николаева Т. М.** Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. – С. 154–165.
15. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Речевой портрет современного учителя: поиски идеала // Вестник Герценовского ун-та. – 2010. – № 1 (75). – С. 36–42.
16. **Столярова И. В.** Лексико-синтаксические средства создания образа учителя в современной прозе // Слово. Словарь. Словесность: Языковая личность ученика и учителя. Актуальные проблемы межличностной коммуникации: мат-лы Всероссийск. науч. конф., СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 132–139.
17. **Пороховщиков П. С.** Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 1999. – 320 с.
18. **Якубинский Л. П.** О диалогической речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17–58.
19. **Стернин И. А.** Практическая риторика. – М.: Академия, 2003. – 272 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.20](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.20)

Stoliarova Irina Vitalievna, Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Philological Faculty, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: stolirina@gmail.com

SPEECH MANIPULATION OF THE «EDUCATOR»

(based on modern art discourse)

Abstract

The article presents the problem of manipulating the consciousness of an individual and social consciousness with the help of speech. The material of the story “Thunderstorm. 1987” by L. Yuzefovich shows, that the success rate of manipulation is largely dependent on psychological and speech influence of the manipulator if the latter is flexible in their use. The author points out some features of the speech portrait of the modern teacher. The analysis of the text shows that the attitude toward teenagers is specified in the desire to command them, striving to obtain unilateral advantage. By identifying with their social group, the teacher becomes a conductor of its normalizing impact and disclaims any significant share of his responsibility. Using the authority of the community, he employs the opportunity to influence the others to achieve his own goals. The attracted language material illustrates aggressive intentions of the speaker – a traffic police officer. Reported speech constructions, journalistic clichés, intriguing intonation and other “compelling mendacity” is used for manipulation. Another audience manipulation technique is the method of false accusation and embarrassment. Manipulation may harm the manipulator’s self because using unfair methods he may lose some important moral criteria. Deformation of the manipulator’s personality may occur. The author concludes that an insufficient level of general and speech culture, lack of psychological preparation does not permit the “educator” to achieve his goals and overcome the negative attitude of teenagers in general.

Keywords

manipulation, speech effects, double indirect discourse, speech cliché, speech culture

REFERENCES

1. Dotsenko E. L. *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection*. Moscow, Speech Publ., 2003, 304 p. (In Russian)
2. Volkogonov D. A. *Psychological warfare*. Moscow, 1983, 352 p. (In Russian)
3. Schiller G. *Manipulators of consciousness*. Per. with English; Sci. (Ed.) Y. N. Zassoursky. Moscow, Thought Publ., 1980, 326 p. (In Russian)
4. Sagatovsky V. N. Social engineering (to the basics of the theory). *Applied ethics and moral education management*. Tomsk, 1980, Pp. 83–89. (In Russian)
5. Kovalev G. A. About psychological impact (By the definition of the concept). *Psychology of influence (theory and practice)*. Sat. scientific. tr., ed. A. A. Bodalev. Moscow, 1989, 153 p. (In Russian)
6. Arutiunova N. D. *Language and the world of man*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999, 896 p. (In Russian)
7. Bakhtin M. M. *A esthetics of verbal creativity*. (Ed.) S. G. Bocharov. Moscow, Art Publ., 1979, 424 p. (In Russian)

8. Zemskaya E. A. Newspeak clichés and citation in the language of post-Soviet society. *Questions of linguistics*. 1996, no. 3, pp. 34–47. (In Russian)
9. Vinokur T. G. *Speaker and listener: Options verbal behavior*. Moscow, URSS Publ., 2009, 169 p. (In Russian)
10. Mihalskaya A. K. *Basics of rhetoric: thought and speech*. Moscow, 1996, 278 p. (In Russian)
11. Karaulov Y. N. About the state of the modern Russian language. *Russian speech*. 2001, no. 3, pp. 8–19. (In Russian)
12. Odintsov V. V. *Verbal forms of popularization. The technique of lecturing skills and oratory*. Moscow, Knowledge Publ., 1982, 80 p. (In Russian)
13. Soper P. *Basics of art speech*. 2 ed. Moscow, Progress Publ., 1992, 416 p. (In Russian)
14. Nikolaeva T. M. Linguistic demagoguery. *Pragmatics and intensionality problems*. Moscow, 1988, pp. 154–165. (In Russian)
15. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Speech portrait of the modern teacher: the quest for the ideal. *Bulletin of Herzen University*. 2010, no. 1 (75), pp. 36–42. (In Russian)
16. Stoliarova I. V. Lexical and syntactic means of creating an image of the teacher in modern prose. *Word. Dictionary. Literature: Linguistic personality student and the teacher. Actual problems of interpersonal communication*. Proceedings of the Scientific Conference. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2011, pp. 132–139. (In Russian)
17. Porokhovshchikov P. S. *Art speech at the trial*. Tula, Autograph Publ., 1999, 320 p. (In Russian)
18. Yakubinsky L. P. The dialogical speech. L. P. Yakubinsky. *Selected works: Language and its functioning*. Moscow, 1986, pp. 17–58. (In Russian)
19. Sternin I. A. *Practical rhetoric*. Moscow, The Academy Publ., 2003, 272 p. (In Russian)

© А. В. Гутарова

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.21](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.21)

УДК 811.11-112

К ВОПРОСУ О СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ИМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРОИЗВОДЯЩИМИ ГЛАГОЛАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

А. В. Гутарова (Владивосток, Россия)

Статья посвящена проблеме соотносительности именных компонентов аналитических глагольно-именных конструкций с производящими глаголами немецкого языка. Цель статьи – на примерах словосочетаний, взятых из романа Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой», исследовать взаимоотношения аналитических глагольно-именных конструкций и глаголов, близких им по значению и однокоренных с именами существительными. При сопоставлении аналитических конструкций и соответствующих им глаголов иногда достаточно ярко проявляется их семантическое несоответствие. Семантическую важность именного компонента аналитической конструкции показывает тот факт, что при наличии близкого по значению однословного глагола последний часто является однокоренным не с глагольным, а с именным компонентом исследуемых единиц. В заключении делаются выводы о том, что аналитические глагольно-именные конструкции могут отличаться от производящих (однокоренных) однословных глаголов по объему семантики. Аналитические конструкции однозначны и сравнительно редко получают переносные значения, многие однословные глаголы являются многозначными.

Ключевые слова: соотносительность аналитических глагольно-именных конструкций и производящих глаголов, коррелятивный глагол, однословный глагол, именной компонент.

Проблема тождества языковых единиц не нова: она в том или ином виде, с применением разной терминологии, затрагивается в языковедческих работах разных эпох и разных направлений [13, с. 89].

Наличие в языке однословных номинаций признают многие лингвисты, занимаю-

щиеся проблемами ономазиологии и словообразования. Однако вопросы, связанные с определением однословной номинативной единицы, становлением дифференцирующих признаков, сближающих эту единицу номинации со словом и отграничивающих ее от синтаксических единиц (словосочетаний), решаются в дериватологии неоднозначно [10, с. 73].

Гутарова Александра Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков, Институт иностранных языков, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

E-mail: g-a@inbox.ru

Целью данной работы является исследование соотносительности именных компонентов аналитических глагольно-именных конструкций (АГИК) с производящими глаголами немецкого языка на примерах сочетаний, взятых из романа Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» [17; 2].

Сочетание слов может не только коммуникативно соответствовать производному полнозначному слову, но и быть единственным способом выражения производного значения. Лингвисты давно единодушны в том, что грамматическая единица может быть не только целостным синтетическим единством, но и аналитическим [1, с. 49–50].

В лингвистической литературе последнего времени значительное внимание уделяется АГИК, многие из которых имеют соотносительные однокоренные с зависимым словом глаголы [12, с. 24]. Сочетание и глагол часто показывают разную стилевую направленность: первые чаще встречаются в книжной речи, докладах, газетном языке [5, с. 249; 8, с. 71–115].

В лингвистике достаточно актуальна проблема взаимоотношений АГИК и глаголов, близких им по значению и однокоренных с именами существительными: *Hilfe leisten – helfen* (оказывать помощь – помогать), *zum Ausdruck bringen – ausdrücken* (выражать) [6, с. 5–14].

В настоящее время АГИК представляют собой многочисленные образования. Их основная структурная особенность – формализация глагольного компонента и возможность с его помощью создавать глагольные устойчивые сочетания на основе существительных (в основном абстрактных существительных). Например: *im Umlauf sein – umlaufen* (находиться в обращении – обращаться); *im Irrtum sein – sich irren* (совершить ошибку – ошибиться). Подобная структурно-семантическая

особенность АГИК и наличие устойчивой трехаспектной вариации, возникающей на базе грамматического идиоматизма, позволяет отнести их к явлениям лексико-грамматического порядка. Аналитическую конструкцию не всегда можно заменить коррелятивным глаголом. Основой семантики словосочетаний служит именной компонент, которым является абстрактное существительное, поэтому АГИК по сравнению с коррелятивным глаголом семантически более абстрактна и передает понятие ослаблено. Многие АГИК неравнозначны производящим глаголам из-за их функциональной закрепленности как терминологических словосочетаний юриспруденции, финансовой сферы общения и т. д. Если глагол полисемантичен, устойчивое глагольно-именное словосочетание может вытеснить коррелятивный глагол и, таким образом, разгрузить его чрезмерную многозначность [14, с. 20–35; 16].

В немецком языке АГИК могут являться вариантами пассивных конструкций: *die Ware kommt zum Verkauf – die Ware wird verkauft* (товар поступает в продажу – товар продается); и будущего времени: *zur Beseitigung führen* (вести к устранению), а также могут заменять простые возвратные глаголы с частицей *sich*: *Ärger haben (mit D.) – sich ärgern über A.* (иметь неприятности, хлопоты с кем/чем-либо – сердиться, злиться, досадовать). Дополнение и обстоятельство при простых глагольных формах становятся в предложении с АГИК определениями именного компонента конструкции: винительный и дательный падежи и предложная группа простых глагольных предложений преобразуются в родительный падеж [3, с. 78–80]: ... *und ich habe erst Ende 45 Bescheid bekommen, dass er tot ist* [17, с. 167] – ... *и только в конце 45-го я узнала, что он убит* [2, с. 183].

Главное заключается в различии значений, смысловых оттенков АГИК и соотносительных с ними глаголов. Например, *einen Beschluss fassen – beschliessen* (принять решение – решить), *Vertrauen fassen – vertrauen* (оказывать доверие – доверять). Специфика этих оттенков состоит в том, что они уточняют характеристику действия, выраженного эквивалентным глаголом, лишь в определенных случаях и связаны со стилевой традицией и окраской. Даже при наличии соотносительного глагола АГИК могут отличаться по окраске и традиционной сочетаемости, а также по присущим им смысловым особенностям. Функция данных сочетаний обусловлена не только синтаксическими условиями, но и той ролью, которую они играют в развитии и стилевом расслоении немецкой лексики. Функционирование АГИК и соотносительных с ними глаголов определяется как стилистическим принципом отбора наиболее экономного и выразительного речевого средства, так и правилами наиболее точного и целесообразного словоупотребления [4, с. 248–249].

Количественные различия между АГИК и коррелятивным глаголом состоят в том, что первая, включающая в свой состав как существительное, так и глагол, обладающие каждый в отдельности своими валентными свойствами, может сочетаться как с определениями, так и с обстоятельствами, выраженными различными частями речи, предложными и беспредложными словосочетаниями, а коррелятивный глагол сочетается только с обстоятельствами. Не все прилагательные, определения при АГИК могут трансформироваться в обстоятельства, которые сочетались бы с коррелятивным глаголом. Семантическое различие в том, что в случаях, когда определение может преобразоваться в обстоятельство, сочетающееся с коррелятивным глаголом, такое

сочетание качественно отличается от сочетания АГИК с соответствующим определением. Они являются семантически дифференцированными словосочетаниями. Это выражается в том, что определение при субстантивном компоненте АГИК характеризует само действие, дает ему ту или иную качественную оценку и часто помогает избежать двоякого толкования того же действия и состояния, выраженного соотносительным глаголом в сочетании с соответствующим обстоятельством [11, с. 12].

При этом, семантическую важность именного компонента АГИК показывает и тот факт, что при наличии близкого по значению однословного глагола последний часто является однокоренным не с глагольным, а с именным компонентом исследуемых единиц. Например: *Ein Gespräch führen (sprechen)* (вести беседу (беседовать)), *Zu dem Schluss kommen (schliessen)* (приходить к выводу, заключению, заканчивать (заключать, выводить)) и т. п. [3, с. 50–53].

При сопоставлении АГИК и соответствующих им глаголов иногда достаточно ярко проявляется их семантическое несоответствие. В этом случае можно говорить не только о частичном устранении многозначности глагола, но и о закреплении за сочетанием определенного значения, которое фактически утрачивает соответствующий ему глагол, а также о возникновении нового значения в том случае, когда сочетание не имеет соответствующего глагола. Например: *Eine Vorliebe haben (für etw.) – lieben* (иметь, питать страсти, наклонности к чему-либо – любить) [3, с. 54–64].

Соотнесенность устанавливается не только в функциональном, но и в структурном плане: простой глагол и существительное АГИК объединяются общностью произво-дя-

щей основы: *Schuld geben (j-m an etw.) – beschuldigen (G.)* (винить, обвинять кого-либо в чем-либо).

В составе исследуемых единиц все глаголы предметно-вещественной сочетаемости употребляются в своих переносных значениях, в результате чего они в разной степени теряют свое реально-вещественное содержание. Этот факт делает эти глаголы предикативно недостаточными. Поэтому функционирование в речи закрепляет данные обороты как целостную, устойчивую, неделимую лексико-грамматическую единицу языка.

Поскольку имя несет в себе вещественное, лексическое значение всего сочетания, оно не подлежит замене, но глагол, будучи выразителем грамматической и какой-то части семантических характеристик единства, может допускать синонимическую замену: *beeindrucken – einen Eindruck haben, bekommen, erwecken, hervorrufen, hinterlassen, machen* (впечатлять – иметь, получить, производить, оставлять, «делать» впечатление) и др.

АГИК дают возможность образования таких синтаксических моделей, которые невозможны с глаголом, например: *Rassenurteile hegen* (иметь расовые предубеждения, предрассудки) [3, с. 164–168].

АГИК может функционировать в языке как многозначная единица, включающая в свою смысловую структуру как общие, так и терминологические значения. Например: *Klage führen – жаловаться* (общее значение); *предъявить иск, подать жалобу* (терминологическое значение) [15, с. 64–71].

Распространение АГИК в немецком языке связано, по-видимому, с тем, что в словообразовательном отношении глагольный компонент конструкции способен вступать в связь с большим кругом имен существительных, многие из которых не могут иметь однокоренных глаголов. Например: *Ruhe verlieren*

(потерять покой) – *sich beunruhigen* (беспокоиться, забеспокоиться), но *Kräfte verlieren* (потерять силы).

Семантика АГИК в сравнении с однокоренным синонимичным глаголом насыщена смысловыми оттенками, что позволяет назвать действие или процесс более точно и определенно. В данных сочетаниях фиксируется более сложное действие с перемещением смыслового акцента на результат, итог действия, обозначенного отглагольным существительным, в то время как глагольный компонент этого сочетания сообщает ему процессуальность, действительность вообще. Глагол в АГИК осуществляет название общей идеи действия, процесса, а существительное наполняет общую идею конкретным содержанием. В отличие от АГИК синонимичный ему глагол выражает лишь общее название определенного действия с указанием на момент протекания его. Устойчивые сочетания глагольно-именного состава примыкают к системе глагола и вместе с ним являются средством номинации [7, с. 96–108].

Итак, семантические соотношения АГИК и однословных глаголов, однокоренных с именным компонентом аналитической конструкции, являются отношениями семантической близости, отличающейся от семантической эквивалентности тем, что аналитические конструкции, обозначая те же действия, процессы или состояния, которые выражаются соответствующими однословными глаголами, дают при этом ту или иную дополнительную характеристику действий (процессов, состояний), отсутствующую в семантике соответствующих однословных глаголов и вносят что-нибудь новое в обозначение данного действия. Кроме указания тех или иных дополнительных признаков действия или состояния,

АГИК могут отличаться от производящих (однокоренных) однословных глаголов по объему семантики. Аналитические конструкции, как правило, однозначны и сравнительно

редко получают переносные значения, и напротив, многие однословные глаголы являются многозначными [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров Р. Р. Валентная характеристика аналитических конструкций и коррелятивных глаголов в современном немецком языке // Вопросы романо-германской филологии (лексикология и стилистика). – Вып. 66. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1974. – С. 3–13.
2. Бёлль Г. Групповой портрет с дамой. – Кишинев: Лумина, 1987. – Кн. 2. – 448 с.
3. Гутарова А. В. Аналитические глагольно-именные конструкции немецкого языка и их русские соответствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – 19 с.
4. Дружинина А. Ф. О синонимии глагола и глагольных фразеологических единиц // МОПИ им. Н. К. Крупской: ученые записки. – Т. 160. Русский язык. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1966. – С. 245–255.
5. Ефремова Э. И. Стилиевая дифференциация глагольно-именных сочетаний, соотносимых с однокоренным глаголом // Лексика. Терминология. Стили: межвуз. научный сборник. – Вып. 3. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1974. – С. 249–261.
6. Ефремова Э. И. Влияние некоторых сочетаемостных особенностей на трансформируемость глагольно-именных сочетаний в однокоренные с именами существительными глаголы // Вопросы словообразования и грамматики русского языка: сборник трудов. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1974. – С. 5–14.
7. Касьянова Л. Н. Описательные глагольно-именные обороты в отношении к фразеологизмам // Лингвистический сборник: сборник трудов МОПИ им. Н. К. Крупской. – Вып. 4. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1975. – С. 96–108.
8. Кожин А. Н. О характере отношений в терминированных устойчивых выражениях // Русский язык. Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – Т. 160. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1966. – Вып. 11. – С. 71–115.
9. Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты). – Москва: Просвещение, 1964. – 131 с.
10. Неделько А. В. О корреляции производных глаголов с глагольно-именными сочетаниями // Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: сборник трудов. – Гродно: Иностранная литература, 1982. – С. 72–79.
11. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. – Москва: Высшая школа, 1985. – 157 с.
12. Перевезенцева Н. Н. Выражение аспектуальности в глагольно-именных сочетаниях и относительных с ними глаголах // Современный русский язык: ученые записки. – Т. 451, ч. 1. – 1971. – С. 24–32.
13. Степанова М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества (на материале современного немецкого языка) // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 89–97.
14. Чернышева И. И. Лингвистическая сущность аналитических конструкций и проблема их глагольных синонимов // Проблемы аналитизма в лексике: сборник трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 1. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1967. – С. 20–35.
15. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. – Москва: Высшая школа, 1970. – 200 с.

16. Шендельс Е. И., Ризель Э. Г. Стилистика немецкого языка. – Москва: Высшая школа, 1975. – 316 с.
17. Böll H. Gruppenbild mit Dame. Köln: Verlag Kiepenheuer&Witsch, 1986. – P. 467.
18. Brockhaus F. A., Wahrig G. Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden. Stuttgart: F.A. Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags – Anstalt Stuttgart, 1984. – 960 p.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.21](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.21)

Gutarova AleksandraVictorovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the West European Languages Department,
Institute of Foreign Languages, Vladivostok State University of
Economy and Service, Vladivostok, Russian Federation.
E-mail: g-a@inbox.ru

TO THE QUESTION OF THE NOMINAL COMPONENTS OF THE ANALYTICAL VERBAL-NOMINAL CONSTRUCTIONS WITH THEIR ROOT VERBS

Abstract

This article is devoted to the problem of the nominal components of the German analytical verbal-nominal constructions in correlation with their root verbs. The purpose of this article is the researching of the relationship of the analytical verbal-nominal constructions and the verbs with the close meaning and having the same root with the nouns on the examples from H. Böll's novel "A group portrait with lady". In comparison of the analytical constructions and the correlating verbs their semantic discrepancy shows very vividly. The semantic importance of the nominal component of the analytical construction is shown by that fact that in the presence of the verb with the close meaning the latter has the same root not with the verbal but with the nominal component of the compound units. The conclusion is that the analytical verbal-nominal constructions may differ semantically from their producing simple root verbs they are derived from. The analytical constructions are monosemantic and seldom receive figurative meanings, many simple verbs are polysemantic.

Keywords

The analytical verbal-nominal constructions correlation with the producing German root verbs, correlative verb, simple verb, nominal component.

REFERENCES

1. Asvandiyarov R. R. The valent characteristic of analytical constructions and correlative verbs in modern German. *Questions of the Romance-German philology (lexicology and stylistics)*. 1974, issue 66, pp. 3–13. (In Russian)
2. Böll H. *A group portrait with the lady*. Chisinau, Lumina Publ., 1987, book 2, 448 p. (In Russian)
3. Gutarova A. V. *Analytical verbal-nominal constructions of German and their Russian equivalents*. Vladivostok, 2008, 19 p. (In Russian)
4. Druzhinina A. F. On synonymy of verbs and verbal phraseological units. *N. K. Krupskaya-MRPI Scientific notes*. Vol. 160. Russian, 1966, pp. 245–255. (In Russian)
5. Efremova E. I. Style differentiation of the verbal-nominal combinations correlated to a verb with the same root. *Lexicon. Terminology. Styles*. Issue 3, 1974, pp. 249–261. (In Russian)
6. Efremova E. I. Influence of some combinatory features on transformation of verbal-nominal combinations in the verbs having same roots with nouns. *Questions of the word formation and grammar of Russian*. 1974, pp. 5–14. (In Russian)
7. Kasyanova L. N. Descriptive verbal-nominal phrases in the relation to set phrases. *The Linguistic collection*. Issue 4, 1975, pp. 96–108. (In Russian)

8. Kozhin A. N. On the character of relations in terminated set expressions. Russian. *N. K. Krupskaya-MRPI Scientific notes*. Vol. 160, issue 11, 1966, pp. 71–115. (In Russian)
9. Mordvilko A. P. *Sketches in the Russian phraseology (nominal and verbal set phrases)*. Moscow: Education Publ., 1964, 131 p. (In Russian)
10. Nedelko A. V. On correlation of the derivative verbs with the verbal-nominal combinations. *Questions of the word formation and the nominative derivation in Slavic languages*. 1982, pp. 72–79. (In Russian)
11. Nikitevich V. M. *Foundations of the nominative derivation*. Moscow: Higher school Publ., 1985, 157 p. (In Russian)
12. Perevezentseva N. N. Expression of aspect relations in the verbal-nominal combinations and the correlative verbs. *Modern Russian, Scientific notes*. Vol. 451, part 1, 1971, pp. 24–32. (In Russian)
13. Stepanova M. D. Questions of the lexical and grammatical identity (on the material of modern German). *Linguistics Questions*. 1967, no. 2, pp. 89–97. (In Russian)
14. Chernysheva I. I. The linguistic essence of analytical constructions and the problem of their verbal synonyms. *Problems of analytism in lexicon*. Issue 1, 1967, pp. 20–35. (In Russian)
15. Chernysheva I. I. *Phraseology of modern German*. Moscow: Higher school Publ., 1970, 200 p. (In Russian)
16. Shendels E. I., Rizel E. G. *Stylistics of German*. Moscow: Higher school Publ., 1975, 316 p. (In German)
17. Böll H. *A group portrait with the lady*. Köln: Verlag Kiepenheuer&Witsch, 1986, 467 p. (In German)
18. Brockhaus F. A., Varig G. *German dictionary in 6 bands*. Stuttgart: F.A. Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags – Anstalt Stuttgart, 1984. 960 p. (In German)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылаются.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

FOR AUTHORS. THE INFORMATION ABOUT THE ORDER OF PUBLICATION OF ARTICLE

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country, and also UDC;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

the abstract (100–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

the references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

Accompanying documents to article:

the original of the developed review of the directing organization / the research supervisor / expert in a publication subject (with the signature and the press);

author's license contract.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>